

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Африки Российской академии наук**

На правах рукописи

КОРОБОВ

Семен Александрович

**Социально-политическая трансформация Ливии в период итальянского
колониального правления в 1911–1940 гг.**

Специальность 5.6.2. Всеобщая история

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель
к.и.н. Жерлицына Наталья Александровна

Москва 2023

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ЛИВИЯ И ИТАЛИЯ НАКАНУНЕ ЗАВОЕВАНИЯ	16
1.1. Ливия до Италии. Триполитания и Киренаика в древности и в новое время.....	16
1.2. Роль тариката сенуситов в становлении ливийской государственности	21
1.3. Триполитания и Киренаика накануне европейской экспансии.....	25
1.4. Вступление Италии в борьбу за колонии в Африке и война 1911 г.....	30
ГЛАВА II. ИТАЛИЯ В ЛИВИИ – ПОДАВЛЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ (1912–1931 гг.).....	46
2.1. Итальянская колония в Триполитании и Киренаике: основные этапы становления.....	49
2.2. Успехи ливийского сопротивления	63
2.3. Триполитанская республика: попытка координации сопротивления.....	67
2.4. Консолидация итальянской власти над всей Ливией в 1923–1931 гг.....	88
2.5. Формирование современных границ Ливии	95
ГЛАВА III. ЛИВИЯ – ЧЕТВЕРТЫЙ БЕРЕГ ИТАЛИИ.....	105
3.1. Правовой статус ливийцев.....	107
3.2. Колониализм и итальянские колониальные институты.....	118
3.3. Ливийцы под властью Италии. Влияние итальянской колонизации на коренное население Ливии.....	127
3.4. Ливия и проецирование римского наследия – идеологическое обоснование итальянского колониализма	130
3.5. Общественное мнение в Италии и его трансформация.....	139
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	150
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	159

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристика работы

Актуальность вопроса – кризис ливийской государственности, наблюдающийся в течение последнего десятилетия, после свержения режима Каддафи, делает актуальным вопрос о тех исторических условиях, в которых формировались ливийское государство и общество. Одной из важных страниц в истории современной Ливии, оказавшей существенное влияние на ее дальнейшее развитие, было завоевание и колониальное правление Италией.

Поскольку нынешний ливийский раскол имеет ярко выраженный региональный контекст, то различия в подходах итальянской колониальной администрации к разным частям страны, как и история сопротивления колониализму на этих территориях имеют значимое отношение к текущей ситуации в Ливии и к перспективам восстановления ее национального единства. Это относится к расколу между Триполитанией и ориентированным на нее Феццаном, с одной стороны, и Киренаикой с другой стороны. Каждый из этих регионов обладает своей обособленной культурной, религиозной и экономической историей.

Помимо региональных аспектов отсутствия национального единства, актуальность также сохраняет вопрос слабости центрального правительства как такового. Данный аспект проявляется как в колониальной, так и в постколониальной истории Ливии. Вопрос о том, какое влияние на политическую силу центрального правительства и на его восприятие современным ливийским обществом оказал итальянский колониализм, сохраняет свою актуальность. Именно Италия создала Ливию в ее современном виде, с границами и администрацией, претендующей на полный контроль над территорией всей страны. В этом плане колониальный период в истории Ливии отличается от османских времен, когда фактическая власть государства не простиралась за пределы нескольких приморских городов. На остальной

территории племени и тарикат сенуситов де-факто пользовались автономией, не отрицая, как правило, номинальный суверенитет султана. В дальнейшем самостоятельность ливийцев во время длительного периода сопротивления итальянским захватчикам развилась до того, что ливийские политические и вооруженные движения – Триполитанская республика, тарикат сенуситов, отдельные племенные группы, приобрели навык обращаться за помощью к третьим сторонам. Такими сторонами были турки, немцы, британцы, а иногда – представители соседних арабских стран.

Объяснение длительности политического кризиса, который ныне проявился в развале ливийского государства, можно искать как в колониальном периоде, так и в постколониальном, во время которого развитие шло под влиянием результатов итальянской колониальной политики. Исследование истории итальянского правления поможет пролить свет на глубинные причины развала Ливии и найти способы выхода из современного кризиса.

Объект исследования – колониальная политика Италии в Северной Африке в первой половине XX в.

Предмет исследования – воздействие колониального правления Италии на социально-политическое развитие Ливии.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1911 по 1940 г., от момента вторжения Италии в Ливию до вступления Италии во Вторую мировую войну, что привело к началу боевых действий на ливийской земле и фактическому завершению дальнейших колониальных процессов на ее территории. После того как итальянцы потерпели поражение от союзных войск в 1943 г., они были вынуждены окончательно покинуть свою колонию. Для создания более полной картины происходящего, в диссертации описываются некоторые события как до итальянского вторжения в Ливию, так и после окончания колониального периода.

Географические рамки исследования -Ливия состоит из трех исторических регионов – Киренаика, Триполитания и Феццан. Феццан исторически тесно взаимосвязан с Триполитанией. Различия между историческими регионами, низкий уровень устойчивого взаимодействия усугублялись географическими факторами. Все эти факторы учитывались в рамках исследования. Географические наименования употребляются в соответствии с принципом историзма. Так, город Стамбул, официально переименованный в 1930 г., в тексте именуется Константинополем до 1930 г. и Стамбулом после этой даты.

Цель диссертационного исследования – изучить цели, методы и результаты итальянской колонизации Ливии, а также проанализировать влияние периода итальянского правления в истории Ливии на процесс ее формирования как современного государства.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- выявить методы, которыми итальянские власти осуществляли свои цели;
- проследить историю ливийского сопротивления колониализму;
- исследовать влияние, оказанное европейской политикой на итальянскую колониальную политику в Ливии;
- сравнить историю сопротивления колониализму в различных регионах Ливии.

Научная гипотеза исследования заключается в том, что итальянское правление в Ливии было изначально нацелено на полное подавление прав коренного населения, превращения Ливии в заселенную итальянцами провинцию Италии. Эта цель, не оставлявшая для коренного населения Ливии надежды на дальнейшее существование, предопределила исключительно насильственный характер итальянского господства в Ливии. Результатом колониального периода стало формирование единого ливийского государства, в котором тем не менее не было политической

элиты, способной осуществлять функцию политического лидерства и население которого отрицательно относилось к централизованному государству.

Теоретико-методологической основой исследования является совокупность принципов и методов, которые лежат в основе научного подхода, в том числе в области исторических наук.

Диссертационное исследование основывается на принципе объективности, предполагающем применение научного метода анализа действий взаимосвязанных сторон исторического процесса – Италии, ливийцев и европейских держав в исследуемый период. Также применен принцип историзма, согласно которому при изучении процессов, которые относятся к исследуемому предмету, учитываются конкретные условия, в которых они формировались. Метод диахронного анализа позволил исследовать совместный ливийско-итальянский период истории, измеряя и оценивая продолжительность и частоты дискретных событий, изложить исторический процесс на фоне более сложной системы. Специфика выбранной темы предполагает применение междисциплинарного подхода, использование методов и приемов смежных областей: помимо исторических, в работе применялся такой метод политических наук как культурологический подход, ставящий общие политические процессы и явления в зависимость от политической и социальной культуры. Это представляется особенно важным, учитывая принадлежность Италии и Ливии к различным цивилизационным системам.

Источниковую базу исследования составляют:

1. **Архивные документы.** В их числе как документы итальянских архивов, так и материалы британской разведки, захваченные итальянцами во время Второй мировой войны. В Archivio Centrale dello Stato (далее ACS) хранятся архивы Министерства итальянской Африки (Ministero dell'Africa Italiana) и Министерства колоний (Ministero delle Colonie). В них собран значительный объем данных, которые дают представление об итальянской политике в отношении коренного

населения, как в экономической и торговой, так и в административной и репрессивной областях. Также в архиве можно найти переписку колониальных администраторов с центральными властями в Риме, как по вопросам, носящим сугубо локальное измерение, так и по тем вопросам европейской политики, в которых фигурировала Ливия. Существенный массив документов архива содержит сведения о тарикате сенуситов как важном политическом акторе в Ливии. В архиве собраны материалы по итальянской политике в отношении сенуситов, а также переписка с итальянским дипломатическим представительством в Египте, прилагавшем усилия для сбора информации по важному вопросу движения сенуситов через ливийско-египетскую границу.

В ACS содержатся документы, относящиеся к вопросу делимитации ливийской границы, первые попытки которой были предприняты во время итальянского колониального правления. Незавершенность этого процесса привела в дальнейшем к чадско-ливийскому конфликту.

В ACS также находятся архивы британской администрации египетского города Соллум, расположенного вблизи ливийской границы, захваченные итальянскими войсками на ранних этапах итальянского участия во Второй мировой войне. В том числе, архив местной британской разведки, благодаря которому можно отследить ее активность в отношении Ливии, контакты сенуситов с британцами и передвижение беженцев из Ливии в Египет во время активной фазы военных действий Италии против сенуситов в 1920-х и начале 1930-х гг. Значительная часть вышеуказанных источников впервые введена автором в научный оборот.

Кроме того, в работе были использованы документы из Архива палаты депутатов (Archivio della Camera dei Deputati), которые содержат данные о законодательном регулировании Ливии со стороны итальянских властей.

2. **Сборники документов**, содержащие международные договоры Италии, заключенные в период 1914–1918 гг., внутриведомственную и межведомственную переписку, а также дипломатическую переписку за этот период¹. Указанные документы использовались в данной работе при исследовании политики итальянской и европейской дипломатии в отношении итальянских колониальных претензий, а также при изучении роли Турции и Германии в истории Ливии после 1912 г. Кроме того, при анализе процесса формирования ливийских границ использовались сборники дипломатических документов по истории французских колоний в Африке.

3. **Публицистика** изучаемого периода². Итальянские газеты и журналы 1910–1940-х гг. представляют ценный источник по данной проблематике³. Как правило, позиция итальянских авторов соответствовала позиции итальянского правительства. Авторы рассматривали Ливию с исторической, географической, этнографической точек зрения, доказывали необходимость присоединения Ливии к Италии, легкость и выгоду покорения этой страны. Помимо итальянцев, вопрос Ливии заинтересовал также и авторов из других стран⁴, в том числе российских⁵. Будучи менее вовлеченными в вопрос эмоционально и политически, эти авторы могли быть более объективными в своих суждениях касательно итальянской политики в Ливии.

¹ I documenti diplomatici italiani. Quinta serie: 1914–1918; Rouard de Card E. Traites de delimitation concernant l'Afrique française; Pagliano E. (Ed.). La Libia negli atti del parlamento e nei provvedimenti del governo. Milano, 1912.

² Stead W.T. Tripoli and the Treaties. London, 1911; McCullagh F. Italy's War for a Desert. London: Herbert and Daniel, 1912; Yeats-Brown F. Bloody Years: A Decade of Plot and Counter-Plot by the Golden Horn. New York: Viking Press, 1932; De Vecchi P. Italy's Civilizing Mission in Africa. New York: Brentano's, 1912; Corradini E. L'Ora di Tripoli. Milano, 1911.

³ Ghisleri A. Tripolitania e Cirenaica dal Mediterraneo al Sahara: Monografia storico-geografica. Milano, Bergamo, 1912; Vecchi P. Italy's civilizing mission in Africa. New York, 1912.

⁴ Bates O. Eastern Libyans. London, 1914; Lapworth C. Tripoli and young Italy. London, 1912; De Mathuisieulx H.M. La Tripolitaine d'hier et de demain. Paris, 1912; Stead W.T. Tripoli and the Treaties. London, 1911; McCullagh F. Italy's War for a Desert. London: Herbert and Daniel, 1912.

⁵ Башмаков А.А. Триполитания и Киренаика в отношении их истории и этнографии. СПб., 1912; Доливо-Добровольский Д. Иностранное обозрение // Морской сборник. 1913. № 10. С. 138–167.

Можно отметить, что публицисты начала XX в. сосредотачивались преимущественно на таких аспектах как право Италии присоединить Триполитанию и Киренаику и причины, по которым она должна это сделать; интересы других держав и баланс европейской политики; отсталость Турции и ее североафриканских владений. Взгляды коренного населения их интересовали в меньшей степени. Непосредственно во время итальянского завоевания или немного позже вышло несколько книг, которые служат образцами апологетики европейского империализма⁶, или являются достаточно поверхностными журналистскими исследованиями⁷. В России современники завоевания Ливии интересовались либо ее этнографией и историей⁸, либо военными аспектами кампании⁹.

4. **Мемуары** современников и непосредственных участников рассмотренных событий¹⁰. Для данного исследования был предпринят поиск документальных свидетельств отношения ливийцев к итальянскому вторжению, современников описываемых событий, но это оказалось непростой задачей, в силу низкого уровня грамотности основной части населения Ливии первой половины XX в., итальянской цензуры и ограничения контактов между коренным населением Ливии и иностранцами. Автором использованы свидетельства Е. Монро, которая имела возможность в 1930-х гг. побывать во многих странах Ближнего Востока и запечатлеть на страницах своей книги ту оценку, которую арабы, ее собеседники, давали характеру итальянского правления¹¹.

При всем том, что подобные источники могут быть субъективными в отражении происходивших событий, они тем не менее позволяют исследовать темы, которые архивы и документы не затрагивают. Зачастую нельзя рассчитывать на то, что

⁶ De Vecchi P. *Italy's Civilizing Mission in Africa*. New York: Brentano's, 1912.

⁷ McCullagh F. *Italy's War for a Desert*. London: Herbert and Daniel, 1912.

⁸ Башмаков А.А. Триполитания и Киренаика в отношении их истории и этнографии. СПб., 1912.

⁹ В.Н. Обзор морских операций итальяно-турецкой войны. Морской сборник. 1911. № 12.

¹⁰ Holmboe K. *Desert Encounter*. London: George Harrap, 1936; Monroe E. *The Mediterranean in Politics*. London: Oxford University Press, 1938.

¹¹ Monroe E. *The Mediterranean in Politics*. London: Oxford University Press, 1938. P. 168.

в итальянских государственных архивах хранятся данные, которые характеризуют человеческое измерение репрессивной политики итальянских властей в Ливии. В таких случаях свидетельства очевидцев могут скорректировать искажающий эффект официальной цензуры.

Степень изученности темы позволяет констатировать, что история Ливии и особенно период итальянского колониального владычества в этой стране являются темами, не получившими до сих пор должного освещения в историографии, несмотря на то что географическое положение Ливии – в центре африканского побережья Средиземного моря – говорит о геополитической важности этой страны.

Вероятно, относительную бедность историографии Ливии обусловило отсутствие в ее истории широко известных страниц, связанных с великими империями, или выдающихся объектов культурного наследия, но скорее всего – отсутствие до недавних пор самого ливийского государства, которое могло послужить объектом изучения историков. Из российских исследователей можно выделить В.Б. Луцкого¹², А.З. Егорина¹³, Н.И. Прошина¹⁴, З.П. Яхимович¹⁵. Из иностранных – таких, как У. Аскью¹⁶, Д. Вандевалле¹⁷ и Дж. Райт¹⁸, Никола Лабанка¹⁹, Франко Бандини²⁰ и Э.Э. Эванс-Притчард²¹, которые также внесли существенный вклад в исследование вопроса. Вместе с тем, значительная часть трудов, статей и монографий, посвященных истории Ливии, сосредотачивается в первую очередь на более ярких и современных ее страницах – периоде правления Каддафи. История Ливии во времена ита-

¹² Луцкий В.Б. Новая история арабских стран. М. 1965

¹³ Егорин А.З. Современная Ливия. М., 1996; История Ливии. XX век. М., 1999.

¹⁴ Прошин Н.И. История Ливии в новейшее время (середина XVI – начало XX в.). М., 1981.

¹⁵ Яхимович З.П. Итало-турецкая война 1911–1912 гг. М., 1967.

¹⁶ Askew W.C. Europe and Italy's Acquisition of Libya, 1911–1912. Durham: Duke University Press, 1942.

¹⁷ Vandewalle D. A History of Modern Libya. Cambridge University Press, 2012.

¹⁸ Wright J. A History of Libya. New York, 2012.

¹⁹ Labanca N. La Guerra Italiana per la Libia 1911–1931. Bologna: Il Mulino, 2012; Oltremare, storia dell'espansione coloniale italiana. Bologna: Il Mulino, 2007.

²⁰ Bandini F. Gli italiani in Africa. Storia delle guerre coloniali. 1882–1943. Milano: Res Gestae, 2014.

²¹ Evans-Pritchard E.E. The Sanusi of Cyrenaica. Oxford, 1949.

льянской оккупации исследуется реже. Внимание исследователей традиционно привлекает итало-турецкая война 1911–1912 гг. Все то, что следует после ее завершения – а это большая часть истории итальянского периода Ливии, – исследовано в значительно меньшей степени. В фундаментальном труде А.З. Егорина «История Ливии. XX век», непосредственно итальянскому периоду в истории этой страны посвящено 66 страниц из 488. На русском языке нет ни одной монографии, изучающей исключительно феномен итальянского господства в Ливии после 1912 г. Из англоязычной литературы лишь фундаментальная книга одного из ведущих исследователей современной истории Ливии, Дирка Вандевалле, «История современной Ливии» содержит всего 4 страницы (из 237), посвященные тому периоду, когда Ливия была «умиротворена» под властью фашистского режима.

Арабские исследователи внесли весомый вклад в изучение истории итальянского колониализма. Можно отметить таких авторов, как Али Абдуллатиф Ахмида²² и Агил Ал-Барбар²³, которые смогли избежать евроцентричности, неизбежно присущей историческому дискурсу, где большинство участников – европейцы.

Научная новизна данной работы заключается в том, что в ней впервые в отечественной науке на основе подробного изучения всех аспектов итальянского колониального правления в Ливии системно исследован процесс, повлекший социальную и политическую трансформацию этой североафриканской страны. Проанализированы роль и значение вопросов организации сопротивления итальянцам в Триполитании, становления и падения Триполитанской республики. Сделан вывод о том, что эти процессы создали основу для формирования в Ливии монархического государства во главе с сенуситами, которое имело региональную базу в Киренаике

²² Ahmida A.A. The Making of Modern Libya: State Formation, colonization and Resistance. State University of New York, 2009.

²³ Al-Barbar A. Economics of Colonialism: the Italian Invasion of Libya and Libyan Resistance 1911–1920. A Socio-Economic Analysis. Tripoli, 1992.

и первоначально опиралось на Великобританию как важного внешнего актора. Показан и комплексно проанализирован в широком историографическом контексте процесс колонизации Ливии в 1930-х гг. итальянскими крестьянами-переселенцами и причины провала данной политики. Проанализирован в широком контексте процесс формирования современных границ Ливии, с учетом как политики Высокой Порты, так и взаимодействия Италии с важнейшими колониальными державами эпохи – Францией и Великобританией. Впервые рассмотрен механизм идеологического обоснования принадлежности Ливии Италии, основанный на проецировании исторического наследия Римской империи. Подробно проанализирован гражданско-правовой статус коренного населения Ливии на протяжении всего исследуемого периода с учетом перехода власти к фашистам и последующего сближения Италии и Германии в конце 1930-х гг., что способствовало внедрению расистских принципов в итальянское колониальное законодательство.

Основные положения, выносимые на защиту:

– итальянский колониальный период сыграл важнейшую роль в формировании современной Ливии. С одной стороны, в этот период было сформировано единое государство с определенными границами, чего не было ранее. С другой стороны, именно в этот период большинство коренного населения, отстраненного итальянцами от любых возможностей воздействия на власть, получило «прививку» недоверия к государственной системе как таковой.

– карательная политика Италии в отношении коренного населения Ливии, направленная на подавление сопротивления, а также непоследовательная политика итальянских властей в период после этого «умиротворения», способствовали разрушению коренных элит ливийского общества и отторжению большей части ливийцев от конструктивного взаимодействия с государством.

– итальянская политика колонизации Ливии и превращения ее в «четвертый берег» Италии была направлена на уничтожение большей части ливийского населения, конфискации земельных угодий и заселения их итальянскими крестьянами. Вступление Италии во Вторую мировую войну воспрепятствовало полному осуществлению данной политики. При проецировании темпов демографической трансформации Ливии на ее дальнейшее развитие, можно допустить утрату ее большинства ее коренного населения к концу 1940-х или середине 1950-х гг.

– итальянская политика привлечения ливийцев к сотрудничеству с колониальными властями прошла несколько фаз. Первая фаза, начавшаяся до вторжения итальянцев, была следствием коллаборационизма нескольких семейств нотаблей в прибрежных городах. Во время второй фазы были созданы парламенты Триполитании и Киренаики, посредством которых коренное население могло претендовать на достаточно широкое представительство. Третья фаза, которая началась после прихода к власти в Италии фашистов, характеризовалась непоследовательной политикой дарования узкого перечня гражданских прав ограниченной прослойке местных жителей на фоне карательной практики в отношении ливийцев в целом.

– заключительные этапы процесса формирования границ Ливии проистекали в рамках общеевропейской политики умиротворения и не зависели от местных условий.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что автором введены в научный оборот ранее не публиковавшиеся документы по истории итальянской колонизации Ливии. На основе их анализа создан труд, позволяющий наметить направления дальнейшего изучения исторических и политических процессов, определяющих современное состояние и будущее Ливии. Выводы и оценки автора могут также быть полезны для дальнейшего научного поиска в области изучения истории колониальной политики западных стран в Африке и арабских странах.

Практическая значимость данной работы заключается в том, что она может быть использована при подготовке курсов лекций и составлении учебных пособий по истории Ливии и истории итальянского колониализма в высших учебных заведениях. Кроме того, исследование итальянской политики в отношении колонизированной Ливии позволит ученым и дипломатам лучше понять причины кризисного положения современной Ливии. Результаты диссертационного исследования могут найти применение в разработке внешнеполитической концепции и практической деятельности МИД РФ.

Область исследования соответствует паспорту специальности ВАК 5.6.2 – Всеобщая история, а именно: п.6 «Новейшая история (XX–XXI вв.)»; п.8 «История цивилизации, стран, народов, регионов»; п. 13 «Власть в истории. История государства и его институтов. Государство и общество. Сфера политики и политических отношений. История политической культуры. Государство, политика и человек»; п. 16 «Международные отношения. Историческая конфликтология. Становление глобальной цивилизации».

Апробация результатов исследования. Результаты диссертационного исследования были апробированы в ряде статей и выступлениях на всероссийских и международных научных конференциях. Основные положения диссертации отражены в 6 опубликованных работах общим объемом 1,8 авторских листа, в том числе в 3 изданиях, включенных в Перечень ВАК. Результаты исследования также прошли апробацию на XIV международной конференции африканистов «Африка и африканцы в национальном, региональном и глобальном измерениях» (Москва, 17–20 октября 2017 г.), XVI Всероссийской школе молодых африканистов (28–29 ноября 2017 г.) и XIX Всероссийской школе молодых африканистов «Российско-африканские отношения: история, достижения, вызовы и новые горизонты сотрудничества» (25 ноября 2020 г.).

Структура диссертационной работы соответствует логике исследования и состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и источников.

ГЛАВА I. ЛИВИЯ И ИТАЛИЯ НАКАНУНЕ ЗАВОЕВАНИЯ

1.1. Ливия до Италии. Триполитания и Киренаика в древности и в новое время

История ливийских земель весьма древняя, она начинается с пунической колонизации прибрежных районов Триполитании и таинственных гарамантов в полупустынных краях Сахары. Однако мы можем сказать, что современная Ливия началась с арабским вторжением, которое искоренило или ассимилировало пуническое, латиноязычное и грекоязычное христианское население римских провинций Северной Африки и со временем заменило его на мусульман, говорящих на арабском языке.

В настоящее время сложно судить о том, насколько быстро наследие Рима было изжито из Ливии – сохранились упоминания о неких романоязычных обитателях Северной Африки даже в XII в., но это могли быть и рыбаки с северного берега Средиземного моря, и представители смешанного в культурном и лингвистическом плане населения Сицилии или Андалуса. Как бы то ни было, речь в данном случае о Тунисе, а не о Ливии. В раннесредневековой истории самой Ливии нет ни одного намека на попытку свергнуть веру, принесенную завоевателями. Семитоязычные пунийцы, если таковые еще оставались на исходе римского владычества, легко влились в арабское языковое сообщество, латино-и грекоязычные жители либо эвакуировались морем в Константинополь, либо присоединились к победителям. Основная масса населения во времена раннего арабского правления состояла из берберов, в то время как арабский был языком образованных горожан.

Уже в первое столетие после арабского завоевания начался медленный, но неизбежный процесс раскола единого арабского халифата на более или менее суверенные политические единицы. При этом Триполитания, как правило, оказывалась в той или иной степени интегрированной в государственные

образования, формирующиеся в Магрибе (шиитский Фатимидский халифат, Зиридская династия берберов), в то время как Киренаика чаще оказывалась под властью правителя Египта.

В XI в. бедуины арабы – племена бану-хияль и бану-сулейм – двинулись из Аравии на запад, в Магриб, призванные туда Фатимидами в качестве наказания Зиридам. Опустошение, которое произвели завоеватели, привело к двум ключевым для дальнейшего развития страны последствиям. Первым было продолжение сосредоточения населения в прибрежных районах и рост в них экономической активности. Вторым последствием стала стремительная арабизация страны, которая привела к сокращению доли берберов среди местного населения.

При том, что после арабского завоевания Средиземноморье утратило прежнее культурно-цивилизационное единство, взаимодействие между двумя его частями никогда не останавливалось. Существовали коммерческие связи, были также и культурные контакты, в ходе которых арабы и европейцы принимали и усваивали часть наследия друг друга. Также, конечно, продолжались вооруженные вторжения, и если в раннем средневековье успех сопутствовал мусульманам, то к концу средневекового периода европейцы перешли в нападение. В частности, в 1510 г. Триполи был занят испанцами, которые в то время (вероятно, продолжая политику Реконкисты) оккупировали многочисленные населенные пункты на всем североафриканском побережье, от Марокко до Триполитании. Спустя 20 лет город вместе с Мальтой был передан рыцарям-иоаннитам, которые затем с помощью правителя Туниса захватили большую часть западной Триполитании.

Европейское вторжение вызвало яростное сопротивление местного населения, которое призвало на помощь самое могущественное из мусульманских государств той эпохи – Османскую империю, уже правившую Египтом. В 1535 г. османы прибыли в Триполитанию, изгнали мальтийских рыцарей, и Ливия осталась османской территорией до 1911 г.

Османский суверенитет над Ливией знал периоды прямого правления, когда Константинополь назначал губернаторов, а также времена (с 1711 по 1835 гг.), когда страной правила местная династия Караманли, при этом признававшая султанов в Константинополе своими сюзеренами. После кризиса династии, в 1835 г., последовало восстановление прямого правления из Константинополя. Столь оперативной реакции Высокой Порты, вероятно, способствовало осознание угрозы, которая возникла перед османским и мусульманским присутствием в Северной Африке после вторжения Франции в Алжир в 1830 г. Говоря о периодизации ливийской истории, можно сказать, что с этой даты началось формирование зачатков современной ливийской нации, и характерно, что это этот процесс шел под иностранным правлением – в данном случае, османским.

Хотя последние годы правления династии Караманли и были сопряжены с внутренними междоусобицами, которые создали существенные затруднения жителям страны, тем не менее прямая власть «законного» султана была непопулярной среди арабского населения: оно оказывало сопротивление османским гражданским чиновникам и военным офицерам. Понимая необходимость адаптации своих государственных структур к местным условиям, в 1866 г. Высокая Порта выделила Триполитанию в отдельный вилайет, тогда как Киренаика, где сопротивление было особенно сильным, в 1879 г. была выведена из административного подчинения Триполитании и стала отдельным санджаком во главе с мутешарифом, назначаемым непосредственно из Константинополя, но координировавшим свои действия с триполитанским вали.

Между 1835 и 1911 г. территориями управляли 33 представителя Османской империи, что свидетельствует о больших сложности, которых испытывала Османская империя в подборе административных кадров, желающих посвятить свою карьеру управлению территориями, которые последовательно доказали

мятежный, трудно управляемый и экономически малозначимый для Константинополя характер²⁴.

Высокая Порта предпринимала активные попытки утвердить свою военную мощь на территории всей империи для того, чтобы предохранить свои дальние территории от попыток оторвать их, как европейцами (в Алжире) и местными элитами (в Египте). В контексте Ливии, эта политика привела к трем завоевательным кампаниям, две из которых длились примерно двадцать лет, после 1835 г.²⁵. Османская империя стремилась систематически распространить свой контроль на все Киренаику, Феццан и Триполитанию.

Несмотря на номинальное положение султана как духовного лидера мусульман Ливии, которое само по себе никем не оспаривалось, вторая османская оккупация, так же, как и предыдущие акты политики Караманли, вызвала в провинциях значительное сопротивление османской армии. Попытки распространить бюрократический контроль – и, что даже более важно, налогообложение – на внутренние районы встретили не менее сильное сопротивление со стороны организованных племенных объединений в Феццане (самым влиятельным из них был племенной союз Авлад Сулейман во главе с Абд аль-Джалилом из клана Саиф Ан-Наср) и других племенных берберских групп в районе Джабаль Нафуса²⁶. В конце концов, в 1842 г. османским войскам удалось настигнуть и в ходе стычки убить Абд аль-Джалила и ряд других из его приближенного круга, что положило концу сопротивлению Авлад Сулейман²⁷.

Кровавое завоевание Триполитании и Феццана продолжалось 24 года, в будущем сделав борцов из племен Авлад Сулейман и их вождей из клана Саиф ан-

²⁴ World Statesmen.org: Libya. URL: <https://www.worldstatesmen.org/Libya.htm> (дата обращения: 24.02.2023).

²⁵ Vandewalle D. A History of Modern Libya. Cambridge University Press, 2012. P. 17.

²⁶ Wright J. Libya, Chad and the central Sahara. London: Hurst & Company, 1989. P. 73.

²⁷ Ibid. P. 74.

Наср, в первую очередь Абд аль-Джалиля и других деятелей сопротивления, самыми ранними почитаемыми деятелями для ливийских националистов²⁸.

На протяжении оставшейся части XIX в. османы поддерживали свое присутствие даже в самых отдаленных уголках вновь завоеванной территории, строили для этой цели новые форты (в Гадамесе в 1862 г. и в Гате в 1875 г.²⁹). Они разместили многочисленные небольшие гарнизоны в далеких оазисах, а к 1909 г. распространили военную оккупацию на Тибести в современном Чаде³⁰. Османские власти предпринимали попытки доказать как европейским державам, так и местным жителям свое право на обладание территорией Триполитании и Феццана.

Проводимые османской администрацией призывные кампании среди местного населения никогда не были полностью успешными, хотя к концу османского присутствия в Ливии, вооруженный и регулярный контингент под командованием османских офицеров, набранный из местных жителей все же был создан. В то же время ряд влиятельных триполитанских и киренаикских семей сотрудничал с представителями Османской империи в их попытках укрепить государственную власть и расширить коммерческую деятельность. Таким путем в Ливии была создана группа влиятельных семейств, чье экономическое и политическое влияние переживет колониальный период³¹.

Параллельно Высокая Порта, исходя из реалистичной оценки соотношения сил в Северной Африке, принимала меры для утверждения приемлемых границ Ливии. В 1890 г. была подписана англо-французская конвенция, определившая разграничение британской и османской сфер влияния в Северной Африке. В 1910 г. было заключено соглашение, которое урегулировало француско-османские раздоры на границах между Триполитанией, Алжиром и Тунисом. Хотя признание

²⁸ Ibid.

²⁹ Vandewalle D. A History of Modern Libya. Cambridge University Press, 2012. P. 18.

³⁰ Ibid. P. 19.

³¹ Ibid. P. 33.

европейскими державами границ османских провинций и давало Высокой Порте некоторую уверенность в своем будущем присутствии в Северной Африке, эти договоры также означали признание Османской империей того, что европейцы не уйдут из Магриба, и что баланс сил надолго изменился в их пользу.

Можно сделать вывод, что несмотря на относительно поверхностный уровень контроля османских властей над ливийским обществом, к концу своего правления, Высокая Порта успела оформить некоторый контроль над территорией Ливии, и вокруг османской администрации был сформирован круг нотаблей, которые составляли элиту местного общества, потенциально способную возглавить его в дальнейшем.

1.2. Роль тариката сенуситов в становлении ливийской государственности

Одновременно с восстановлением прямого османского правления произошло еще одно событие, которому суждено было оказать огромное влияние на дальнейшее развитие Ливии. В 1837 г. в Хиджазе Мухаммад ибн-Али ас-Сенуси, выходец из Алжира, долго живший в Мекке, основал тарикат (тарикат) сенуситов. Терпя преследования османских властей (Хиджаз в те годы принадлежал Османской империи) и, вероятно, не желая возвращаться на родину, которая как раз в те годы переживала французское вторжение, Мухаммад ибн-Али ас-Сенуси прибыл в Киренаику, где основал первую ливийскую завийю Тариката – в Бейде. Новый тарикат, призванный вернуть ислам к его первоначальной чистоте и устранить противоречия между различными ветвями ислама, в дальнейшем стал крупным экономическим, политическим и культурным фактором в Ливии. Хотя подробное изложение истории сенуситов и причин их успеха не входит в рамки данного исследования, можем отметить, что некоторые аспекты их учения – простота, стремление к справедливости – делали его особенно привлекательным

для бедуинов Сахары. Со временем сенуситы приобрели существенные земельные владения, рабов, они участвовали в торговых операциях внутри страны и в регионах, смежных с Ливией, пока не стали во внутренних районах Ливии, особенно в Киренаике, подлинной властью, замещающей номинальную власть султана, суверенитет которого, однако, признавали.

Отметим, что сенуситы не были коренной инновацией в истории Магриба. Северная Африка давно знает феномен тарикатов, объединений, сформированных из родственных связей и религиозных, суфийских тарикатов. Первые тарикаты появились в Северной Африке в XII-XIII вв., и опираясь на культы местных святых, стремительно заняли такое положение в системе государственных и общественных отношений, что шерифы (местные нотабли, как правило потомки Магомета) вынуждены были с ними считаться³². Мухаммад ибн-Али ас-Сенуси, таким образом, опирался на давнюю традицию, которая имела активное развитие в XIX в. Так, на родине Мухаммада ибн-Али ас-Сенуси, Алжире, вооруженное сопротивление французской оккупации в 1830-х возглавил Абд аль-Кадира, местный вождь суфийского тариката Кадирийя³³. Ранее, в конце XVIII в. также в Алжире, Ахмадом ат-Тиджани был основан тарикат ат-Тиджанийя, который постепенно распространил свое влияние в Алжире, Марокко, Мавритании и южнее, в регионах Сахары, расположенных на территории современных Сенегала, Мали и Нигера. В 1840-х, один из представителей тариката ат-Тиджанийя, Омар эль-Хаджа, основал государство Тукулеров (также известное как Тиджанийя Омара эль-Хаджа) на территории современного Мали³⁴.

Однако политика тариката сенуситов не была ориентирована на проникновение в города в качестве государственной власти. Специфика тариката,

³² Дьяков Н.Н. Магриб-Машрик-Россия: материалы по историографии и истории арабского мира. СПб.: Издательство СПбГУ, 2014. С. 30.

³³ Там же.

³⁴ Robinson D. The Holy War of Umar Tal. Oxford University Press, 1985.

которая объясняла его успех в племенной среде, заключалась в том, что он давал кочевникам то, чего османская власть не смогла бы им дать, даже если бы они согласились принять это из османских рук – правосудие, образование, оказание помощи сиротам и бедным и иные функции социального регулирования, которое османское государство не было готово реализовать в племенной среде ливийских пустынь, в то время как сенуситы смогли. Причина заключалась в том, что османская власть не обладала достаточным финансовым и ресурсным обеспечением, а также видением необходимости активной социально-экономической политики.

Организация завий³⁵ тариката следовала племенному принципу – при этом, как правило, чем более единым было племя, тем меньше в нем было завий, в то время как более раздробленные племена, наоборот, требовали больше завий³⁶. Известный антрополог и исследователь сенуситов Э.Э. Эванс-Притчард сравнивал их деятельность в части государственного строительства с ваххабитами Аравийского полуострова (хотя необходимо отметить, что Э.Э. Эванс-Притчард считал это сравнение корректным лишь отчасти: сенуситы существенно отличались от ваххабитов в вопросах практической реализации своих религиозных воззрений)³⁷. Сенуситы, сохраняя номинальную лояльность в отношении Высокой Порты, тем не менее часто действовали совершенно самостоятельно. В частности, глава тариката сенуситов отказал султану Абдул-Хамиду II в просьбе прислать войска для участия в русско-турецкой войне 1876–1878 гг.

Сенуситы не смогли стать популярным религиозным движением в городах. Их влияние было особенно сильным в Киренаике и Феццане и более слабым в Триполитании. К концу XIX в. в Киренаике насчитывалось 45 завий, в пустынном Феццане 21, в то время как в густонаселенной Триполитании их было относительно

³⁵ Завия – опорный хозяйственный и религиозный пункт тариката.

³⁶ Evans-Pritchard E.E. *The Sanusi of Cyrenaica*. Oxford, 1949. P. 72.

³⁷ *Ibid.* P. 8.

немного – 28. По некоторым данным, на пике их влияния в 1880-х гг., количество братьев тариката достигало 1 или даже 2 миллионов³⁸. Даже если подлинное число было ниже, то нельзя не отметить, что подобное географическое распространение и численность делали тарикат одной из ведущих сил Сахары. При этом тарикат сенуситов и не пытался предпринимать шаги к экспансии в города, сосредотачиваясь на росте в Сахеле, проникая в Чад, Судан, современный Нигер и Нигерию – регион, известный тогда как Белад ас-Судан.

Необходимо отказаться от попыток модернизировать историю и представить сенуситов в качестве «первых ливийцев», прообразом современной ливийской нации либо государства. Исследование политической идеологии сенуситов, если таковая у них была в рассматриваемый период, не входит в рамки данной диссертации, но можно констатировать, что в своей деятельности сенуситы не подавали признаков того, что они стремятся к такой общественно-модернизационной деятельности, которую предполагает создание политической нации.

Для того чтобы сохранить автономию относительно властей Высокой Порты, сенуситы несколько раз переводили свой административный центр на юг и в глубь Сахары – сначала из Бейды в Джагбуб, затем в Куфру и в 1899 г. – в Гуро. После того как французы слишком близко подошли к Гуро, сенуситы вернули свою административную столицу в оазис Куфра, где их и застали итальянцы.

Можно отметить, что основоположники сенуситского тариката сами не были коренными жителями Киренаики – вместе с основателем они пришли с запада, из Магриба. Тем более интересно отметить, что, согласно свидетельству авторитетных исследователей, городское население Триполитании и Киренаики также в существенной степени состояло из пришельцев и их потомков – арабов из Магриба

³⁸ Collins C. Imperialism and Revolution in Libya. MERIP Reports. 1974. № 27. P. 6.

и Египта³⁹, турок, евреев и небольшого количества греков, мальтийцев и итальянцев⁴⁰.

Несомненно, что вне крупных городов и их сельских пригородов именно сенуситы были реальной властью в стране. Русский путешественник А.В. Елисеев отметил, что «на самом деле обширной страной управляют уже не Оттоманская Порта и не чиновники, а невидимый, но могущественный шейх ордена сенуситов»⁴¹.

Обобщая, мы можем сказать, что к моменту завоевания страны итальянцами тарикат сенуситов в нынешней Ливии представлял собой, пожалуй, наиболее могущественную и наиболее укорененную организованную силу, которая в то же время не составляла конкуренции османской администрации, поскольку занимала ту нишу – географическую, этнографическую и экономическую, – которую османская администрация не могла заполнить. Но и власть Высокой Порты не мешала сенуситам – этот тарикат, который так успешно вжился в общественный строй бедуинов, и был привязан к нему, не мог распространиться в городах, где безраздельно властвовала Османская империя. Устойчивый в своем естественном ареале, тарикат сенуситов тем не менее не мог воспрепятствовать попыткам внешних игроков (на данном этапе – турок) контролировать города и не стремился к этому.

1.3. Триполитания и Киренаика накануне европейской экспансии

К концу XIX в. экономика будущей Ливии находилась в глубоком кризисе, вызванном сокращением транссахарской торговли, что, в свою очередь, было вызвано запретом на работорговлю, который европейцы ввели в своих колониях, и

³⁹ Evans-Pritchard E.E. The Sanusi of Cyrenaica. Oxford, 1949.

⁴⁰ В качестве примера можно указать на небольшую греческую общину в Киренаике, состоявшую из переселенцев с острова Крит, которые бежали от резни во время Критского восстания 1897–1898 гг.

⁴¹ Елисеев А.В. По белу свету. СПб., 1896. С. 7.

тем, что морской путь из Западной Африки в бассейн Средиземного моря стал доступной и безопасной альтернативой сухопутным караванам⁴². Это привело к изменениям в социальной структуре местных сообществ в Фецане и Триполитании. Таким образом, мы можем констатировать, что уже до начала колониального периода своей истории Ливия была подвержена экономическому влиянию извне. Именно транс-сахарская торговля была наиболее стабильным и выгодным источником доходов в стране⁴³, в то время как сельское хозяйство было неразвито и сильно зависело от дождей. Засухи 1881–1882, 1888 и 1902–1903 гг. нанесли сельскому хозяйству Триполитании серьезный ущерб⁴⁴.

В социальной структуре Ливии не было четкого разграничения между городами, сельской местностью и пустыней, так же как не было и четкой разделительной линии между областью, где османская администрация имела непосредственную власть, и теми районами, где она была призрачной – караван, который пересекал Фецан и Триполитанию, в одном месте платил дань племенному вождю, а в другом – османскому чиновнику. Но затем племенной вождь мог отправиться в город за покупками, а связи османских чиновников с местными племенными вождями подчас были теснее, чем их связи с администрацией в Триполи⁴⁵

Нельзя отрицать, что социально-экономический прогресс, наблюдавшийся во всех частях света в начале XX в. обошел Ливию мимо. Наоборот, именно в эти годы формируются зачатки более образованного и более социально активного класса населения, который со временем смог бы составить основу будущей ливийской государственности. Так, «между 1900 г. и 1910 г. 27 начальных школ были основаны

⁴² Ahmida A.A. State and class formation and collaboration in Colonial Libya. Italian Colonialism. Palgrave MacMillan, 2005. P. 61.

⁴³ Ibid. P. 19.

⁴⁴ Rossi E. La storia di Tripoli e della Tripolitania dall conquista araba al 1911. Roma, 1968. P. 277.

⁴⁵ Ahmida A.A. State and class formation and collaboration in Colonial Libya. Italian Colonialism. Palgrave MacMillan, 2005. P. 63.

в Триполи, помимо ранее открытых кетабов... Турецкое правительство также допускало открытие частных иностранных школ. В 1909 г. в Триполи было 30 еврейских школ, 5 начальных итальянских школ, профинансированных итальянским правительством в Риме, английская школа и 2 французских школы. В 1907 г., как сообщает Мохаммед ат-Тахир аль-Джарари, «первая школа для инвалидов была открыта в Триполи, при финансировании французской францисканской миссией, для образования глухонемых, слепых и инвалидов в целом»⁴⁶.

Необходимо также отметить распространение высшего образования в Ливии. Несмотря на то, что в самой стране не было высших учебных заведений, все большее количество молодых людей пользовалось возможностью получить высшее образование либо в соседних арабских странах, либо в Османской империи -«... многие молодые люди могли завершить свое образование в турецких университетах, знаменитом университете аль-Азхар в Египте или не менее известном университете аз-Зайтуна в Тунисе»⁴⁷ Можно отметить, что Сулейман аль-Баруни, в последствии сыгравший значительную роль в политической жизни Ливии и в сопротивлении итальянцам, учился в обоих университетах.

Таким образом, нет оснований утверждать, что османская власть была особенно репрессивной в отношении коренного населения Ливии. В стране постоянно развивалась печать -«параллельно с развитием образования и культуры, есть также четкие признаки растущей печати, с газетами и журналами на нескольких языках. В одном только Триполи выходило 8 ежедневников и еженедельников на арабском, турецком, итальянском и иврите...»⁴⁸. Говоря о гражданских свободах в Османской империи после восстановления конституции 1876 г. в 1908 г., можно отметить, что жители Триполитании и Киренаики

⁴⁶ Del Boca A. Mohamed Fekini and the fight to free Libya. Palgrave Macmillan, 2011. P. 12.

⁴⁷ Ibid. P. 12-13.

⁴⁸ Ibid. P. 13.

пользовались определенными гражданскими правами «Помимо свободы собраний и союзов, они могли отправить 8 представителей в парламент в Константинополе, и к тому же, 20 марта 1909 г. в Триполи был учрежден провинциальный совет вилайета, который также представлял Феццан».

Тем не менее попытки арабских интеллектуалов создать в Ливии национальное движение решительно пресекались. В частности, распространение газеты «Аль-асад аль-ислами», которую триполитанский активист и политический деятель Сулейман аль-Баруни издавал в Каире для читателей в Триполитании, было запрещено.

К 1911 г. общий уровень экономического развития страны был весьма низким, в то время как связи между отдельными районами будущей Ливии оставались слабыми. Промышленность существовала исключительно в зачаточном виде, и уровень урбанизации был весьма невысоким – население Триполи насчитывало 30 тыс. человек, Бенгази – 22 тыс. человек⁴⁹. Во внутренней части страны власть Высокой Порты являлась по большей части номинальной, господствовали племенные отношения. Обладание Ливией не было для турок выгодным делом: согласно некоторым источникам, убыток от непокрытых расходов на административное и военное управление Ливией составлял около 250 тыс. американских долларов в год⁵⁰ – сумма не чрезмерно большая, но тем не менее для тех времен достаточно весомая.

В османском парламенте Триполитания была представлена четырьмя депутатами, в то время как Киренаика – двумя. Представители арабов, как правило, выступали против централизаторских и пан-туркистских устремлений новой власти. Таким образом, в преддверии итальянского вторжения между арабским большинством в Ливии и Высокой Портой в Константинополе наблюдалось

⁴⁹ Яхимович З.П. Итало-турецкая война 1911–1912 гг. М., 1967. С. 29.

⁵⁰ Stead W.T. Tripoli and the Treaties. London, 1911. P. 48.

определенное напряжение. Некоторые бедуины в поисках поддержки даже вступили в диалог с итальянским консулом в Бенгази. Итальянцы, видимо, не поняли, что желание местных вождей приобрести в лице итальянских союзников весомый рычаг в их противостоянии с центральными властями в Константинополе никак не предполагало того, что они хотят перейти в подчинение Италии⁵¹. Впрочем, можно допустить, что итальянские агенты на местах в своих докладах Риму несколько приукрашивали слова и жесты триполитанцев, придавая им смысл, который в них изначально не вкладывался. Возможно, именно поэтому у итальянцев сложилось впечатление, что те арабы, которые воевали против них, были мятежниками, не разделявшими мнения большинства местного населения, которое якобы желало оказаться под властью цивилизованных европейцев.

При мутешарифе Киренаики имелся консультативный совет, который состоял из главного казначея, секретаря администрации, кади, муфтия и четырех представителей местного населения. Государственные функции были весьма ограниченными и вне крупных городов османскими властями не выполнялись. Налогообложение состояло из пошлин, уплачиваемых при ввозе и вывозе товаров, налога на скот и десятины, взимаемой мудирами (главами уездов) с урожая. Поскольку мудир, как правило, не обладали достаточными силовыми ресурсами для принуждения местных бедуинов, то они стремились находить общий язык с племенами, которые входили в тарикат сенуситов. Некоторые из мудиров даже становились братьями тариката, оставаясь при этом османскими чиновниками⁵².

Большая часть населения жила в условиях натурального, а не товарного хозяйствования. Из факторов экономики, которые потенциально могли сыграть роль в экспорте, можно отметить продукты, которые ливийские рыбаки архаичными методами добывали в прибрежных водах – морские мочалки (губки), тунца и соль.

⁵¹ Evans-Pritchard E.E. *The Sanusi of Cyrenaica*. Oxford, 1949. P. 101.

⁵² *Ibid.* P. 98.

В среднем оборот ливийской торговли в годы, предшествовавшие итальянскому вторжению, составлял 3,8 млн долларов США⁵³.

Население, согласно переписи, проведенной османскими властями в августе 1911 г., составляло 523 176 человек, но большинство источников считает, что эти цифры недостоверны, так как Высокая Аорта не контролировала значительную часть внутренней Ливии⁵⁴. В целом население Ливии к началу турецко-итальянской войны приблизительно оценивается в 1 млн человек. Подавляющее большинство составляли арабы, имелось некоторое количество берберов, в городах жили около 20 тысяч евреев и несколько тысяч европейцев⁵⁵. Полноценный контроль османской власти простирался не дальше нескольких городов в Триполитании и Киренаике и непосредственно прилегающих к ним сельскохозяйственных районов. В этом смысле первые годы итальянской колониальной администрации были всего лишь продолжением османского владычества.

1.4. Вступление Италии в борьбу за колонии в Африке и война 1911 г.

Начиная с того момента, как Италия была собрана силой оружия (преимущественно прусского и французского) в единое государство, итальянские политики, журналисты, историки и экономисты стали говорить о том, что Италия должна будет приобрести колонии в Северной Африке. Забегая вперед, можно отметить что даже на излете итальянской колониальной эпохи вышеуказанное коллективное мнение не изменилось. К примеру, в 1943 г. видный итальянский археолог, игравший активную роль в раскопках Киренаики и Лептис Магны, Пьетро Романелли писал, что «Рим и Африка не могут игнорировать друг друга, они не

⁵³ Askew W.C. Europe and Italy's Acquisition of Libya, 1911–1912. Durham: Duke University Press, 1942. P. 10.

⁵⁴ Ibid. P. 11.

⁵⁵ Ibid.

могут не встретиться посреди моря которое их омывает»⁵⁶. Известны исключения из этого правила, к примеру гарибальдист, националист и впоследствии премьер-министр Бенедетто Кайроли утверждал, что Италия должна оставить свои руки чистыми от обвинений в колониализме, что европейская страна не имеет права владеть африканской страной так же, как Австрия не должна владеть итальянским Трентино⁵⁷, но подобные исключения не оказывали существенного влияния на итальянскую политику.

Как таковое итальянское присутствие итальянцев в Восточном Средиземноморье не было чем-то новым. Итальянские государства уже до объединения страны играли активную, хотя и не ведущую, роль в развитии коммерческих связей Османской империи с Западной Европой. Королевство обеих Сицилий активно торговало с Тунисом, Триполи и Александрией. Сардинское королевство, которое унаследовало историческую роль Генуи в Леванте, было одним из крупных торговых партнеров Османской империи. В 1824 г., ее торговый оборот в Константинополе был четвертым после Великобритании, Австрии и России⁵⁸.

Джузеппе Мадзини, один из выдающихся деятелей Рисорджименто, итальянского объединения, писал: «Тунис, Триполи и Киренаика являются той частью Африки до Атласских гор, которая вполне вписывается в европейскую систему. Мы были хозяевами этого региона до V века. Сейчас французы покушаются на него, и они его получают, если только мы их не опередим»⁵⁹. Хотя в 1871 г., когда Мадзини написал эти строки, Италия только завершила процесс объединения территории полуострова, и была слабейшей, беднейшей из

⁵⁶ Romanelli P. *Roma e l’Africa: Quaderni dell’Imperi: Roma e il Mediterraneo*. Spoleto: Reale Istituto di Studi Romani, 1943. P. 18.

⁵⁷ Choate M.I. *The Tunisia Paradox: Italian Aims, French Imperial Rule, and Migration in the Mediterranean Basin*. California Italian Studies Journal. 2010. P. 5.

⁵⁸ Kent M. (Ed.). *The Great Powers and the End of the Ottoman Empire*. London: Frank Cass, 2005. P. 52.

⁵⁹ Recchia S., Urbinati N. *A Cosmopolitanism of Nations: Giuseppe Mazzini’s Writings on Democracy* Princeton University Press, 2009. P. 238.

европейских держав, он тем не менее смог верно предугадать направление, которое примут итальянская политика и итальянский общественный дискурс, как только Италия окрепнет.

Одним из вопросов, которые рассматривает современная историческая наука, является вопрос первопричин приобретения колониальных владений той или иной державой (сам по себе термин «колония» имел в Италии два отдельных значения, обозначая общину итальянцев в той или иной стране, либо же подконтрольную Италии территорию⁶⁰). Представляется наиболее правильным утверждать, что единого ответа для всех колониальных держав нет, но можно суммировать ответы в несколько категорий. Первой такой категорией были колонии, направленные на завоевание земель, быструю эксплуатацию наиболее ценных ресурсов (как правило, золота и серебра), с последующим закреплением колонизирующей страны, обращением веру и образованием преимущественно рабовладельческих хозяйств, выращивающих экзотические товары на продажу в Европу (сахар, специи, красители и иное). К указанной категории можно отнести испанские и португальские колонии в Новом Свете, а также карибские колонии Франции, Великобритании, Нидерландов и Дании.

Второй категорией является коммерческий интерес, когда приобретение обширной колониальной территории как таковой не было изначальной причиной. В таких ситуациях колониальная держава изначалью закреплялась в приморской точке опоры для торговли с той или иной страной (в качестве примера можно указать на приобретение Бомбея англичанами в XVII в.), либо в качестве стратегического опорного и перевалочного пункта (здесь в качестве примера можно указать на Мыс Доброй Надежды, укрепленным голландцами как промежуточный пункт между метрополией и колониальными владениями на востоке). В таких

⁶⁰ Veracini L. Italian Colonialism Through a Settler Studies Lens // Journal of Colonialism and Colonial Studies. – 2018. – Vol. 19. – № 3.

случаях, приобретение контроля над Индией или Южной Африкой не было целью европейской державы и было реализовано только в результате событий длившихся несколько сотен лет, которые позволяли европейцам проникнуть вглубь колонизируемых стран, закрепить над ними контроль и извлечь из обладания этими страна известной прибыли.

К третьей категории, наиболее поздней в хронологическом порядке, относятся преимущественно африканские колонии, приобретенные во второй половине XIX в. во времена гонки за Африку. На этом этапе развития империализма, соображения престижа играли большую, чем прежде, роль в политике европейских держав, и обладание колониями стало считаться одним из признаков великой державы. Особенно ярко это выразилось в политике Германии и Италии, которые считали необходимым закрепить свой статус среди прочих европейских держав приобретением колоний. Дополнительным стимулом к проведению агрессивной колониальной политики во второй половине XIX в. послужило распространение демократической политики в Европе. С одной стороны, такое явление как джингоизм стало возможным только с распространением избирательного права, грамотности и газет среди широких народных масс.

С другой стороны, колониальная политика позволяла отвлечь избирателей от внутренних проблем – «едва ли удивительно, что многие в итальянском руководстве начали рассматривать международные дела как удобное отвлечение от внутренних бедствий...»⁶¹. Таким образом, основной предпосылкой к формированию итальянской колониальной политики были европейская великодержавная конкуренция и стремление к утверждению собственного великодержавного статуса.

Отметим, что хотя итальянцы активно эмигрировали в другие страны, и приобретение Ливии в дальнейшем аргументировалось внутри Италии как

⁶¹ Bosworth R.J.B. *Italy the Least of the Great Powers, Italian Foreign Policy Before the First World War.* Cambridge University Press, 2005. P. 30.

возможность создать заселенную итальянцами колонию, итальянское население Ливии было несущественно. Из 192 тыс. итальянцев, проживавших в Африке в 1911 г., только 636 обитали в Ливии. Эту цифру можно сравнить с 100 тыс. итальянцев в Тунисе, 34 тыс. в Египте и 45 тыс. в Алжире. Итальянское население Ливии было меньше, чем итальянское население Мадагаскара (1800 итальянцев) или Капской Колонии (2010 итальянцев)⁶². То, что Италия присоединила страну, в которой не хотели жить итальянцы, в то время как страны, в которых итальянцы хотели жить, колонизировались другими державами, наглядно характеризует положение Италии среди европейских держав.

После 1881 г. и Тунисского кризиса, остро пережитого Италией, все больше политических деятелей в Риме стали вынужденно рассматривать Ливию как естественное владение Италии, которое должно достаться ей по праву. Важно отметить, что данная позиция была именно вынужденной, поскольку в результате Тунисского кризиса других североафриканских территорий, на которые могла бы претендовать Италия, к этому времени не осталось: Египет был под контролем Великобритании, Алжир присоединен к Франции, Тунис в 1881 г. стал ее протекторатом, а Марокко было слишком далеко и слишком глубоко вовлечено во французскую сферу интересов.

Однако мы не можем согласиться с утверждением американского исследователя У. Аскью, что все колониальные действия Италии в 1881–1911 гг. были направлены на приобретение Ливии⁶³. Если пытаться рассматривать, в рамках заданной хронологии, Тунисский кризис 1881 г. как отправную точку дальнейшей итальянской колониальной политики, то первые реальные шаги Италии по приобретению колоний были весьма удалены от Туниса и Северной Африки – сначала в Эритрее, затем в Сомали. Кроме того, от приобретения первой колонии в

⁶² Gribaudi P. *La Piu Grande Italia*. Torino: Societa Editrice Internazionale, (б.д.). P. 10.

⁶³ Askew W.C. *Europe and Italy's Acquisition of Libya, 1911–1912*. Durham: Duke University Press, 1942. P. 4.

Эритрее, до объявления войны Османской империи и завоевания Ливии слишком сложный и извилистый путь, а итальянская политика на протяжении этих 30 лет была недостаточно последовательной для того, чтобы говорить о долгосрочной, тридцатилетней программе действий, которые якобы должны были привести Ливию в руки итальянцев. Правильней говорить о том, что итальянская политика, направленная в целом на приобретение колоний, была оппортунистически организована в выборе конкретных жертв. Главным был сам факт владения колониями, который ставил Италию наравне с другими европейскими державами. Сообщение маркиза Сан Джулиано, министра иностранных дел Италии в период 1910–1914 гг. итальянскому послу в Лондоне Имперали достаточно наглядно характеризует подход римских политиков к колониальным вопросам – «...к Вам будут поступать, время от времени, длительные меморандумы по колониальным вопросам которые будут давать Вам четкие и подробные указания действий. Эти меморандумы будут нести мою подпись. Но я советую Вам их полностью игнорировать...»⁶⁴

Как приобретение первых итальянских колоний в Эритрее и Сомали было результатом оппортунистических действий в контексте франко-английских и франко-итальянских противоречий, так и причины, позволившие итальянцам завладеть Ливией, надо искать в клубке противоречий между европейскими державами⁶⁵. Основание первой итальянской колонии в районе Красного моря стало возможным в немалой степени потому, что Великобритания не желала укрепления Франции на пути в Индию. В эти же (1880-е) годы британцы выталкивали французов из Египта. Политика Великобритании благоприятствовала итальянцам⁶⁶,

⁶⁴ Bosworth R.J.B. *Italy the Least of the Great Powers, Italian Foreign Policy Before the First World War*. Cambridge University Press, 2005. P. 104–105.

⁶⁵ Della Salla V. *The Empire That Never Was*. Valdai Club. 2021. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/the-empire-that-never-was-italy/> (дата обращения: 24.02.2023).

⁶⁶ Ramm A. *Great Britain and the planting of Italian power in the Red Sea 1868–1885* // *English Historical Review*. 1944. Vol. LIX. № 2. P. 211–236.

которых, в отличие от французов, Лондон не считал опасными конкурентами на колониальном поприще. Эритрейская, а затем и сомалийская колонии Италии образовались из небольших торговых постов, вокруг которых итальянцы – сначала коммерсанты, действовавшие в частном порядке, а затем и органы государственной власти – приобретали территории у местных правителей.

В эритрейском направлении итальянцы были особенно активны, что привело их к конфликту с эфиопским сюзереном эритрейских земель и в итоге – к поражению под Адуа в 1893 г., первому серьезному поражению европейской страны в конфликте с колонизируемой страной в современную эпоху. Мысль о реванше и мечта о покорении богатой, плодородной страны, однако навсегда осталась в итальянских правящих кругах и в определенной части итальянской общественности – к реализации этой цели они вернулись 42 года спустя, в 1935 г.

Тем не менее именно идея о том, что овладение Ливией желательно для Италии, действительно приобрела определенное влияние в итальянских политических кругах. Во всяком случае, они не хотели, чтобы Ливия досталась другим – это означало бы, что весь южный берег Средиземного моря принадлежит соперницам Италии. Франко-английские соглашения 1898 г., разграничивавшие владения и сферы влияния двух держав в Северной Африке, были доработаны после Фашодского кризиса 1899г. Это привело к снижению уровня соперничества между двумя ведущими колониальными державами. Итальянские политики могли опасаться того, что французы и англичане поделят между собой Триполитанию и Киренаику⁶⁷. Ливийский вопрос все чаще появлялся в выступлениях и документах европейских государственных деятелей и публицистов.

В постоянно нарастающем расколе европейских держав, который образовался после франко-прусской войны 1870 г., Италия была одной из стран, которая могла своим присоединением к одному из лагерей (франко-русскому либо австро-

⁶⁷ Appleton L.A. Italian Educational Policy Towards Muslims. King's College University. London, 1979. P. 10.

германскому) создать перевес в пользу лагеря, который она избрала, в то время как ее относительный вес в качестве самостоятельной державы в сравнении с другими европейскими государствами был невелик. Итальянские политики понимали это и стремились использовать эту особенность европейской политической архитектуры. Начиная с конца 1870-х гг., итальянская дипломатия активно ведет процесс закрепления интересов Италии в Киренаике и Триполитании в случае каких-либо изменений в их статусе.

Данный процесс впоследствии повлияет также и на итальянский взгляд на формирующиеся в Европе военно-политические союзы. Уже в 1884 г. маркиз Сан Джулиано, который впоследствии, в годы турецко-итальянской войны, занимал пост министра иностранных дел, заявил в парламентских дебатах, что преимущественная ценность Тройственного союза, который образовали между собой Австро-Венгрия, Германия и Италия, для Италии состоит в том, что он охраняет ее средиземноморские интересы⁶⁸.

При обновлении Тройственного союза в 1887 г. Бисмарк был вынужден признать важность ливийского вопроса для Италии и значимость самой Италии в качестве противовеса Франции, а также дал отдельные гарантии в части ливийского вопроса. Статья третья договора между Италией и Германией от 20 февраля 1887 г. гласит: «Если Франция предпримет действия направленные на расширение области ее оккупации или даже ее протектората либо суверенитета в какой-либо форме, в регионе Северной Африки, будь то в вилайете Триполи или в Марокканской империи, и если вследствие этого Италия, с целью обеспечения своих интересов в Средиземном море, решит, что ей необходимо будет предпринять действия в вышеупомянутых североафриканских территориях или даже пойти на крайние меры в отношении французской территории в Европе, то начавшаяся война между Италией и Францией будет *ipso facto*, по требованию Италии, составлять *causus*

⁶⁸ Pagliano E. (ed.). *La Libia negli atti del parlamento e nei provvedimenti del governo*. Milano, 1912. P. 13–17.

foederis перед двумя союзниками, со всеми последствиями, предусмотренными статьями второй и пятой вышеуказанного договора от 20 Мая 1882 г., как будто условия, предусмотренные непосредственно в этих статьях, наступили непосредственно»⁶⁹. Иными словами, Германия обязывалась поддерживать ливийские амбиции Италии, даже если это означало войну с Францией.

В том же 1887 г. Италия была вынуждена заявить протест Высокой Порте из-за слуха о том, что, согласно франко-османскому соглашению, новая граница между Тунисом и Триполитанией пройдет на 32 км к востоку от ее текущего местонахождения⁷⁰, что привело бы к уменьшению территории, на которую могла бы в будущем претендовать Италия. Однако Высокая Порта заверила итальянцев, что эти слухи совершенно необоснованные.

В рамках этого процесса Италия и Франция в 1902 г. подписали соглашение⁷¹, которое проистекало из признания Францией того, что для Италии положение в Средиземноморье является, говоря словами французского посла в Риме, «краеугольным камнем»⁷² внешней политики и самым сложным вопросом в отношениях между двумя государствами. Таким образом, к первому десятилетию XX в. никто не мог знать, что Италия «положила глаз» на Ливию и считала ее, в перспективе, своей колонией. Более того, многие страны, включая таких ключевых игроков, как Франция и Германия, признали, что Италия имеет в отношении Ливии преимущественное право среди всех европейских держав.

Также нельзя утверждать, что захватнические намерения Италии в отношении Ливии не были понятны местному населению и его правителям. Сама по себе схема колониального захвата, которую пытались реализовать итальянцы, была уже

⁶⁹ Pribram A.F. Secret Treaties of Austria-Hungary. Vol I. Harvard University Press, 1920. P. 113.

⁷⁰ Naldi G.J. The Aouzou strip dispute – a legal analysis // Journal of African Law. 1989. Vol. 33. № 1. P. 72.

⁷¹ Франко-итальянское соглашение от 30 июня 1902 года. Соглашение было составлено в 1900, но подписано сторонами только два года спустя.

⁷² Les Accords Franco-Italiens de 1900–1920. Paris: Imprimerie Nationale, 1920. Barrere M. a Delcasse M. Rome, 10 janvier 1901. P. 3.

неоднократно апробирована другими колониальными державами в других странах – сначала появление коммерческих интересов, затем, под предлогом их защиты, захват территории. Сами итальянцы так же поступили в Эритрее и Сомали. Этот факт, несомненно, был известен во всех основных группах населения Ливии и среди правящих кругов Османской империи. Поэтому назначенный в 1904 г. вали Триполитании Раджаб-паша выступал против итальянской коммерческой экспансии на вверенные ему территории. Наиболее активно он препятствовал итальянскому «Банко ди Рома», который был основным инструментом распространения итальянского присутствия в Ливии. Раджаб-паша противился его деятельности, касавшейся приобретения сельскохозяйственных угодий и недвижимости, осуществляя даже юридические санкции против отделений банка. Но экономическое положение Ливии было весьма бедственным, и итальянские инвестиции преподносились проитальянскими элементами как необходимость⁷³, которая позволяла стране развиваться.

Кредиты, выдававшиеся «Банко ди Рома», обеспечивались землей и во многих случаях не возвращались, что позволяло банку забирать себе собственность должников. Уже к 1910 г. «Банко ди Рома» стал собственником около 60 тыс. га плодородных земель, которые были проданы им итальянским колонистам⁷⁴. Не видеть, что Ливия станет следующим «блюдом на столе итальянского империализма», мог только слепой, но османские власти не могли позволить себе открытое противодействие итальянцам. Когда Раджаб-паша в очередной раз пригрозил закрытием отделений банка на территории Триполитании, то в ответ на итальянскую угрозу передать «Банко ди Рома» другим европейским инвесторам центральные власти заменили губернатора Триполитании Раджаба-пашу на более

⁷³ Ад-Даджани А.С. Ливия каля-ль-ихтиляль аль-итали. Каир, 1971. С. 164–165.

⁷⁴ Аршаруни Н.А. Иностраный капитал в Ливии (1911–1967 гг.). М., 1970. С. 12.

уступчивого генерала Хасана Хясни. Сам же Раджаб-паша был отозван в Константинополь и назначен военным министром.

Противодействие итальянскому проникновению пытался оказать и губернатор Киренаики Ибрагим-паша, также безуспешно боровшийся против филиалов «Банко ди Рома». Несмотря на крутые меры, вплоть до отдачи под суд тех, кто совершал сделки с банком, ему не удалось ни приостановить, ни даже ослабить влияние «Банко ди Рома» в Киренаике⁷⁵.

28 сентября 1911 г. итальянское правительство передало Высокой Порте ультиматум. Используя в качестве предлога поставку османскими властями оружия из Константинополя в Ливию и трактуя это как враждебный шаг, Рим заявил Высокой Порте, что намерен прибегнуть к оккупации Ливии для соблюдения итальянских интересов⁷⁶. Дружественные Италии пропагандисты затем утверждали, что ее граждан в Ливии преследовали, пытали и даже убивали⁷⁷. Сам по себе ход войны не мог вызвать сомнений ни у кого из наблюдателей. Хотя Италия числилась едва ли не последней из европейских держав, тем не менее Османская империя, «больной человек Европы», не могла оказать ей серьезного сопротивления. Впрочем, никаких свидетельств того, что Османская империя собиралась предпринять масштабное военное сопротивление, нет.

28 сентября 1911 г. Высокая Порта ответила на итальянский ультиматум в отрицательном ключе, заявив о своей готовности решить все сложности между двумя странами мирным способом. Мирный диалог не входил в планы итальянского руководства, и в этот же день оно разорвало дипломатические отношения с Османской империей и объявило Османской империи войну. Заблаговременно сосредоточенная в Сицилии военно-морская эскадра под командованием вице-

⁷⁵ Askew W.C. Europe and Italy's Acquisition of Libya, 1911–1912. Durham: Duke University Press, 1942. P. 31.

⁷⁶ Де-юре Египет все еще находился под властью османских султанов, но это воспринималось как сугубо номинальный фактор.

⁷⁷ Lapworth C. Tripoli and Young Italy. London, 1912. P. 18.

адмирала Луиджи Фаравелли 29 сентября 1911 г. провела обстрел Триполи и прибрежных районов. Телеграфный кабель, соединявший Триполи с Мальтой и Константинополем, был перерезан, что лишило османские власти и войска в Ливии связи со столицей⁷⁸.

Точное количество османских войск в Ливии на момент итальянского вторжения еще оспаривается (часть тех войск, которые обыкновенно находились в Ливии, в тот момент была отправлена на подавление антиосманского восстания в Йемене) но порядок цифр, который можно считать достоверным, варьируется от 2 до 7 тысяч человек. Кроме того, к обороне Ливии османское командование могло привлечь местное арабское население. Итальянский корпус под командованием генерала Карло Каневы насчитывал 44 тысячи человек⁷⁹. При этом итальянцы владели авиацией (первый опыт использования самолетов в качестве бомбардировщиков относится именно к итало-турецкой войне), обладали полным господством на море, что дало им возможность нарушить коммуникации между Ливией и остальной Османской империей, а также позволяло итальянскому флоту подвергать бомбежке приморские города и побережье.

Османский флот был значительно слабее итальянского⁸⁰, и при этом большая его часть в начале конфликта находилась в Восточном Средиземноморье на учениях, под командованием группы британских офицеров во главе с вице-адмиралом Хью Уиллиамсом, который в османском флоте держал ранг контр-адмирала. Османские суда не были оснащены радио, и, узнав в районе острова Кос от проплывавшего мимо османского судна, что между Италией и Османской империей началась война, британский командующий эскадрой принял решение направиться в Константинополь, где он и его соотечественники покинули корабли.

⁷⁸ Stephenson C. *A Box of Sand: The Italo-Ottoman War 1911–1912*. 2014. P. 63.

⁷⁹ *Ibid.* P. 68.

⁸⁰ Делегация британских офицеров в 1908 г. обнаружила, что экипажи выращивают овощи на палубах своих кораблей. См.: Yeats-Brown F. *Bloody Years: A Decade of Plot and Counter-Plot by the Golden Horn*. New York: Viking Press, 1932. P. 43.

Уже под командованием османских офицеров 4 октября 1911 г. несколько кораблей провели маневры около пролива Дарданеллы и в тот же день благополучно вернулись в Константинополь. Вопрос об оказании сопротивления итальянскому флоту не поднимался.

Таким образом, османская оборона Триполи и иных приморских городов Ливии не могла быть успешной. Итальянский флот подверг бомбардировке османские форты вокруг Триполи. Итальянские войска вошли в Триполи 3 октября (другие источники говорят, что утром 4 октября⁸¹) 1911 г., так что с учетом слабости османской обороны итальянские действия можно назвать скорее медлительными.

При этом итальянцы не встретили никакого существенного противодействия – османское командование, понимая бессмысленность сопротивления незначительными и слабо подготовленными силами, приняло решение не оборонять город, а вести партизанскую кампанию. В своей военной стратегии османы опирались на арабские племена, которые должны были компенсировать немногочисленность регулярных османских войск. Кроме того, легко вооруженные арабские отряды, пользуясь своим знанием местности и опытом передвижения по ней, могли наносить удары по превосходящим силам итальянцев. Османские войска были сосредоточены примерно в 80 км к югу от Триполи, в городке Гарьян, расположенном в горной местности Джебель Нафуза. Интересно отметить, что решение османского командующего, Несат Бея, имело историческое обоснование: в районе Джебель Нафуза сосредоточено большинство берберского населения Ливии, и после провала берберского восстания 740–742 гг. там нашли убежище ибадитские проповедники. Уже в наши дни, в 2011 г., Джебель Нафуза стал одним из центров восстания против режима Каддафи.

Вскоре после оккупации Триполи итальянцы назначили временного губернатора Триполитании – контр-адмирала Бореа Риччи. Его заместителем стал

⁸¹ Stephenson C. A Box of Sand: The Italo-Ottoman War 1911–1912. 2014. P. 65.

Хассуна Караманли, представитель той самой династии Караманли, которая правила Ливией до установления прямого османского правления в 1835 г. За свои услуги Хассуна Караманли получал от итальянского правительства 4 тысячи лир в месяц. Таким образом, итальянские власти стремились использовать местных нотаблей для придания вооруженному вторжению и оккупации лоска легитимности.

В то время как османский флот скрывался в Константинополе, 3 октября 1911 г. итальянский флот напал на Тобрук, и после весьма непродолжительного сопротивления немногочисленного (около 70 человек) османского гарнизона итальянцы стали хозяевами лучшей природной гавани Киренаики. Изначально небольшие оккупационные силы в Триполитании и Киренаике, состоявшие преимущественно из морской пехоты, получали подкрепление из Италии, и уже 12 октября 1911 г. основная часть итальянского экспедиционного корпуса прибыла в Ливию. К концу октября 1911 г. большая часть городов Ливии – Дерна, Хомс, Бенгази – была под контролем итальянских войск.

Однако вопрос о том, как дальше вести войну против османских войск и их арабских союзников, решен не был. Османские войска не были сосредоточены в одной точке, где им можно было дать «генеральное сражение», как это бывало ранее. Тем более это относилось к кочевым племенам арабов, которые к тому же составляли местное население и ориентировались в местности лучше, чем итальянцы. Итальянские предвоенные планы не предусматривали необходимости войны: они ошибочно принимали во внимание политический конфликт, который наблюдался между коренным населением Ливии и османской администрацией, особенно после младотурецкого переворота 1908 г., и привел к власти националистическое правительство.

Кроме того, на протяжении нескольких лет до начала войны многочисленная, но, вероятно, не всегда искренняя агентура из рядов местного населения убеждала

своих щедрых итальянских патронов, что жители Ливии будут с радостью приветствовать итальянцев как освободителей от османского ига. Можно предположить, что население Триполитании и Киренаики действительно не относилось к Италии с той степенью враждебности, с которой оно могло относиться к таким странам как Франция или Великобритания. Разница заключалась в том, что последние уже воспринимались коренным населением Северной Африки как колонизаторы, в то время как для Италии, это наступило с того момента как итальянские войска вторглись в Ливию.

Таким образом, итальянцы не готовились к длительной военной кампании в пустыне. Известный британский военный корреспондент Франсис МакКалла (Francis McCullagh)⁸² утверждал, что офицер итальянского Генерального штаба Пьетро Верри, который под псевдонимом Винченцо Паризио провел осмотр османской оборонительной системы незадолго до начала войны, был виноват в том, что по возвращении в Рим дал поверхностный отчет, в котором в чересчур радужных красках представил настроения местного населения. Хотя подумать, что неготовность итальянской армии является результатом ошибки одного офицера, сложно, все же можно допустить, что его доклад попал на почву, подготовленную многочисленными предшествовавшими ложными докладами итальянской агентуры. Можно привести в качестве примера подобного отношения слова генерала Луиджи Кадорна в письме от 04.10.1911 своему сыну Рафаэлю «Я верю, что эта экспедиция будет шуткой, и что это будет просто вопросом вступления во владение, и ничего больше. Турция сдастся, как только сможет это сделать, при условии сохранения хоть капли достоинства»⁸³.

Известный итальянский исследователь колониальной истории Анжело дель Бока утверждает, что Карло Галли, итальянский консул в Триполи, незадолго до

⁸² McCullagh F. Italy's War for a Desert. London: Herbert and Daniel, 1912.

⁸³ Cadorna L. Lettere Familiari. Milano: Mondadori, 1967. P. 82.

начала войны, 19 августа 1911 г., в своем сообщении итальянскому правительству заявлял: «Мы не должны опасаться призывов к священной войне. Население приморских районов в любом случае не ответит на этот призыв, поскольку оно слишком хорошо понимает, на что способно вооруженное европейское государство. Те же племена, которые смогут ответить на этот призыв, слишком бедны, не вооружены или слишком отдалены, чтобы представлять реальную угрозу»⁸⁴. Следовательно, можно сказать, что не столь важно, кто транслировал эти идеи среди итальянской политической элиты: очевидно, что вся она страдала шапкозакидательскими настроениями.

В итоге войны контроль над приморской областью Ливии был обеспечен, но итальянцы не знали, какую политику им дальше вести.

⁸⁴ Цит. по: Stephenson C. A Box of Sand: The Italo-Ottoman War 1911–1912. 2014. P. 76.

ГЛАВА II. ИТАЛИЯ В ЛИВИИ – ПОДАВЛЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ (1912–1931 гг.)

В истории итальянского правления Ливией можно выделить несколько этапов, из которых первые два относятся к временам «либеральной» Италии, когда в Риме правили парламентские правительства, а последующие – к временам фашизма.

Характеризуя ливийское сопротивление итальянскому правлению, следует отметить, что несмотря на разнообразные и достаточно амбициозные цели различных ливийских сил сопротивления, как в Триполитании, так и в Киренаике, они никогда не провозглашали перед собой задачу изгнания итальянцев из страны целиком, включая приморские города, где ранее правила Высокая Порты. Повстанцы могли воспрепятствовать итальянскому контролю над слабозаселенными внутренними регионами, но их технический уровень не позволял им противостоять современной европейской армии и флоту на ограниченных территориях. Таково было положение, в которое ливийцы были поставлены отказом Высокой Порты бороться за свое последнее и самое бедное североафриканское владение.

Такое целеполагание, при всем том, что оно исходило из реалистичной оценки собственных сил, не могло привести к полной независимости Ливии. Придерживаясь такой стратегии, силы ливийского сопротивления могли при самом благоприятном для них сценарии привести страну к примерно тому же положению, в котором она была при османской власти, то есть прямой итальянский контроль над густонаселенными приморскими районами и опосредованный либо чисто номинальный контроль над слабозаселенными регионами, которые покрывают почти всю Ливию.

Исходя из вышеуказанной стратегической ситуации, многие ливийские лидеры принимали решение сотрудничать с итальянцами, надеясь, что последние

ограничат свои требования тем, что ранее требовали османы или не видя никакой реалистичной альтернативы сохранения статуса, собственности и подчас жизни. Для других, таких как Мухаммед Фекини, о котором будет рассказано ниже, сотрудничество с итальянцами было временным решением, которое позволяло накопить силы и потом с оружием либо без него, добиться более выгодного положения для себя и своих последователей. С учетом того, что сами новые владельцы Ливии не имели до конца четких планов относительно своей новейшей и крупнейшей колонии, такого рода маневрирование со стороны ливийцев является в целом адекватной тактикой и должно учитываться при оценке их последующего взаимоотношения с колониционными властями.

Первый этап итальянского правления длился от формального завоевания Ливии в 1912 г. до вступления Италии в Первую мировую войну в 1915 г. Он характеризовался наступательными действиями итальянцев за пределами приморских районов вокруг Триполи и в Киренаике, на территории всей Ливии, что в 1914 г. привело к установлению фактического контроля над большей частью страны. Одновременно на данном этапе формировалось ливийское сопротивление из числа племен арабов и берберов, населения глубинных районов страны, а также сенуситского тариката. В то же время достаточно многочисленные представители старых ливийских элит начали вести политику сотрудничества с итальянцами. Уже на этом этапе, контроль над основными приморскими городами и прилегающими к ним районам был прочно закреплен итальянцами и в дальнейшем никогда не подвергался угрозе вплоть до вступления Италии во Вторую мировую войну.

Второй этап начался одновременно со вступлением Италии в Первую мировую войну. Сопротивление ливийских повстанцев и вынужденная передислокация значительной части итальянских войск из Ливии на основные театры военных действий Первой мировой войны в Европе привели к поражению итальянцев в борьбе за фактический контроль над всей Ливией и позволили

повстанцам изгнать оставшиеся итальянские войска почти со всей территории страны. К 1919 г. итальянцы контролировали лишь несколько крупных городов в приморской области.

В этом же году итальянские власти издали королевские указы № 931 от 1 июня 1919 г. и № 2401 от 31 октября 1919 г., которые декларировали попытки привлечь коренное население Ливии к правлению страной через два парламента – в Триполитании и Киренаике, соответственно. Фактически эти указы демонстрировали, что итальянские власти отказываются от попыток установить контроль над Ливией силовыми методами. Это привело к созданию Триполитанской республики, которая де-факто контролировала большую часть Триполитании в 1918–1923 гг. Параллельно в Киренаике практически всей областью правил тарикат сенуситов. Второй этап взаимоотношений Рима и Ливии таким образом совпал с участием Италии в Первой мировой войне и послевоенным кризисом и завершился после того, как в 1922 г. в Италии к власти пришли фашисты. Одновременно, этот этап характеризуется провалом попыток организовать полноценную координацию ливийского сопротивления, несмотря на многочисленные попытки. Раздробленность триполитанского сопротивления фактически обеспечила поражения Триполитанской республики, в то время как признание Идриса ас-Сенуси верховным главой ливийского сопротивления не дало никакого результата и сам Идрис покинул Ливию практически сразу после того, как он признал себя эмиром Ливии.

После установления фашистского режима в Италии, новая власть приняла решение отказаться от прежней политики сотрудничества с основными силами ливийского сопротивления и приступило к политике их подавления. Это стало третьим этапом. Итальянские войска достаточно оперативно подавили сопротивление в Триполитании, основные военные операции завершились в 1924 г. Подавление сопротивления в Киренаике заняло существенно больше времени и

сопротивление, там оказанное итальянцам, является основной героической страницей современной ливийской истории. На этом же этапе, итальянцы начали вести более активную колониционную политику в Триполитании и Киренаике. Ранее итальянские власти не могли вести такую политику по причине слабого контроля над ливийской территорией и необходимости учитывать имущественные интересы значительной части ливийского населения, следовавшей из политики сотрудничества с ливийским сопротивлением.

2.1. Итальянская колония в Триполитании и Киренаике: основные этапы становления

Уши-Лозаннский мирный договор от 18.10.1912 г. не передавал Италии суверенитета над Киренаикой и Триполитанией и никак этого вопроса не затрагивал – ст. 2 договора всего лишь говорила о том, что Высокая Порта выведет своих военнoслужажущих и государственных служащих. Важно отметить статус султана как калифа, и таким образом Договором не отменялся⁸⁵. Тем не менее приобретение де-факто суверенитета над Ливией поставило перед итальянским государством несколько задач.

Первой было определение дальнейших планов в отношении Ливии. Итальянцы должны были решить, как они хотят править своим новым владением, как будут пытаться воплотить в жизнь те или иные лозунги, которые выдвигались ими ранее.

Второй задачей было распространение фактической итальянской власти за пределы нескольких контролируемых ею приморских городов и установление контроля над всей Ливией. Эти задачи невозможно было решить независимо друг от друга: как бы Италия ни намеревалась строить свою дальнейшую политику в

⁸⁵ The American Journal of International Law. Supplement: Official Documents. 1913. Vol. 7. № 1. P. 58–62.

колонии, необходимо было установить над ней полный контроль – без этого говорить о реализации каких-либо планов в отношении Ливии было сложно.

Следует, что из всего вышеуказанного проистекала третья задача: Италия должна была вести целенаправленную политику в отношении ливийского населения – либо привлекать его к участию в управлении колонией, либо подавлять и физически истреблять.

Как показал последующий опыт, итальянские власти приняли решение в пользу преимущественно насильственной политики. Однако первые десять лет своего владычества итальянское правительство не могло определиться с тем, какую политику вести в отношении Ливии. До начала турецко-итальянской войны в Италии много говорили о том, насколько желанно обладание Ливией. Итальянская пропаганда утверждала, что под итальянским управлением Ливия, как в римские времена, станет цветущим краем, готовым принять десятки тысяч итальянских крестьян и заменить им США и Аргентину. Непредвзятое сравнение этих стран приводит к иным выводам. К началу XX века США, Аргентина и другие страны, в которые направились потоки итальянских иммигрантов, большей частью обладали развитой инфраструктурой, сельским хозяйством и промышленностью. Кроме того, существенная часть их территорий находилась в благоприятных для ведения сельского хозяйства климатических поясах. Из всех вышеперечисленных преимуществ, только благоприятные условия для ведения сельского хозяйства присутствовали в очень ограниченной степени на территории Ливии. Инфраструктура, промышленность и та степень правового регулирования, необходимая для ведения современного капиталистического хозяйства, отсутствовали в Ливии практически полностью. С точки зрения социально-экономического развития, Ливия существовала на уровне средневекового общества.

Для того чтобы лозунг о заселении Ливии итальянцами воплотился в действительность, требовались существенные организационные усилия и

капитальные вложения. То, что итальянцы не начали массово заселять Ливию вплоть до второй половины 1930-х, говорит о том, насколько сложно было итальянскому государству принять решение и вложить ресурсы в его реализацию. Данный фактор характеризует как необоснованность пропагандистских лозунгов относительно легкости превращения Ливии в цветущую, итальянизированную провинцию так и бедность итальянского государства в целом.

В отношении коренного населения Италия также вела крайне непоследовательную политику, колеблясь между признанием его законных интересов, привлечением местных жителей к управлению колонией и подавлением ливийцев, нередко с жестокостью, граничащей с геноцидом. Примером политики сотрудничества с коренным населением можно назвать фактическое признание Триполитанской республики, попытку создания парламентов в Триполитании и Киренаике, которые были бы сформированы как из итальянцев, так и из представителей местного населения. С другой стороны, начиная с середины 1920-х итальянские войска вели военную кампанию по подавлению самостоятельности коренного населения Ливии, которая по своей жестокости не уступает таким колониальным войнам как немецкий геноцид в Намибии. При этом итальянцы часто заявляли о себе как о защитниках ислама – к примеру, в 1937 г. Муссолини, пребывая в турне по Ливии, даже получил от «благодарных подданных» меч защитника ислама. Впрочем, сам меч к исламу отношения не имел, поскольку был изготовлен во Флоренции фирмой Пиккьяни и Барлаччи (Picchiani e Barlacchi), существующей по сей день.

Ливийское население само по себе не было однородным. Среди ливийцев были люди и группы лиц, заинтересованные в сотрудничестве с итальянской властью. Самого понятия ливийской нации практически не существовало, особенно на ранних этапах итальянского владычества. До появления итальянцев жители османских вилайетов Триполитании и Киренаики в части своих политических

взглядов, если у них таковые и бывали, то отдавали предпочтение в основном различным панарабским и панисламским течениям. Для большинства, вероятно, основным политическим ориентиром было местничество, как сознательное, так и стихийное. В известной степени условно население Ливии можно поделить на городских жителей, преимущественно арабов вкупе с некоторым количеством евреев, на кочевых и полукочевых арабов и берберов в Сахаре, а также на сенуситов, которые отличались от остального населения ливийской пустыни тем, что были организованной силой. Таким образом, неоднородность ливийского населения создавала для итальянцев возможность *divide et impera*. Это поощряло насилие в отношении коренных жителей, так как давало возможность рационализировать его, аргументирую тем, что оно направлено только против «мятежников», в то время как «благоразумные» и «законопослушные» жители только приветствуют твердую итальянскую руку. С другой стороны, изначальное отсутствие единства среди ливийцев только провоцировало дальнейший раскол, поскольку создавало стимулировало отдельные группы к решению своих частных проблем путем достижения договоренностей с итальянцами, подчас за счет интересов соседних племен.

Исходя из вышесказанного, можно сказать, что именно отсутствие политического единства является основной причиной неудачи всех попыток оказать итальянцам сопротивление. Однако перед тем как тщетность их усилий стала очевидной, ливийцы приложили весьма существенные усилия к сохранению привычного уклада и свободы. Сопротивление началось практически с того момента, как в Ливии появились итальянские войска, продолжилось после того, как Высокая Порта отказалась от дальнейшей борьбы за свои североафриканские владения и подписала Уши-Лозаннский мирный договор и завершилось только в 1931 г. казнью Суан-Бен-Адеме.

Фактическое сопротивление арабов, независимое от османских военных планов, хотя на некоторых стадиях и координированное с османскими военными, началось с первыми бомбардировками итальянского флота. 4 октября 1911 г., когда защита Ливии теоретически была приоритетной задачей ее сюзерена, османского султана. Мохаммед Фекини, каймакам местности Фассату неподалеку от Гарьяна, служивший османской администрации на протяжении 30 лет, и ранее награжденный османскими властями за успешное отторжение французских войск, соединил силы с Сулейманом аль-Баруни⁸⁶. Таким образом, два известных и опытных вождя из Джебеля приняли решение рассмотреть возможность сопротивления итальянцам несмотря на то, что они должны были понимать бесперспективность намерения полностью изгнать их из Триполитании.

Именно на этапе определения задач сопротивления проявилось отсутствие подлинного единства среди его лидеров. Опираясь на свой опыт проживания в Тунисе и связи, которые он там предположительно мог установить, Сулейман аль-Баруни предложил направить делегацию в Тунис и попытаться привлечь Францию к разрешению кризиса, считая, что арабское партизанское сопротивление, даже с ограниченной помощью от Османской империи, не сможет справиться с итальянцами.

В свою очередь Мохаммед Фекини считал, что бессмысленно призывать Францию в помощь, поскольку она одна из стран наиболее активно вовлеченных в дележ африканских земель. К этому времени Франция уже 80 лет правила в Алжире, последовательно уничтожая арабское общество этой страны, заселяя ее колонистами, в отношении которых арабы могли быть лишь чернорабочими. Несомненно, что все мусульмане Северной Африки знали о том, какой режим французы ввели в Алжире и что от них терпит арабское население. Кроме того, в 1881 г. Франция превратила Тунис в своей протекторат, в котором арабы, несмотря

⁸⁶ Del Boca A. Mohamed Fekini and the fight to free Libya. Palgrave Macmillan, 2011. P. 22.

на номинальную власть тунисского бея, имели статус граждан второго сорта. Таким образом, для многих арабов приглашение французов в Триполитанию было сродни обращению к лисе за помощью в охране курятника. Нельзя также исключить, что для Мохаммеда Фекини, его личный опыт участия в приграничных конфликтах с французами сыграл роль в формировании отрицательного мнения относительно возможного привлечения их помощи.

При тех, безусловно, оживленных дискуссиях, которые возникали во время обсуждения гипотетического взаимодействия с французами или иными внешними акторами, не меньшую роль играли и личностные факторы. Так, Сулейман аль-Баруни, будучи бербером, отказывался двигаться в сторону Гарьяна, утверждая, что эта местность сплошь заселена предателями. В свою очередь Мохаммед Фекини считал, что его оппонент в большей степени привержен идее создания берберского автономного эмирата под своим руководством, чем нацелен на решительную и всеобщую борьбу с итальянцами.

При том, что основное сопротивление, в силу объективных факторов всегда могло происходить только вне приморских районов, в самом Триполи, местное население также оказало активное сопротивление⁸⁷. Как сообщил итальянский военный корреспондент Альдо Кьеричи, «на самом деле городские арабы нападают на отдельных солдат, или стреляют по ним из окон. На моих глазах прапорщик карабинеров⁸⁸ упал на землю с пулей в спине. Солдат из берсальеров⁸⁹ покупал лимоны – он был зарезан самим продавцом лимонов».

Это свидетельство очевидца, не склонного преувеличивать трудности, испытанные итальянскими оккупационными войсками, тем более ценно, что наглядно свидетельствует о том, как городские арабы относились к своим новым хозяевам. Несмотря на некоторый уровень космополитизма, присущий жителям

⁸⁷ Chierici A. A Tripoli d'Italia: diario di un corrispondente di guerra. Pistoia, 1912. P. 90.

⁸⁸ Карабинеры – итальянская военная полиция.

⁸⁹ Берсальеры – полки стрелков.

крупных городов, давнее и постоянно растущее присутствие европейцев, их банков, торговли, школ и проповедников, население городов было готово оказать сопротивление завоевателям.

Тем не менее нет свидетельств общенародного сопротивления, которое охватывало бы все слои общества и все регионы страны. Наоборот, ливийское сопротивление, помимо вышеуказанных конфликтов стратегического и личного характера, страдало в том числе и от местничества. В частности, в своем письме от апреля 1912 г., обращенном к Несхат-бею, бывшему османскому губернатору Триполитании⁹⁰, триполитанским представителям в Константинополе и нескольким племенным вождям, Мохаммед Фекини озвучивает свое беспокойство тем, что «...у нас нет борцов из Феццана, Орфеллы, Сирта, из оазисов аль-Джуфры, Налута или Гадамеса. Я считаю, что ответственность за это можно возложить на их вождей»⁹¹. Данное свидетельство говорит о том, что многие племенные вожди надеялись пересидеть итальянцев вдалеке от крупных городов и сохранить свою автономию, свой привычный образ жизни. С одной стороны, эта политика была недальновидной – отличие итальянцев от турок заключалось, что новые владельцы Ливии обладали ресурсами и технологиями, которые позволяли им установить контроль над всей страной. С другой стороны, такой подход может свидетельствовать о реалистичной оценке соотношения сил, которое было на стороне итальянцев. В 1911 г. не было того успешного опыта антиколониального военного сопротивления, который появился после Второй мировой войны, и не было оснований предполагать, что вооруженное сопротивление заставит итальянцев покинуть Ливию.

В то же время Высокая Порта, развивала свою поддержку ливийскому сопротивлению. Помимо османских офицеров, в Ливию также прибыло некоторое

⁹⁰ Несхат-бей играл роль связного между Высокой Портой и сопротивлением.

⁹¹ Del Boca A. Mohamed Fekini and the fight to free Libya. Palgrave Macmillan, 2011. P. 28.

количество добровольцев из других арабских стран, стремящихся защитить своих братьев по вере от порабощения европейцами. Подкрепления, направленные Османской империей между октябрём 1911 г. и февралем 1912 г. составили около 300 офицеров⁹², которые были наиболее необходимо для успешной координации сопротивления итальянцам. Кроме того, в Ливию прибыли добровольцев из Египта, Туниса, Марокко, Алжира, Сирии и Йемена⁹³. В приграничной с Тунисом областью, в районе населенного пункта Регдалин, были организованы огромные склады провианта, которые еженедельно снабжались караванами из 1000–1500 верблюдов.

Однако внезапно хлынувшее материальное изобилие стало для многих источником искушения, и таким образом, привело к созданию новых разделительных линий в лагере сопротивления. Материальные средства, которые поступали в виде помощи из других арабских стран, расхищались османскими офицерами и арабскими вождями. Как свидетельствовал Мухаммед Фекини, «к сожалению, вожди племен, когда они увидели все эти деньги в казне, вступили в сговор с турецкими военными лидерами чтобы разграбить эти деньги в интересах своих кланов»⁹⁴.

Сложно судить о том, насколько разногласия в лагере сопротивления, вызванные хищениями имущества и усугубленные межплеменным соперничеством между арабами и берберами, повлияли на дальнейшее развитие событий, но 8 июня 1912 г., итальянские войска под командованием будущего маршала Бадольо нанесли поражение арабским силам недалеко от оазиса Занзур. К концу июля 1912 г. итальянские войска контролировали в Триполитании полосу территории не шире чем 15 км от моря.

Дальнейшие этапы сопротивления коренного населения итальянцам развивалось уже после Уши-Лозаннского договора. На конференции племенных

⁹² Ibid. P. 31.

⁹³ Таарих Либия мунзу акдам аль-Асур. Триполи, 1972. С. 189.

⁹⁴ Del Boca A. Mohamed Fekini and the fight to free Libya. Palgrave Macmillan, 2011. P. 32.

вождей в аз-Азизии, собранной после подписания Уши-Лозаннского договора, представители из городов приморья и области Гарьян выступили за подчинение итальянцам, в то время как большинство более глубинных регионов Триполитании выступили за продолжение сопротивления.

Группировка вокруг Сулеймана аль-Баруни, состоявшая преимущественно из берберов, была одной из тех, что приняли решение сопротивляться итальянцам. Под руководством Сулеймана аль-Баруни, провозглашенного эмиром, данная единица движения сопротивления овладела значительной частью оставленного османскими войсками военного оборудования и припасов.

В то же время многие другие племенные вожди приняли решение, что в сложившихся условиях, когда нельзя было ожидать помощи от османских властей, целесообразно принять приглашение итальянских властей в Триполи, где им предстояло признать и принять итальянскую власть в обмен на подтверждение старых должностей, званий и почестей. В действительности, несмотря на почет, оказанный арабским представителям, действия итальянцев практически сразу показали их неискренность или непонимание того, насколько важны для руководителей племен были их должности, принимаемыми ими от султана.

К примеру, несмотря на пожелания группы вождей от региона Джебель, итальянские власти отказались утвердить Мухаммеда Фекини в качестве муташерифа, аргументируя это тем, что звание муташерифа упразднено, и вместо этого предложили Мухаммеду Фекини продолжить занимать должность каймакама округа Фассату⁹⁵.

В условиях, когда новая, немусульманская власть пыталась принять бразды правления от привычной, правоверной, османской власти, когда Уши-Лозаннский договор и прелиминарное соглашение к нему не были ясны в вопросе передачи суверенитета (в отличии от административных полномочий) и когда по всей Ливии

⁹⁵ Ibid. P. 42.

передавались слухи о султанском указе, даровавшем широкую автономию Триполитании и Киренаике, отсутствие оперативности в решении вопроса подтверждения должностей арабских вождей ставило итальянскую администрацию в еще более подвешенное состояние и таким образом, повышало вероятность конфликта между итальянцами и значительной частью коренного населения.

Тем временем Сулейман аль-Баруни предпринял дальнейшие попытки закрепления и развития своей попытки создать автономный эмират. Как итальянские власти, так и его противники среди коренного населения оставили множество свидетельств своего отрицательного восприятия данной политики. В это же время как сам Сулейман аль-Баруни не менее энергично отстаивал свою правоту. В настоящее время, по прошествии более ста лет, невозможно судить о том, был ли путь, выбранный Сулейманом аль-Баруни оптимальным с точки зрения сохранения самостоятельности ливийцев. Несомненно, однако, что раздор между предводителями ливийского сопротивления существенно упростил итальянским властям задачу покорения страны.

Противники Сулеймана аль-Баруни утверждали, что он направлял письма с угрозами тем арабским вождям, которые не были согласны с его видением создания автономного берберо-арабского эмирата с ним самим во главе и отправились в Триполи попытаться настроить диалог с итальянцами. Более того, утверждалось, что он даже пытался силой принудить вождей к сопротивлению итальянца под его руководством – «он воспользовался длительным отсутствием Мухаммеда Фекини и других арабских вождей в Триполи для того, чтобы разорять их дома и расхищать их стада»⁹⁶.

Муктару Бей Кубару, бывшему депутату в османском парламенте от Гарьяна он написал «Ты перешел из под государственной и религиозной власти турок под иго народа с которым ты не имеешь ничего общего, кроме принадлежности

⁹⁶ Ibid. P. 43.

человеческой расе, в которой я думаю они тебе сами откажут, поскольку они считают тебя не более чем продавцом, а себя покупателями, более того для них ты всего лишь раб, а они хозяева...»

Сами итальянцы давали Сулейману аль-Баруни не более высокую оценку – генерал Оттавио Раньи считал его «мегаломаньяком, а не военным лидером».

Попытки Сулеймана аль-Баруни создать автономию также встретили сопротивление в Риме. В письме от 23 марта 1913 г. Джиолитти Министру по делам колоний Пьетро Бертолини итальянский премьер сообщил «я считаю целесообразным предпринять решительные действия против эль-Баруни, [это] единственный способ, согласно которому мы сможем убедить этого страдающего иллюзиями человека, вероятность основания им независимого владения для себя весьма невысока».

В этот же день итальянские войска начали наступление в сторону Джебеля и в течении месяца, к 27 апреля 1913 г. заняли оазис Гадамес. Таким образом, попытка Сулеймана аль-Баруни создать самостоятельную территориальную единицу провалилась, так как вся территория, которую он предполагал к созданию таковой единицы, была занята итальянцами.

После того, как итальянские войска ликвидировали сопротивление берберов, они двинулись дальше на юг, в сторону Феццана. Перед ними ставилось две основные задачи – занять и закрепить за собой приграничные с Алжиром и Тунисом территории, чтобы исключить возможность ползучей аннексии Феццана французами, а также для того, чтобы не допустить появления в Феццане сенуситов.

Однако ресурсы, выделенные итальянским командованием под данную задачу были недостаточны для обеспечения полноценного контроля над регионом. Подразделение из 1100 солдат, из которых только 108 были итальянцами (остальные были эритрейцами и ливийцами), смогло опрокинуть редкое сопротивление племен Феццана, но было недостаточным для полноценного контроля над областью чья

площадь (около 550 тыс. кв. км) существенно превосходит территорию Италии (около 310 тыс. кв. км). Генерал Луиджи Кадорна характеризовал данную миссию как одно из самых опрометчивых в истории какой-либо европейской колониальной державы⁹⁷. В декабре 1914 г., итальянские войска отступили, вынужденные в первую очередь суровостью климата, протяженностью коммуникаций и недостаточностью ресурсов. Однако можно отметить, что выводу итальянских войск из Фецана предшествовали сенуситские нападения на два отдаленных укрепленных пункта. Активного и массового сопротивления со стороны арабского населения Триполитании и Фецана в период 1913-1914 гг. итальянцы не встречали.

Однако начиная с лета 1914 г., в Триполитании и Киренаике градус сопротивления итальянцам начал возрастать. Отчасти, это было связано с тем, что в затишье предыдущих двух лет, силы сопротивления смогли осмотреться и перегруппироваться. То, что часть сил сопротивления были подавлена итальянцами в 1911–1912 гг., отчасти упрощало задачу, поскольку уменьшило количество лидеров, чье мнение требовалось учитывать в каждом решении. Сенуситы, которые до того момента играли относительно ограниченную роль в сопротивлении итальянцам, преимущественно в силу того, что основное внимание и усилия последних были сосредоточены в Триполитании, активизировались в Киренаике и начали все более активно проникать в Триполитанию. Не менее важным фактором послужило начало войны в Европе. Хотя на момент начала военных действий Италия формально считалась союзником Германии и Австро-Венгрии, и не вступила в войну на стороне России, Франции и Великобритании до мая 1915 г., вражда между Италией и Австро-Венгрией была такова, что Германия и связанная с ней Османская империя с самого начала конфликта относились к Италии как к враждебной стране. Для того, чтобы отвлечь итальянцев от европейских дел, для отвоевания утраченной Османской империей североафриканской провинции и для

⁹⁷ Cadorna L. Altre pagine sulla Grande Guerra. Milan: Mondadori, 1925. P. 47–48.

создания плацдарма, который мог быть использован как для нападения на британские войска в Египте, и последующего перекрытия Суэцкого канала, так и для завоевания Туниса и Алжира, немцы и их османские союзники приняли решение поддержать сопротивление в Ливии. Исходя из этого, морским путем в Ливию направлялись немецкие, османские и австрийские офицеры, а также радиоаппаратура, вооружение и боеприпасы, иная техника⁹⁸. При этом итальянские наблюдатели комментировали возобновление активного вооруженного сопротивления исключительно в ключе итальянской ответственности «если восстание и нашло для себя плодотворную почву и столь быстро пустило корни во всей колонии, то одна из причин заключается в том, что с 1911 г. мы сделали так мало для того, чтобы выиграть симпатию и уважение туземцев... еще более существенно то, что мы совершили грубую нравственную и политическую ошибку, давая твердые обещания арабам с первого дня нашего прибытия, обещания которые мы никогда не сдерживали... на этой почве, уже полной обид и упреков, работали немцы и турки...»⁹⁹

Характерно, что первым контактом, который установили посланцы Центральных держав был с сенуситами. Уже в декабре 1914 г., Ахмед Шериф, глава тариката, вышел в приморский район Киренаики, вблизи египетского населенного пункта Соллума. Оттуда, 6 декабря 1914 г. он направил письмо Мохаммеду Фекини, в котором, среди прочего, извещал о своем намерении направиться в Триполитанию в ближайшее время – «мы сейчас в Соллуме... но скоро отправимся в Триполитанию для того, чтобы встретиться с западными племенами, настроить их на борьбу в защиту отечества, в поддержку их веры и организовать бойцов...»¹⁰⁰. Один из наиболее авторитетных итальянских исследователей колониальных войн в Ливии, Анджело дель Бока даже утверждает, что в тот момент сенуситский тарикат был

⁹⁸ Del Boca A. Mohamed Fekini and the Fight to Free Libya. Palgrave Macmillan, 2011. P. 46.

⁹⁹ Maggiolini A.V. La situazione in Tripolitania // Rivista Militare Italiana. – 1922. – Gen. – P. 40–44.

¹⁰⁰ ASMAI. Libia. Pos. 122/6. F. 47.

настолько силен, что мог воевать на три фронта – против итальянцев, англичан и французов¹⁰¹ в Ливии, Египте и Чаде соответственно. Хотя это точка зрения основана на фактах, ее необходимо уточнить и дать несколько более узкую трактовку. Безусловно, специфика местности, отдаленных районов Сахары, в которой происходили стычки сенуситов с отдельными отрядами англичан или французов и соотношение сил сенуситов к местным колониальным войскам позволяли сенуситам иногда наносить удары всем трем европейским державам. Однако это было возможно именно в силу второстепенности данных областей как минимум для двух из трех вышеуказанных стран – Великобритании и Франции. Если бы сенуситы решились покуситься на внутренние, ключевые регионы Египта или Чада, то вероятность того, чтобы англичане или французы оставили бы это без ответа не велика. Представляется вероятным, что в случае подобной атаки, они бы смогли направить на ее отражение военные ресурсы достаточные для нанесения ощутимого поражения сенуситам. Таким образом в итоге поступили итальянцы, что привело к полному поражению сенуситов. Перед последними, как и перед силами сопротивления в Триполитании всегда стояла дилемма – вести ли практически безнадежную борьбу против европейской военной державы или же сразу смириться с присутствием и властью итальянцев в стране.

Однако эта дилемма понятна только историку, которому известна дальнейшая история Ливии. Сами же акторы, как итальянцы, так и ливийцы предпринимали свои действия исходя из той, ситуации, которая стояла перед ними. Начинаясь мировая война давала возможность опрокинуть ранее казавшиеся непоколебимыми позиции тех или иных колониальных держав. Италия, будучи слабейшей из европейских стран, единственной потерпевшей решительное поражение от африканской страны, казалась уязвимой.

¹⁰¹ Del Boca A. Mohamed Fekini and the Fight to Free Libya. Palgrave Macmillan, 2011. P. 50–51.

2.2. Успехи ливийского сопротивления

Скорость, с которой итальянцы отступали в 1914–1915 гг., говорит о том, что расчеты сопротивления не были сделаны на пустом месте. В конце 1914 г., после потери Фецана, итальянцы все еще контролировали значительную часть Триполитании и ключевые прибрежные районы Киренаики. С другой стороны, сенуситы и разрозненные, но многочисленные силы триполитанского сопротивления, перегруппировавшиеся за период 1912–1914 гг., были готовы перейти в наступление.

В апреле 1915 г. итальянским войскам дважды было нанесено поражение арабами. В ходе второй битвы, состоявшейся в районе Сирты, итальянцам были нанесены самые тяжелые потери с начала итало-турецкой войны в 1911 г.¹⁰² Потери убитыми и ранеными только среди итальянских офицеров и солдат составили около 40%. Контингент эритрейских и ливийских аскаров¹⁰³ потерял около 35% наличного состава. Кроме того, в руки повстанцев попали военная техника, вплоть до артиллерии и огромное количество боеприпасов. Моральный и материальный стимул от одержанных побед позволил арабам распространить восстание на всю Триполитанию, включая районы, прежде бывшие под надежным контролем итальянцев.

Министр по колониальным вопросам в 1914–1916 гг. Фердинандо Мартини отметил в своем дневнике, что премьер-министр Италии, Антонио Саландра, считал потери самыми серьезными понесенными итальянцами со времен сражения при Адуа¹⁰⁴. В свете этих, и других, потерь, итальянцы приняли решение покинуть все относительно удаленные гарнизоны, что было сделано в июне и начале июля 1915 г. Фактически стратегическое положение в Триполитании вернулось к исходному положению октября 1911 г., когда Италия контролировала Триполи и Хомс. К этому

¹⁰² Ciasca R. Storia contemporanea dell'Italia coloniale. Milano: Hoepli, 1940. P. 436.

¹⁰³ Аскары – колониальные войска.

¹⁰⁴ Martini F. Diario, 1914–1918. Milano: Mondadori, 1966. P. 462.

времени Италия вступила в войну, что позволяло ее противникам открыто спонсировать повстанцев. В частности, в 1916 г. Высокая Порта направила в адрес Италии ноту с расторжением Уши-Лозаннского договора¹⁰⁵. Таким образом, ситуация максимально благоприятствовала сопротивлению. Однако союзники (Великобритания, Франция и Италия) обладали превосходящей силой на Средиземном море, и Османская империя и Австро-Венгрия не имели военно-морские ресурсы достаточные для того, чтобы перебросить крупные военные формирования или массивную военно-техническую поддержку на территорию Ливии. Положение коренным образом отличалось от той ситуации, которая возникла во время Второй мировой войны, когда непосредственно прилегающие к Ливии страны (сначала Египет, потом также Алжир и Тунис) контролировались противниками итальянцев, и соответственно союзниками сопротивления.

В этой критической для итальянского колониального дела в Ливии ситуации, основным фактором, способствующим восстановлению итальянского престижа и власти, было усугубляющееся расстройство в рядах сопротивления. В их среде сформировались несколько центров власти, сформированные независимо друг от друга и подчас конкурирующие между собой. Помимо самих итальянцев, современники насчитали 8 группировок сопротивления:

- Тарикат сенуситов, преимущественно базировавшийся в Киренаике, но действовавший также в Триполитании;
- Рамадан ас-Сувейхили, племенной вождь в районе Мисрата, нацеленный на восстановление османской власти. В дальнейшем он сыграл существенную роль в истории ливийского сопротивления;
- Ахмед эс-Сунни и Мохаммед эль-Абед, которые пытались контролировать район Фассату. При этом Мохаммед эль-Абед взял на себя звание султана Триполи;

¹⁰⁵ Opera tratta dagli scritti di Gaspare Colosimo: 1916–1919. Pompeii: Scuola Tipografica Pontificia Bartolo Longo, 1954. P. 54. Вопрос, почему данная нота была направлена почти через год после того как Италия вступила в войну, в настоящее время не расследован.

- Халифа бен Аскар, берберский вождь, который контролировал Налут (город и близлежащий район, расположенный на полпути между Триполи и Гадамесом);
- Мохаммед Фекини, каймакам Фассату, и группа племен, которые выступили против Ахмеда эс-Сунни и Мохаммеда эль-Абед;
- Сасси Хазам, вождь племен в районе города Яфран, в западном Джебеле;
- Мохаммед Суф эль-Махмуди, который воевал против Султана бен Шабана, каймакама области Зуара;
- Мохаммед Сафи эд-Дин, племенной вождь в районе Мисрата, выступавший на стороне сенуситов.

При том, что сопротивление было разрознено, его успеху способствовало то, что Италия была сосредоточена на европейском театре военных действий, в то время как помощь из Османской империи начала поступать все более регулярно и в растущих объемах. Согласно докладу губернатора Триполитании, генерала Джованни Амельо, в Рим от 18 августа 1916 г.¹⁰⁶, подводные лодки прибывали в район Мисраты каждый пятнадцатый день, доставляя винтовки, легкую артиллерию, боеприпасы, денежные средства и османских офицеров.

Тем временем итальянские власти пытались раздуть конфликт между арабами и берберами. Пользуясь контактами среди берберов, итальянский губернатор Триполитании убедил некоторых вождей выступить против сенуситов. Хотя конфликт длился недолго, и завершился победой сенуситов, итальянцы воспользовались распрей в рядах сопротивления для возобновления оккупации портового города Зуара, и для восстановления некоторых ранее утраченных позиций в Джебеле.

Однако осенью 1916 г., силы сопротивления получили существенное подкрепление от Высокой Порты, которое позволило им воспрянуть духом и начать вновь наступать. Из Османской империи в Ливию прибыли Нури Паша (младший

¹⁰⁶ ASMAI. Libia. Pos. 110/1. F. 1. № 1667. 18.08.1916.

брат Энвера Паши, османского военного министра и одного из организаторов армянского геноцида) и Сулейман аль-Баруни, который отказался от создания автономного берберского государства. Фирман султана назначал Сулеймана аль-Баруни губернатором и главнокомандующим в Триполитании¹⁰⁷. На некоторое время основные группы сопротивления смогли отложить свои разногласия и предпринять серию координированных атак на итальянские позиции. Хотя эти атаки не дали искомого результата, они тем не менее позволили запереть итальянские войска в округе Триполи, где они были под фактической осадой. В осажденных городах, лишенных надежных коммуникаций с Италией усилиями австро-венгерских и османских подводных лодок, военные и гражданское население испытывали голод. В то же время на территории, контролируемой повстанцами, благодаря вылазкам итальянских войск и бомбардировке итальянской авиацией, которые были нацелены на разорение полей и уничтожение урожая, также испытывался сильный голод среди повстанцев и гражданского населения. Эта ситуация продлилась вплоть до окончания Первой мировой войны.

В качестве финального аккорда, летом и осенью 1917 г., находящиеся под командованием османских войск арабские войска изгнали из Феццана последние сенуситские подразделения. Невозможно сказать, как развивался бы данный конфликт, если бы не поражение Османской империи в войне и последовавший развал Османской империи.

Итогом взаимодействия турок и племен Триполитании стало, с одной стороны, изгнание итальянцев почти со всей ее территории, и с другой стороны, минимизация сенуситского влияния до предвоенного уровня. В ситуации, которая сложилась осенью 1918 г., Киренаика была, за исключением нескольких приморских городов, под контролем сенуситов. Благодаря расположенным в Египте завиям тариката, сенуситы могли получать подкрепления через границу. Они также

¹⁰⁷ Del Boca A. Mohamed Fekini and the Fight to Free Libya. Palgrave Macmillan, 2011. P. 61.

установили контакты с британцами, и часто пользовались ими в дальнейшем. Хотя Британская империя не была заинтересована в успешном распространении антиколониальных восстаний, тем более в регионе, который играл столь важную роль в безопасности ее индийских владений, англичане не предпринимали никаких жестких действий для подавления сенуситов в Египте и в конфликте между сенуситами и итальянцами выбрали политику равноудаленного созерцания. В Триполитании, вне осажденных городов, правило сопротивление, но в отличие от сенуситов, у триполитанского сопротивления не было четкой и общепризнанной государственной формы. Вопрос единства был первым вопросом, рассмотренным представителями различных племен и групп, когда они встретились для обсуждения дальнейшего пути развития в ноябре 1918 г.

2.3. Триполитанская республика: попытка координации сопротивления

Часто недооцениваемая Триполитанская республика является заметным событием в арабской истории, поскольку это была первая попытка основать самостоятельное арабское государство на республиканских началах. Нельзя сказать, что это было в первую очередь отражением того, что республиканские ценности, в европейском понимании, превалировали в Триполитании. Скорее, за неимением местной династии, это было оптимальной формой самоорганизации для отпора итальянскому вторжению. Тем не менее нельзя исключить, что в дальнейшем, если бы триполитанцы смогли сохранить внутреннее единство, Триполитанская республика смогла бы стать успешно функционирующим государственным образованием.

В отличие от тариката сенуситов, основная часть ливийских завий которого была расположена в Киренаике и, часто контактируя с британскими властями в Египте, постепенно разработала контакты с ними, руководители Триполитанской

республики были предоставлены сами себе и могли полагаться только на собственные ресурсы. Это позволяет предположить, что если бы в дальнейшем, именно триполитанские элиты стали превалирующими по сравнению с сенуситами, то тот путь, которым пошла бы независимая Ливия, не был бы настолько привязан к Великобритании.

Триполитанские лидеры были уверены, что в период, когда Османская империя повержена, а Италия ослаблена войной, они могут получить независимость без особого труда. Лидеры Триполитании даже начали обсуждать, какую форму государственности они намерены принять, однако в тот момент так и не смогли прийти к единому решению. Одни выступали за монархию, то есть за власть или какого-либо османского принца, или главы тариката сенуситов, другие за республику – либо по принципиальным республиканским соображениям, либо ситуативно, будучи против сенуситов. Неготовность пойти на компромиссы между собой, и склонность полагаться на внешнюю помощь характеризует ливийских политиков и по сей день.

Для выработки окончательного решения 16 ноября 1918 г. в Эль-Куссабате (Массалате) было созвано совещание влиятельных лиц и племенных вождей Триполитании, большинство на котором в итоге высказалось за республиканскую форму государственности. Изначально планировалось предложить должность эмира Осману Фуад Паше, османскому принцу, который в то время жил в Мисурате¹⁰⁸, но он отказался.

Руководство будущей Триполитанской республики состояло преимущественно из тех людей, которые стали известны соотечественникам еще во времена Османской империи. Был избраны Совет Триполитанской республики (Совет четырех) в составе Рамадана ас-Сувейхили, Сулеймана аль-Баруни, Ахмеда

¹⁰⁸ История национально-освободительной борьбы народов Африки в новейшее время / Отв. ред. А.А. Громыко. М.: Наука, 1978.

аль-Мурайида и Абдель Наби Бельхейра, а также Совещательный совет в составе 24 человек и шариатский совет улемов. Столицей новой республики стала Азизийя.

В декларации, обращенной к населению, извещалось о принятых решениях: «Народ Триполитании, – в частности, говорилось в документе, – наконец-то обладает независимостью, которой он добился кровью своих сыновей, пролитой в течение семи лет. Народ счастлив достижением этой цели, которая приближает его к тому, чего уже достигли в своем развитии другие народы»¹⁰⁹.

Попытка добиться признания среди международного сообщества и, в частности, принять участие в Парижской мирной конференции несмотря на то, что триполитанцы сообщили о готовности руководствоваться принципами мироустройства, которые были провозглашены после Октябрьского переворота 1917 г., и 14 пунктов президента Вильсона, не дала результата¹¹⁰.

В адрес итальянского правительства были направлены условия, на которых триполитанцы соглашались заключить мир с Римом. Эти условия включали 8 пунктов, предусматривавших обязательство Италии не проводить военные, торговые и другие мероприятия во время переговоров, а также не стеснять свободу контактов Триполитании с теми правительствами, которые имеют свои представительства в Триполи. Османские и немецкие военнослужащие, находившиеся в стране, объявлялись гостями триполитанского правительства, и их отъезд предполагался лишь после выполнения ими обязательств перед Триполитанией. Факт созыва совещания триполитанских лидеров в Эль-Куссабате и принятые там решения были, несомненно, следствием изменения обстановки в мире. Вместе с тем, было бы наивно полагать, что Рим безропотно откажется от своих намерений.

¹⁰⁹ Шукри Ф. Ас-Синусийя-дин ва давля... С. 203 (цит. по: Егорин А.З. История Ливии. XX век. С. 66).

¹¹⁰ Anderson L. States Peasants and Tribes. Columbia University, 1981. P. 52.

Здесь уместно немного сказать о некоторых ключевых персонах триполитанского сопротивления. Одним из самых видных представителей арабского возрождения в вилайете Триполи был Сулейман аль-Баруни. Он родился в 1870 г. в Джаду, в берберской семье шейха Абдаллаха аль-Баруни. После получения начального образования он в 1892 г. направился в Каир для продолжения учебы в Аль-Азхаре, где пробыл три года. С 1895 г. он обучался в Алжире, совершенствуя свои познания в учении ибадитов – умеренных хариджитов, которые являлись последователями хариджитов – первой и наиболее крупной секты в исламе, возникшей в VII в.

Спустя три года аль-Баруни возвратился в Триполи. Впоследствии он был арестован и брошен в тюрьму по обвинению в подготовке заговора, имевшего целью отторжение Триполитании от Османской империи и выход ее из подчинения Высокой Порты, в создании подрывной организации и подстрекательстве населения против османских правителей. Однако под давлением берберского населения, проживавшего в Джебель Нефусе, османские власти через два с половиной месяца вынуждены были освободить Сулеймана аль-Баруни под залог. За ним велась непрерывная полицейская слежка. В своем родном городе Джаду аль-Баруни занялся просветительской деятельностью. В частности, он открыл школу, в которой обучалось до 200 человек.

Опасаясь очередного ареста, он выехал в Египет, где занялся активной пропагандистской работой. В Каире аль-Баруни начал издавать газету «Аль-Асад аль-ислами», которая предназначалась в основном для читателей вилайета Триполи. И хотя вскоре газета была закрыта, он продолжал свою деятельность, оставаясь одним из идейных вождей движения за арабское возрождение в вилайете Триполи.

Как и большинство деятелей Нахды, Сулейман аль-Баруни не отделял это движение от мусульманской реформации. Преодоление отсталости арабских стран он видел лишь в укреплении духовных сил арабского общества, в объединении всех

мусульман перед угрозой европейского проникновения в арабские провинции Османской империи.

Таким образом, взгляды Сулеймана аль-Баруни выражали устремления образованного городского арабского класса. Он, как и другие политически активные ливийцы, сознавал, что в условиях господства самодержавно-деспотического режима Абдул Хамида II сложно вести какую-либо инициативную и отдельную от Высокой Порты политическую деятельность. Тем не менее ни в своих трудах, ни в практической деятельности Сулейман аль-Баруни не выступал против верховной власти Османской империи. Он добивался лишь ограничения прерогатив османских вали, расширения автономии арабских вилайетов и прав их населения. При этом Сулейман аль-Баруни указывал на существовавшую опасность со стороны европейских колонизаторов и предупреждал османские власти о ее возможных последствиях. Взгляды Сулеймана аль-Баруни разделяли и другие националисты в Северной Африке. В связи с этим историк Маджид Хаддури отмечал, что национализм в Ливии и других североафриканских странах зародился не как реакция против османского господства, как это было в арабском мире к востоку от Египта, а в полной гармонии и при сотрудничестве с османской властью¹¹¹. Это произошло оттого, что как арабские националисты Триполитании, так и сенуситы Киренаики верили в возможность сплочения арабов во главе с халифом всех мусульман в лице османского султана перед надвигающейся угрозой европейской колонизации посредством укрепления духовных, религиозных связей. Они также надеялись на активную дипломатическую и военную поддержку со стороны Османской империи в случае колониального порабощения их стран. Последующие события показали иллюзорность надежд на османские власти.

¹¹¹ Хаддури М. Современная Ливия (цит. по: Егорин А.З. История Ливии. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 1999).

Находившиеся в Хомсе представители итальянского военного командования, которым были вручены нота и условия переговоров, заявили, что Рим не признает создание Триполитанской республики и будет вести войну до победного конца. Хотя это заявление итальянских военных было скоропалительным, не согласованным с Римом, оно способствовало тому, что националистически ориентированные силы Триполитании начали спланировать для совместных действий, отбросив прежние разногласия. В течение декабря 1918 г. триполитанские лидеры провели ряд встреч между собой, хотя и оставались по-прежнему в зонах своего правления: Рамадан ас-Сувейхили – в Мисурате, Сулейман аль-Баруни – в Эль-Азизии, Абдель Наби Бельхейр – в Бени-Валиде, Ахмед аль-Мурайид – в Тархуне. Возникла также идея примирения с руководителями сенуситского тариката. Это предложил, в частности, Рамадан ас-Сувейхили, самый ярый противник сенуситов, лично отправивший письмо Идрису ас-Сенуси.

Тем временем командование вооруженных сил Италии начало наращивать свои силы в Триполитании. В конце 1918 г. Рим назначил в Триполи нового губернатора – Гариони. Численность итальянского экспедиционного корпуса к марту 1919 г. была доведена до 80 тыс. человек¹¹². Однако Гариони, сделавший по прибытии в Триполитанию ряд угрожающих заявлений, после более подробного ознакомления с подлинной ситуацией пришел к выводу о нецелесообразности развертывания боевых действий.

Одной из причин такого внезапного миролюбия была нестабильная обстановка в самой Италии. Хотя формально Италия числилась одной из стран-победительниц в Первой мировой войне, тем не менее война стоила ей тяжелейших жертв и принесла мало славы и пользы. Послевоенная Италия находилась в глубоком политическом и экономическом кризисе. Известия о возможном начале

¹¹² История национально-освободительной борьбы народов Африки в новейшее время / Отв. ред. Громько А.А. М.: Наука, 1978. С. 97.

нового вооруженного конфликта в Северной Африке были весьма непопулярны среди итальянцев.

В связи с обнаружившейся невозможностью военных действий, не отказываясь от задачи подавления Триполитанской республики, правящие круги Италии перенесли акцент на политические меры. Итальянские дипломаты в Османской империи потребовали от султана вернуть из Ливии османских военнослужащих. При этом итальянцы напирали на то, что, согласно условиям Мудросского перемирия от 30 октября 1918 г., османская армия должна быть демобилизована¹¹³.

Непосредственно на месте, в самих Триполитании и Киренаике, итальянцы принялись вербовать ливийских политических лидеров и племенных вождей. Относительно отзыва османского военного персонала, который, как считали в Риме, являлся главным союзником ливийцев, были использованы условия Мудросского договора о перемирии, предусматривавшего немедленную демобилизацию османской армии (п. 5) и сдачу в плен итальянцам всех османских офицеров в Ливии (пп. 16 и 17)¹¹⁴. После своего поражения в Первой мировой войне Османская империя была деморализована. О сопротивлении итальянцам в уже утраченных районах Северной Африки речи не шло. Таким образом, с целью возвращения османских офицеров в Константинополь, в Триполитанию был направлен бывший османский губернатор Триполитании и военный министр Раджаб-паша. Одновременно он пытался уговорить некоторых триполитанских лидеров, в частности Сулеймана аль-Баруни, покинуть родину.

Однако аль-Баруни предпочел остаться. Параллельно представители итальянских властей приступили к вербовке триполитанских политических

¹¹³ Интересно отметить, что союзники разрешили частям османской армии остаться на территории Закавказья и вменили им в обязанность не препятствовать оккупации Баку союзниками.

¹¹⁴ German history in Documents and Images [Электронный ресурс]. – Vol. 6. Weimar Germany, 1918/19–1933. Mudros Agreement: Armistice with Turkey (October 30, 1918). – URL: http://germanhistorydocs.ghi-dc.org/pdf/eng/armistice_turk_eng.pdf (дата обращения: 24.02.2023).

деятелей и племенных вождей (впрочем, зачастую это были одни и те же персоны). Результатом их усилий стали итальянско-триполитанские переговоры, проведенные в марте 1919 г. в Хилаз-Зейтуне. Переговоры эти не могли быть успешными в долгосрочной перспективе в силу того, что стороны придерживались взаимоисключающих подходов: арабы считали себя равными итальянцам и ожидали заключения договора, который создаст условия для управления Триполитанией местными политическими деятелями в интересах местного общества. Итальянцы же полагали, что целью переговоров следует считать заключение соглашения, которое позволит им управлять Триполитанией в своих интересах, через местных нотаблей. Возникшие существенные противоречия практически невозможно было разрешить.

На переговорах арабские представители требовали равноправия арабов и итальянцев на территории Триполитании при решении всех политических, социальных и экономических вопросов управления страной, на что представители Рима ответили отказом. Следует отметить, что если бы итальянцы ответили согласием, то на тот момент это было бы неслыханным прецедентом в истории европейского колониализма. Нигде европейцы не давали коренному населению тех прав, которыми обладали сами колонизаторы. В лучшем случае речь могла идти о том, что некоторая избранная и в какой-то степени европеизированная верхушка допускается к управлению колонией при безусловном сохранении доминирования европейцев (как это было у англичан в Индии и у французов в некоторых африканских колониях).

То, что итальянцы были вынуждены сесть за стол переговоров с такой повесткой, говорит об их слабости. То, что триполитанские политики инициировали такую повестку, говорит об их силе и о том, что в политическом и организационном плане они, по крайней мере в момент начала переговоров, могли сравниться с самыми прогрессивными и развитыми колониальными движениями. Как мы

увидим в дальнейшем, в отличие от, к примеру, индийского национально-освободительного движения, которое в те же годы выдвигало аналогичные требования, у арабов Триполитании не хватило организованности для того, чтобы сохранить свое единство.

Переговоры были сорваны, но ни арабы, ни итальянцы не отказались от их возобновления, а продолжали контакты. В этом сказывалась неуверенность Италии в успехах силового давления, но это давало Триполитании возможность демонстрировать стойкость и даже угрожать продолжением партизанских действий, что было нежелательно для итальянского правительства.

В результате взаимных уступок 14 марта 1919 г. итальянское правительство приняло решение гарантировать коренному населению Триполитании введение конституции и предоставление гражданских и политических прав, а перед этим триполитанское политическое руководство согласилось на присутствие итальянских гарнизонов в Триполи, Хомсе и Зуваре. На таких условиях 21 апреля 1919 г. стороны подписали в Суан-Бен-Адеме соглашение, объявлявшее о прекращении войны и заключении мира.

Сразу же в Тархуне было созвано совещание триполитанских вождей, где был избран Правительственный совет Триполитанской республики в составе восьми человек, среди которых руководящую роль стал играть Рамадан ас-Сувейхили.

1 июня 1919 г. был обнародован «Основной закон» Триполитанской республики. Как писал позже Тагер аз-Зави, «перед триполитанцами расширились политические горизонты, им представилась возможность предъявлять свои требования, направленные на расширение сферы их общественной и государственной деятельности»¹¹⁵. Номинально вся полнота гражданской и военной власти по этому закону оставалась за итальянским губернатором, но в своей деятельности он должен был опираться на правительственный совет и считаться с

¹¹⁵ Аз-Зави ат-Тагер А. Джихад аль-Абталъ. С. 260 (цит. по: Егорин А.З. История Ливии. XX век. С. 69).

мнением палаты депутатов триполитанского парламента и с местными обычаями, в том числе и с решениями шариатских судов, рассматривавших гражданские дела коренного населения. При этом арабское и берберское население наделялось гражданскими правами в существенном объеме, превышавшем те права, которыми обладали жители итальянского Сомали и Эритреи. Осенью 1919 г. аналогичный закон вступил в силу и для Киренаики¹¹⁶.

Для ливийского народа, с 1911 г. находившегося в состоянии войны, это была победа, хоть и не полная, но превзошедшая то, на что население Триполитании и Киренаики могло надеяться в 1912 г. Для правительства в Риме эти договоренности были необходимой уступкой, которую оно рассматривало в качестве временной меры, так как возможностей для подавления ливийцев силой явно не хватало, а итальянская общественность требовала мира. Следует особо выделить тот факт, что речь о создании единого парламента для всей Ливии не шла. Исторические, географические, экономические и социальные различия между Киренаикой и Триполитанией способствовали тому, что ливийское движение сопротивления было разделено между двумя регионами и не предъявляло требований национального единства. Собственно, исследуя период 1912–1919 гг., говорить о существовании единой ливийской нации мы не можем.

Выборы в парламент Триполитании никогда не были проведены и, соответственно, сам парламент никогда не был созван. Киренаикский парламент был избран и успел провести 5 заседаний.

Как известно, история не терпит сослагательного наклонения, поэтому мы не станем гадать, как развивалась бы история Ливии и итальянско-ливийских отношений, если бы законы, создающие парламенты и наделяющие ливийцев достаточно широким перечнем гражданских прав, продолжили действовать в

¹¹⁶ 31 октября 1919 г.

течение длительного периода. Для итальянцев достигнутые в момент послевоенной слабости метрополии соглашения едва ли были серьезным и искренним базисом долгосрочной политики в отношении Ливии. В то же время для того, чтобы они стали надежным оплотом прав коренного населения Ливии, требовались ответственные и целенаправленные действия ливийских политиков и племенных вождей, но их не последовало.

Вместо того чтобы проявить мудрость и нацеленность на обеспечение интересов ливийского населения, фактически вожди действовали в интересах Рима. Между ливийцами разгорелась ожесточенная борьба за власть, позволявшая итальянским властям замедлить исполнение новых законов. Правительственный совет Триполитании стал собираться на заседания в Триполи, но в его работе участвовали далеко не все ведущие лидеры. Сулейман аль-Баруни, например, заявил, что он является членом османской палаты шейхов, отказался от сотрудничества с итальянцами и уехал в Константинополь. Это был особенно потрясающий пример политического непостоянства и несостоятельности ливийской политической элиты, ведь несколько ранее аль-Баруни отказывался ехать в Османскую империю, несмотря на призывы султана.

Рамадан ас-Сувейхили, почувствовав неприязнь со стороны отдельных лидеров и угрозу ареста итальянцами, убыл в Суан Мушатт, где у него были свои воинские формирования. Видя это, итальянцы принялись всячески обхаживать противников этих двух лидеров, пытаясь углубить раскол между ними. Одновременно они начали прибирать к рукам находившиеся под их руководством отряды, но те не послушались – часть ушла на соединение с Рамаданом ас-Сувейхили, который к этому времени перебрался в Мисурату, подальше от итальянцев, другие ушли в глубь страны, в горы.

Разногласия между лидерами и рассредоточение местных воинских формирований привели к тому, что Правительственный совет Триполитании, по

существо, распался, а итальянцы начали буквально охотиться за всеми, кто противился их власти, натравливая одних местных феодалов на других. Противники итальянского произвола стали группироваться вокруг Рамадана ас-Сувейхили, в то время как против него самого выступил Абдель Наби Бельхейр, особенно болезненно реагирующий на усиление влияния соперника. В результате, когда Рамадан ас-Сувейхили решил возглавить отряды, чтобы вытеснить соперника из района Бени-Улид, он был убит сторонниками Абделя Наби Бельхейра в одном из боев в августе 1920 г.

Гибель Рамадана ас-Сувейхили, которого газета «Аль-Лива ат-Тараблуси» называла «великим из величайших мусульман»¹¹⁷, была на руку итальянцам, хотя она и усугубила недоверие к ним местного населения.

Борьба за первенство среди триполитанских лидеров разгорелась с новой силой. В сентябре 1920 г. они собрались в Азизии, неподалеку от Триполи, на «национальный совет», где было решено провести в ноябре национальную конференцию, местом для которой избрали Гарьян¹¹⁸. На этом форуме присутствовали вожди берберов и представители всех районов страны, включая оккупированные итальянцами территории. Не приехал только Сулейман аль-Баруни, мэр Триполи, считавший себя наместником Османской империи. На открытии конференции выступил бывший член правительственного совета Абдель Рахман Аззам. Заявив, что Италия находится на грани революции, он сделал вывод о возможности ведения Италией только оборонительной войны в Ливии, что, по его мнению, давало триполитанцам возможность добиваться полной независимости¹¹⁹. «При молчаливом согласии эмиров, не проронивших на конференции ни одного слова, – напишет позже английский историк Дж. Райт, – большинством голосов 18 ноября 1920 г. была избрана центральная организация

¹¹⁷ Цит. по: Прошин Н.И. История Ливии. Конец XIX в. – 1969 г. С. 140.

¹¹⁸ Таарих Либия мунзу акдам аль-Асур. Триполи, 1972. С. 136.

¹¹⁹ Там же.

реформ в составе 47 членов, которая стала правительством Триполитании»¹²⁰. Это правительство, как говорилось в решении совещания, «должно руководствоваться законами шариата и возглавляться мусульманином, осуществлять гражданскую и духовную власть в пределах всей территории триполитанской родины и исключить засилье итальянцев»¹²¹. Возглавили правительство Гарьяна Ахмед аль-Мурайид (председатель), Абдель Рахман Аззам и Башир ас-Саадави (советники).

В Рим была отправлена делегация из 5 человек во главе с Мухаммедом аль-Гарагани с поручением передать итальянскому правительству декларацию Гарьянской конференции и потребовать отказаться от интриг и проволочек с предоставлением независимости. Делегацию министр по делам колоний вначале принял, но, ознакомившись с ее целями, прервал переговоры. В Риме началась закулисная возня вокруг аль-Гарагани и его коллег, продолжавшаяся 9 месяцев. Хотя они получили поддержку со стороны итальянских коммунистов, социалистов и других оппозиционных партий, официальный Рим сделал все возможное, чтобы дезавуировать посланцев Гарьяна. Были проведены срочные консультации с «давним итальянским другом» Хасуна-пашой аль-Караманли, мэром Триполи, при помощи которого была сформирована другая делегация, якобы представлявшая население прибрежной части страны и берберов Западных гор (Эль-Джебель-эль-Гарб)¹²². Хасуна-паша аль-Караманли, прибывший в начале 1921 г. в Рим во главе этой делегации и встреченный с большим почетом, немедленно обрушился на аль-Гарагани, упрекнув его, что тот не представляет большинство народа Триполитании и занимается шантажом и подстрекательством. В результате делегация аль-Гарагани была вынуждена уехать из Италии, что вызвало в Триполитании волну протеста. Было ясно, что за счет одних только переговоров с Римом получить независимость

¹²⁰ Там же. С. 136–137.

¹²¹ Там же. С. 137.

¹²² Там же. С. 136.

не удастся: нужно было создавать единый национальный фронт, поскольку междоусобица явно шла на пользу колонизаторам.

Исходя из этих соображений, «Центральная организация реформ» направила в Киренаику делегацию 7 видных триполитанских деятелей, которые встретились в Сирте с пятью представителями сенуситского руководства. Переговоры проходили в течение декабря 1921 – января 1922 г. и закончились подписанием 21 января 1922 г. соглашения, согласно которому основные усилия было решено направить на прекращение внутренних распрей и объединение в борьбе против итальянской интервенции. Статья 5 соглашения гласила: «Обе стороны считают, что интересы совместной обороны против коварного врага требуют объединения руководства всей страной и поэтому ставят своей задачей избрание эмира мусульманина, который будет обладать религиозной и светской властью в рамках конституции, одобренной народом»¹²³. Триполитанская и киренаикская стороны договорились, что до того, как будут приняты меры по более глубокой проработке организации совместных действий, они проведут встречи своих представителей для согласования всех текущих вопросов и, если начнется война с Италией, власть которой они не признали, то примут в ней участие, создав единое руководство. Башир ас-Саадави был назначен представителем «Центральной организации реформ» в Киренаике, Абдель Азиз аль-Исави – в Триполи.

Политическая активность не прекращалась также и в Киренаике. 25 октября 1920 г. итальянцы достигли с сенуситами нового соглашения (Соглашение ар-Раджмы), которое отменяло прежние соглашения, достигнутые между ними. Согласно условиям соглашения ар-Раджмы итальянцы признавали за Идрисом ас-Сенуси титул эмира Киренаики. Идрису было позволено организовать автономную администрацию. Взамен он обязался перед итальянцами сотрудничать во имя внедрения в жизнь конституции Киренаики, не облагать налогами арабов, не

¹²³ Аш-Шанити М. Кадыйя Либия. Каир. 1951. С. 95–96.

входящих в племенной союз сенуситов, и распустить киренаикские вооруженные формирования. Это последнее условие, самое важное в соглашении, так и не было выполнено. Эмир лично получал от итальянцев ежемесячную субсидию в 63 тыс. лир помимо 2,3 млн лир, которые выделялись на расходы сенуситов по исполнению тех административных ролей, которые теперь на них лежали. В эту сумму не входили и субсидии (фактически, видимо, не сильно отличавшиеся от взяток), которые итальянцы платили другим местным управленцам ¹²⁴. Признание формальной и в чем-то фактической власти Идриса а-Сенуси отличало ситуацию в Киренаике от ситуации в Триполитании, где итальянцы фактически отказались признать власть Триполитанской республики и вели политику взяточничества, стремясь вызвать раскол в рядах триполитанских политиков.

Итальянское правительство настороженно следило за усилением объединительных тенденций в своих североафриканских владениях, пытаясь им воспрепятствовать. В июле 1921 г. в Триполитанию был назначен новый губернатор – Д. Вольпи, сторонник применения силы, который, не дожидаясь одобрения из Рима и предвосхищая политику фашистского режима (фашисты пришли к власти только в следующем, 1922 г.), решил атаковать Мисурату, базу снабжения триполитанских отрядов сопротивления. Начались боевые действия, названные впоследствии семнадцатидневной войной. Председатель правительства Гарьяна Ахмед аль-Мурайид объявил джихад, но патриоты были захвачены врасплох, оборонительные укрепления отсутствовали, оружия не хватало. Тем не менее партизанские отряды были подтянуты к Мисурате, защитники которой находились на грани сдачи, а также к городам Триполи, Эль-Азизия и Эз-Завия, где разгорелись упорные бои. 9 февраля 1922 г. триполитанцы перерезали железную дорогу, соединявшую Триполи с Эль-Азизией, где находилось около 10 тыс.

¹²⁴ Evans-Pritchard E.E. The Sanusi of Cyrenaica. Oxford, 1949. P. 149.

итальянских солдат. 19 марта 1922 г. была прервана железнодорожная связь между Триполи и Зуварой, итальянский гарнизон которой насчитывал 1 тыс. человек.

К концу марта 1922 г. итальянцы были фактически окружены на территории Триполитании, сохраняя под контролем только Триполи, Хомс и Зувару. Они имели более совершенное оружие и почти вчетверо больше войск (15,5 тыс. чел. против 4,3 тыс. воинов в местных отрядах). Но их положение было почти критическим, тем более что на состоявшейся чрезвычайной встрече представителей Триполитании и Киренаики сенуситское руководство обещало оказать триполитанцам немедленную помощь. Но вместо организации разгрома оставшихся плацдармов колонизаторов среди триполитанцев начались распри, некоторые вожди (например, Абдель Наби Бельхейр) отказались от борьбы, другие согласились на предложенные губернатором Д. Вольпи переговоры. В результате Ахмед аль-Мурайид объявил о прекращении огня сроком на один месяц и вместе с Баширом ас-Саадави начал контактировать с итальянскими представителями в Фундук-аш-Шериф, в 30 км южнее Триполи.

Переговоры были упорными. Ливийцы настаивали на соблюдении итальянской стороной условий соглашения, заключенного в Суан-Бен-Адеме, а итальянцы, обеспокоенные результатами переговоров в Сирте, старались расколоть единый фронт патриотов, заявляя, что признают правительство Ахмеда аль-Мурайида, если оно расторгнет договор с сенуситами. В разгар дебатов триполитанцы получили послание Идриса ас-Сенуси с одобрением соглашения, подписанного в Сирте, и тогда представители «Центральной организации реформ» поставили вопрос о провозглашении лидера сенуситов эмиром обеих территорий, а также о признании Италией единства Ливии и создании совещательных органов, на что представители Рима потребовали дополнительное время «для изучения

вопроса»¹²⁵. Началось откровенное затягивание переговоров. Итальянцы изредка возобновляли дебаты, но они не были и не могли быть конструктивными, поскольку фашисты, пришедшие к власти в Риме, уже настраивались потопить в крови ливийское сопротивление.

У Муссолини в то время просто не хватало сил, чтобы сделать это немедленно, а ливийцы по-прежнему уповали на получение независимости мирными средствами, путем переговоров, и это была их главная ошибка.

Для того чтобы выступить на переговорах с итальянцами единым фронтом, руководители «Центральной организации реформ» интенсифицировали усилия по претворению в жизнь подписанного в Сирте соглашения об объединении с Киренаикой. При этом Ахмед аль-Мурайид и его сторонники надеялись получить от сенуситского руководства конкретную военную помощь, в то время как Идрис ас-Сенуси рассчитывал на ослабление давления итальянцев, добивавшихся в то время разоружения племен и роспуска военных лагерей, хотя Рим и не думал выполнять собственные обязательства, предусмотренные соглашением ар-Раджмы.

В апреле 1922 г., предварительно обсудив формат встречи, в Аждабии для проведения консультаций с триполитанскими представителями собрались шейхи ведущих киренаикских племен, которые должны были участвовать в подготовке церемонии по принесению присяги эмиру Идрису. Однако все свелось к взаимным упрекам о невыполнении сиртского соглашения, и принесение присяги было отложено¹²⁶. Затем состоялась еще одна встреча триполитанской делегации с сенуситами, где ей было заявлено, что Идрис болен и уезжает в Египет на лечение, но хотел бы получить от триполитанцев пламенную клятву на верность ему как единому эмиру двух братских провинций Ливии. До получения такого документа Идрис отказывался от вмешательства в военные действия против итальянцев на том

¹²⁵ Меморандум Триполитанского комитета в Каире, опубликованный 20 января 1949 года газетой «Аль-Ахрам».

¹²⁶ Шукри Ф. Милад давя Либия аль-хадиса, васаик тахрига... С. 567.

основании, что это якобы противоречит имеющимся итало-сенуситским соглашениям¹²⁷.

Между тем Идрис ас-Сенуси уехал не на лечение в Египет, а на встречу с итальянским министром колоний Амендола, состоявшуюся в Эль-Джебель эль-Ахдаре. На этой встрече итальянцы, выясняя дальнейшие планы эмира, сделали все возможное, чтобы уговорить лидера сенуситов склонить триполитанцев к «взаимопониманию с итальянскими властями», и они своего добились. После встречи с Амендолой Идрис направил триполитанским лидерам специальное послание, призывая их принять предложение Рима¹²⁸.

Положение, в которое попали лидеры Триполитанской республики, оказалось незавидным. Фактически республика была на грани падения, поскольку в ней не было ни общественного, ни элитного согласия. Лояльность населения была в первую очередь своему племени. Племенные вожди и представители городов не смогли выработать идею национального интереса и национального согласия в Триполитании. Кроме того, как покажут дальнейшие события, губительный обычай опираться на внешние силы для решения даже не широких, национальных задач, а часто племенных или личных, не был искоренен среди руководителей Триполитанской республики. Из-за нехватки сил и внутренних раздоров, вожди Триполитанской республики были вынуждены были проводить соглашательскую политику, которая не облегчала, а усугубляла их трудности, не приближала, а удаляла их от главной цели – получения независимости. С одной стороны, тянули время итальянцы, ведя закулисную игру и одновременно накапливая войска для решающего удара. С другой стороны, Идрис, не возражая против распространения своей власти на Триполитанию, явно не торопился с оказанием ей помощи в борьбе против колонизаторов. В июле 1922 г. делегация «Центральной организации

¹²⁷ Таарих Либия мунзу акдам аль-Асур. Триполи, 1972. С. 139.

¹²⁸ Аз-Зави ат-Тагер А. Джихад аль-Абталь... С. 326.

реформ» по существу ни с чем вернулась из Киренаики. Но вместо того, чтобы поднять народ на борьбу, пока итальянцы удерживали островки Триполитанской территории и были временно бессильны, лидеры Гарьянской республики последовали совету Идриса ас-Сенуси и решили продолжать переговоры. Одновременно 28 июля 1922 г. была оформлена письменная клятва на верность Идрису ас-Сенуси как эмиру Киренаики и Триполитании, подписанная 26 видными триполитанскими лидерами¹²⁹. Для передачи документа вновь была снаряжена делегация, но она добралась до Аждабии лишь в ноябре 1922 г.

Идрис ас-Сенуси по-прежнему колебался, опасаясь обострения отношений с итальянцами, но одновременно понимал, что его отказ может оттолкнуть от сенуситов часть симпатизировавших им триполитанских лидеров. К тому же резко менялась международная обстановка. Власть в Италии переходила к фашистам, которые не скрывали, что не намерены церемониться с ливийцами. Война становилась неизбежной.

22 ноября 1922 г. под большим давлением своих советников Идрис ас-Сенуси принял под свою власть Триполитанию, о чем уведомил ее в ответном послании. «Считаю своим долгом, – написал он, в частности, – пойти навстречу вашей просьбе и возложить на себя бремя великой ответственности за всю нацию... Я намереваюсь оставить все дела в таком положении, как они есть, пока не соберется национальная ассамблея и не определит строй страны...»¹³⁰.

Триполитанцы надеялись, что Идрис немедленно окажет им военно-политическую поддержку, пришлет продовольствие и оружие, объявит войну Италии. Но ничего этого не случилось. Окружение эмира раскололось на две группировки, из которых одна выступила за начало военных действий против итальянцев и действительно организовала несколько стычек с ними¹³¹, другая

¹²⁹ Шукри Ф. Ас-Синусийя-дин ва давя... С. 260 (цит. по: Егорин А.З. История Ливии. XX век).

¹³⁰ Цит. по: Хакки М. Ливия аль-арабийя каинна тайиш фиға. Каир, 1962. С. 70.

¹³¹ Khadduri M. Modern Libya... Baltimore, 1963. P. 23.

настаивала на продолжении сотрудничества с итальянскими властями и заняла выжидательную позицию в отношении триполитанцев, особенно в части, касавшейся выполнения взятых перед ними обязательств. Эмир не нашел достаточно аргументов и средств, чтобы противопоставить им свое мнение или предпринять какие-то действия. Оттяжка в оказании помощи Триполитании грозила подрывом авторитета в глазах как триполитанцев, так и киренайцев. Объявление новой войны Италии было бессмысленным, так как армия Идриса не была боеспособной, да и у власти эмир удерживался не за счет наличия у него сильных воинских формирований, а за счет политического лавирования в отношениях как с итальянцами, так и с местными лидерами. На сей раз излюбленный Идрисом метод компромиссов исчерпал себя, но пойти на решительные действия он так и не отважился.

В результате в декабре 1922 г. Идрис ас-Сенуси неожиданно объявил, что страдает острой сердечной недостаточностью, и под этим предлогом выехал для лечения сначала в оазис Джагбуб, а затем в Каир (откуда он вернется лишь через 20 лет)¹³². Это был далеко не первый пример сотрудничества Идриса с англичанами. Из захваченных итальянцами в ходе Второй мировой войны архивов английской резидентуры в Соллуме (пограничный с Ливией город в западном Египте), откуда британская разведка отслеживала все, что происходит в Киренаике, удалось узнать, что в 1918 г. Идрис, действуя вместе с итальянской колонной войск, добился сдачи в плен в местности Бен Ганад (Ben Ganad) смешанной сенуситско-османской группировки, включавшей османских офицеров¹³³. Можно заключить, что контакты, наработанные в те годы с британской разведкой, не были забыты, и что в

¹³² Таарих Либия мунзу акдам аль-Асур. Триполи, 1972. С. 140.

¹³³ Archivio Centrale Statale. Ministero Africa Italiana. C.S 126 Rapporti dell'Intelligence da diverse fonti. Конфиденциальный меморандум от Lieutenant-General, General Staff, Force in Egypt, направленный британскому политическому советнику в Египте. 13.09.1918.

дальнейшие годы Идрис ас-Сенуси допускал возможность того, что ему придется воспользоваться помощью англичан.

Шестью годами ранее то же был вынужден сделать и Ахмед Шериф, променявший войну на компромисс с колонизаторами и потерпевший фиаско. Вместо себя он оставил членов сенуситской семьи Мухаммеда ар-Рида и Сафи ад-Дина, но они не обладали тем авторитетом, который был у Идриса ас-Сенуси. Оставшиеся в Аждабии члены триполитанской делегации (в их числе был и Башир ас-Саадави) добились согласия эмира на создание до его отъезда «Центральной организации Киренаики» (наподобие «Центральной организации реформ» Триполитании), и она даже была образована из вождей племен во главе с шейхом Мухтаром аль-Гадамси. Это был чисто формальный акт. Старая междоусобная война лидеров Киренаики за власть после отъезда Идриса вспыхнула с новой силой, и уже никто из них не думал о совместных действиях против итальянцев.

Итальянцы, воспользовавшись сложившейся в стране обстановкой, возобновили военные действия, захватили сначала Ефрен, а в ноябре 1922 г. и Гарьян, бывший де-факто столицей республики. Триполитанские вооруженные отряды ничего не могли сделать с превосходящим противником, численность которого была доведена до 30 тыс. человек, и начали рассеиваться по стране, образуя очаги сопротивления. Члены «Центральной организации реформ», уйдя из Гарьяна, сумели добраться до Гаср-Бу-Хади, но между ними возникли серьезные разногласия, преодолеть которые так и не удалось.

В конце января 1923 г. итальянские войска, получив значительное подкрепление, приступили к ликвидации очагов сопротивления и расширению зоны своего влияния в Триполитании. Были захвачены Гаср-Хияр, Бу-Аркуб, Тархуна. 20 февраля оккупанты овладели Злитеном, 26 февраля – Мисуратой. Наступление итальянцев требовало принятия коллективных контрмер, но ливийские лидеры не могли преодолеть рамок местных и племенных интересов. Прибывший в июле

1923 г. в вади-Нафр Сафи ад-Дин пытался совместно с Баширом ас-Саадави организовать единый фронт борьбы с итальянцами, наступавшими на Сирт, но и они столкнулись с большими трудностями из-за неразберихи и упрямства многих местных лидеров. Находившийся в Бени-Улиде Абдель Наби Бельхейр, например, вообще открыто сотрудничал с итальянцами. Сейф ан-Наср, отдав свои войска в распоряжение Башира ас-Саадави, уехал в Сирт, а оттуда в Эль-Джофр.

Падение Триполитанской республики, провал попытки объединить Триполитанию и Киренаику в единое государство под эгидой сенуситов и фактическое предательство главой сенуситского тариката своего народа привели к дезорганизации ливийского сопротивления итальянскому владычеству. К середине 1920-х итальянцы обладали контролем над «полезной» частью Триполитании. Однако большая часть Киренайки оставалась неподконтрольной итальянцам.

2.4. Консолидация итальянской власти над всей Ливией в 1923–1931 гг.

Первые два года фашистского правления в Италии имели значительные последствия для Ливии. Большая напористость итальянцев и слабость, раздробленность ливийского сопротивления привели к существенной корректировке перспектив ливийцев.

Те возможности, которые ранее существовали перед ливийцами, были бесповоротно утрачены, так как инициатива перешла на сторону итальянцев. После 1923 г. не стоял вопрос о том, что ливийцы смогут свергнуть итальянскую власть или по крайней мере ограничить ее пределы несколькими приморскими городами. Также более не стоял вопрос о том, что ливийцы смогут создать государственные (в виде Триполитанской республики) либо квази-государственные образования, которые будут пользоваться признанием итальянцев. Также фактически был снят с повестки вопрос участия коренного населения Ливии в

управлении Триполитанией и Киренаикой в качестве партнеров итальянцев через местные парламенты. После 1923 г. вопрос стоял о том, как быстро и с какой жестокостью будет покорена вся Ливия, смогут ли коренное население и его вожди организовать сопротивление либо добиться от итальянцев гарантий сохранения определенных прав. Ввиду имманентной итальянской победы в полный рост встал вопрос, в каком виде будут организованы две итальянские колонии, какова будет военная, экономическая и колонизационная политика Рима в их отношении.

Поскольку Триполитания была к концу 1923 г. в значительной степени покорена, дальше перед итальянскими властями стоял вопрос покорения Киренаики, которая была практически неподконтрольна им. Как ранее было указано, фашистское правительство предпочитало, из всех подручных мер, именно военные. Характерно, что все губернаторы Киренаики после прихода к власти фашистов были военными – генерал Луиджи Бонджованни с декабря 1922 г. по май 1924 г., генерал Эрнесто Момбелли с мая 1924 г. по декабрь 1926 г., с декабря 1926 г. до января 1928 г. капитан Аттилио Теруцци и генерал Доменико Сичилиани с января 1928 г. до марта 1930 г. (в качестве вице-губернатора при губернаторе Триполитании и Киренаики маршале Бадольо). Первые военные действия, которые положили начало покорению Киренаики, были предприняты губернатором Бонджованни в марте 1923 г., когда были разоружены несколько лагерей сенуситов¹³⁴. Таким образом началась военная кампания, которая длилась до 1931 г.

Военные действия в Киренаике в рассматриваемом периоде не включали масштабные военные столкновения. Итальянская стратегия была нацелена на постепенное подавление сопротивления сенуситов, которые были основой сил сопротивления. Сопротивление сенуситов затруднялось тем, что еще в 1922 их духовный и политический лидер покинуло страну. Таким образом, инициатива не

¹³⁴ Labanca N. *La guerra italiana per la Libia 1911–1931*. Bologna: Il Mulino, 2012. P. 164.

только в военной повестке, но и в политической перешла на сторону итальянцев. Отдельные поражения, которые наносили итальянцам отряды сенуситов, не могли решительно изменить итог кампании. Тем временем руководство сенуситскими военными отрядами постепенно принял на себя Омар аль-Мухтар.

Постепенно военные действия итальянских войск против ливийским повстанцев становились более точечными по мере того, как итальянские войска, обучаясь на собственных ошибках, применяли все более технологичные методы ведения войны, с автомобилями, радио и самолетами. Асимметричная модель войны позволила итальянским властям сократить количество войск, привлеченных к конфликту, что в свою очередь, существенно снижало нагрузку на итальянскую экономику. Если в 1911–1912 гг. итальянцы привлекли к завоеванию Ливии 100 тыс. военнослужащих, то в 1927 г., количество итальянских войск, привлеченных к умиротворению Ливии, составило около 40 тыс., из которых многие были не итальянцами, а набранными в колониях иностранцами¹³⁵.

Тем временем 18 декабря 1928 г. (согласно некоторым источникам – 24 января 1929 г.) маршал Пьетро Бадольо был назначен губернатором Триполитании и Киренаики одновременно. Это было первое назначение одного лица главой обеих североафриканских колоний Италии и предвосхищало их слияние в единую Ливию 5 лет спустя. Перед Бадольо стояла основная задача – добиться полного уничтожения сил сопротивления итальянской оккупации, прежде всего в Киренаике. Основой стратегии, которой следовал Бадольо, было насилие против местного населения в тех местах, где оно оказывало сопротивление – вне городов. Впрочем, нельзя сказать, что это было исключительно точкой зрения Бадольо. Как сказал его вице-губернатор в Киренаике и в дальнейшем видный деятель итальянского фашизма Родольфо Грациани, «Наш выбор сделан, и мы должны

¹³⁵ Ibid. P. 169.

следовать ему до конца даже если это приведет к гибели всего населения Киренаики»¹³⁶.

Назначение Бадольо ознаменовало финальную стадию подавления сопротивления. После неудачной попытки вести переговоры с Омаром аль-Мухтаром, Бадольо взял курс на насильственное перемещение населения в Киренаики. Для него это виделось основным средством подавления сопротивления, так как лишало повстанцев человеческих и материальных ресурсов для продолжения борьбы -«Прежде всего, необходимо создать широкое и весьма определенное ограждение между повстанческими формированиями и покоренным населением. Я не скрываю масштабы и серьезность этой меры, которая будет означать гибель так называемого покорного населения. Но теперь путь нам проложен, и мы должны преследовать его, даже если погибнет все население Киренаики»¹³⁷.

В 1930–1931 гг. итальянцами в отношении коренного населения Киренаики была проведена настоящая война террора. За этот период, подсчитано, что около 12 тыс. арабов были казнены в Киренаике. В то же время все кочевое население, около 100 тыс., горного района Джебель аль-Ахдар было насильственно переселено в концентрационные лагеря в центральной, весьма пустынной, части Ливии, на побережье Сирта¹³⁸. Фашистская пропаганда утверждала, что лагеря были организованы на основе современных начал, что их заключенные содержались там в гигиеничных условиях. В действительности, условия содержания в концентрационных лагерях были очень антисанитарными, в каждом лагере содержалось в среднем по 20 тыс. арабов, вместе с их скотом. Медицинская помощь в лагерях оказывалась на максимально урезанном уровне -на 33 тыс. узников в

¹³⁶ Rochat G. La repressione della resistenza araba in Cirenaica nel 1930–1931 in *Il movimento di liberazione in Italia*. 1973. № 110. P. 17.

¹³⁷ Archivio centrale dello Stato. Roma. Carte Graziani. B. 1. F. 2. Sf. 2.

¹³⁸ Rochat G. *Le guerre italiane 1935–1943. Dall'impero d'Etiopia alla disfatta*. Einaudi, 2005. P. 11.

лагерях Сиди Ахмед Эль-Магрун и Соллуч был только один врач¹³⁹. Тиф и другие болезни быстро распространились в лагерях, в том числе потому, что переселенные арабы были физически ослаблены недостаточным продовольственным пайком и принудительным трудом. Единственное материальное богатство кочевников, скот, сократилось коренным образом; погибло 90–95% овец и 80% лошадей и верблюдов Киренаики¹⁴⁰. К тому времени, когда лагеря были закрыты в сентябре 1933 г., число их жертв приблизилось к 40 тыс. человек¹⁴¹.

Здесь следует отметить, что высказанная известным итальянским исследователем Никола Лабанка (Nicola Labanca) точка зрения о том, что повышение градуса насилия в отношении местного населения во время губернаторства Бадольо связано в какой-то степени с наступившим кризисом 1929 г.¹⁴², скорее всего, неверна. Лабанка выдвигает теорию, что все колониальные державы приступили к более активному подавлению освободительных движений в колониях именно потому, что якобы в результате наступившего экономического кризиса колониальные державы как никогда зависели от экономических ресурсов, которые выкачивали из своих колоний.

В какой-то степени это можно признать обоснованным, если взять в качестве примера такое явление, как система «имперских торговых преференций» (Imperial preference), принятая в Британской империи в 1932 г. Она вводила тарифы на торговлю между странами и колониями, входившими в Британскую империю (включая уже фактически независимые доминионы – Канаду, Ньюфаундленд, Ирландию, Австралию, Новую Зеландию и Южную Африку), с одной стороны, и с остальным миром – с другой. Безусловно, введение этой торговой системы, которое

¹³⁹ Ibid.

¹⁴⁰ Ibid.

¹⁴¹ Del Boca A. *Italiani, brava gente?* Vicenza: Neri Pozza, 2005. P. 183.

¹⁴² Labanca N. *La Guerra Italiana per la Libia 1911–1931*. Bologna: il Mulino, 2012. P. 173–174.

обсуждалось в Великобритании и ее колониях с начала XX в., стало возможным только с наступлением Великой Депрессии.

Но сама система имперских торговых преференций не была введена насильственным способом – в том смысле, что на ее введении активно настаивали многие политические деятели в колониях и доминионах. И в то же время активное индийское национально-освободительное движение не было насильственно подавлено – наоборот, начало 1930-х гг. было временем круглых столов в Лондоне, активного диалога между британскими колониальными властями и оппозиционными индийскими кругами, включая таких деятелей, как М. Ганди. Индия была самым значительным колониальным владением Великобритании – едва ли британцы оставались безразличны к ее дальнейшей судьбе. Таким образом, в крупнейшей колониальной империи мира Великая Депрессия не вызвала роста насилия.

Колониализм сам по себе является исключительно насильственным явлением; градус насилия может варьироваться, но не существовало ни одной колонии, которая не была бы именно покорена. Если к 1930 г. большинство европейских держав снизило градус колониального насилия, то это было связано преимущественно с тем, что активная фаза колониальной экспансии была для них завершена. Во всем колонизированном мире, от Алжира до Австралии, потомки коренных народов были либо полностью уничтожены (как аборигены Тасмании), либо низведены до уровня нищих изгнанников в собственных странах¹⁴³, либо пришли к некому *modus vivendi* с колониальной державой (примером данного опыта может послужить Британская Индия). В любом случае, эти страны уже не было необходимости завоевывать.

Итальянский же колониализм, как было отмечено выше, являлся колониализмом новым и потому неизбежно не мог не быть явлением

¹⁴³ Holmboe K. *Desert Encounter*. London: George Harrap, 1936.

преимущественно насильственным. Итальянцы были жестоки к колонизируемому населению и до Великой Депрессии, во времена губернаторства Д. Вольпи в Триполитании (1921–1924 гг.), они были исключительно жестокими и после завершения Великой Депрессии, во время завоевания Эфиопии. Можно сравнить колониальную политику итальянцев в Ливии и Эфиопии с политикой японцев в Китае. В обоих случаях речь идет о государствах, которые «поздно пришли к столу» раздела колониального пирога и вынуждены были делать спустя 100-200 лет то, что ранее практиковали самые успешные европейски колониальные державы.

Насилие, которое итальянский режим практиковал в Киренаике, засвидетельствовал датский журналист Кнуд Хольмбю (Knud Holmboe) в своей книге «Встреча в пустыне»¹⁴⁴, вышедшей в 1931 г. Хольмбю пересек Ливию в 1930 г. и был непосредственным свидетелем того, что итальянцы делали на покоренной ими территории. Кроме того, как мусульманин, Хольмбю, имел определенное преимущество перед прочими европейцами, которым арабы, в силу понятных причин, не склонны были доверять. Вопрос о непредвзятости исторического свидетельства является сложным и рассматривать его в рамках данного исследования причин нет, но несомненно, что живое слово наблюдателя является столь же ценным историческим документом, как и сухие архивные данные. Можно только отметить, что большая часть авторов, критически оценивавших итальянский колониализм, фашизм и колониализм вообще, были не его непосредственными свидетелями, а более поздними исследователями, в то время как те, кто своими глазами видел плоды итальянской политики в Ливии, либо были склонны к апологетике¹⁴⁵, либо молчали.

¹⁴⁴ Holmboe K. Desert Encounter. London: George Harrap, 1936.

¹⁴⁵ De Vecchi P. Italy's Civilizing Mission in Africa. New York: Brentano's, 1912.

Успешные военные действия итальянцев против сенуситов привели к падению столицы, оазиса Куфра, сенуситов 20 января 1931 г. Во избежание плена, остатки защитников Куфры бежали в сторону Египта и Чада.

2.5. Формирование современных границ Ливии

Формирование современных границ Ливии произошло в первой половине XX в., в те годы, когда эта страна была колонией Италии, и сыграло важную роль в создании современной ливийской нации. По сей день Ливия существует в тех границах, которые были установлены и оформлены в колониальный период, и единственный непосредственный конфликт, в котором страна участвовала с момента приобретения независимости (не считая нынешней гражданской войны), был непосредственно связан с нерешенным вопросом границ, оставшимся с колониальных времен – речь идет о чадско-ливийском конфликте 1970–80-х гг.

Анализ процесса формирования ливийских границ тем более интересен, что этот процесс проистекал не изолированно, а напротив, в рамках общеевропейских процессов. Годы итальянского владычества (1911–1943) отмечены фазой острой конкуренции между европейскими державами – Германией с одной стороны и Великобританией вместе с Францией – с другой. Великобритания и Франция проводили политику умиротворения, направленную в первую очередь на Германию, но учитывающую также и интересы Италии. В то же время на 1920-е и 1930-е гг. пришелся пик колониальных амбиций Италии. Меры, которые Италия предпринимала для расширения колониальных границ Ливии, исходили из ее общей стратегии по развитию колониальной империи в Африке, где особое внимание уделялось продвижению на юго-восток – в сторону Эфиопии.

Учитывая все вышесказанное, можно утверждать, что взаимоотношения Италии, Франции, Англии и Германии подчас оказывали большее влияние на становление границ Ливии, чем интересы местного населения, действия правившей

до колонизации Высокой Порты и даже интересы Италии, поняты как таковые. Можно говорить о том, что процесс определения границ Ливии отражал противоречия европейской политики и в этом плане является типичным примером практики европейского колониализма.

В составе Высокой Порты Триполитанский вилайет и отдельная от него Киренаикская муташаррифия, управляемая напрямую из Константинополя, не имели четко зафиксированных внешних границ. Большая, южная часть Ливии была пустынной территорией, населенной кочевыми и полукочевыми племенами арабов, берберов и туарегов. Власть Высокой Порты в этом регионе была по большей части номинальной. Племена и тарикат сенуситов признавали султана своим верховным правителем, но практически влияние законов и правительства Османской империи было минимальным. Сами османские власти не считали Ливию приоритетной для своей ослабленной империи территорией и не предпринимали существенных попыток ее устроения или защиты. На протяжении доколониального периода в истории Ливии французские и английские власти в соседних странах (Тунисе, Алжире, Нигере, Чаде, Судане и Египте) предпринимали односторонние действия (некоторые из них затем были согласованы с османскими властями), направленные на фиксацию ливийских границ. Основным соглашением подобного рода было англо-французское соглашение 1898 года (с дополнениями от 1899 года)¹⁴⁶. Ключевой задачей этих соглашений было урегулирование англо-французских противоречий на обширных территориях между Нилом и рекой Нигер, противоречий, которые стали причиной Фашодского кризиса, но чьим побочным эффектом было урегулирование некоторых вопросов границ французских владений (нынешних Алжира, Нигера и Чада) с одной стороны и границ англо-египетского Судана – с другой. По умолчанию это соглашение формировало южные пределы Ливии, так как создало рубеж, дальше которого власть Высокой Порты

¹⁴⁶ Англо-французское соглашение от 14 июня 1898 г. и англо-французское соглашение от 21 марта 1899 г.

простирались уже не могла. Англо-французское соглашение установило, что зоны влияния двух держав будут разграничены линией, идущей на юго-восток от точки пересечения 16:00 по Гринвичу и Тропика Козерога до 24:00 по Гринвичу. При этом карта к соглашению не прилагалась.

Но эти границы намечались только в самых общих чертах, они и по сей день не демаркированы на местности. Если же говорить о более точных границах, то, как правило, речь идет о наиболее развитых районах, прилегающих к морю. В то же время аппетиты Англии и Франции не ограничивались их текущими владениями, наоборот, Гадамес на границе с Алжиром и Тобрук вблизи Египта были потенциальными объектами их экспансии. При этом заинтересованность Италии в ливийских территориях признавалась европейскими государствами как законный фактор международной политики, который они готовы были учитывать в своей внешней политике. Примером служит франко-итальянское соглашение 1902 г., подписанное во время премьерства Джузеппе Дзанарделли¹⁴⁷. Соглашение проистекало из признания Францией того, что для Италии положение в Средиземноморье является, говоря словами французского посла в Риме, «краеугольным камнем» внешней политики и самым сложным вопросом между двумя государствами. В соглашении, к которому пришли две страны, Италия и Франция признавали интересы друг друга, соответственно, в Ливии и Марокко. Сам факт, что соглашение двух европейских стран затрагивало интересы двух суверенных государств – Марокко и Османской империи – был в те годы в порядке вещей. Также Италия признавала разграничительную линию, согласованную Францией и Англией 21 марта 1899 г. Таким образом, мы видим, что Италия не стеснялась выступать с протестами против посягательства европейских

¹⁴⁷ Франко-итальянское соглашение от 30 июня 1902 г. Соглашение было составлено в 1900 г., но подписано сторонами только два года спустя.

конкурентов на османскую территорию, рассматривая его как умаление своих будущих владений.

Италия объявила Османской империи войну в сентябре 1911 г., и уже год спустя Высокая Порта признала свое поражение. Результат войны положил начало новому, важнейшему этапу в истории Ливии как колонии европейской державы.

Завоевание Ливии Италией принципиально изменило ситуацию вокруг ливийских границ. В отличие от Османской империи, которая уделяла мало внимания своей африканской территории и тем более не стремилась глубоко проникать в Сахару, Италия претендовала на то, чтобы контролировать всю территорию Ливии, включая пустынные регионы Киренаики и Феццана.

Хотя «благородства» среди колониальных держав и не было, тем не менее, по негласным правилам, которых в те времена придерживалось большинство европейских стран, захват колониальных территорий не практиковался, по крайней мере, – без европейской войны. Так, мы можем отметить, что после завершения наполеоновских конфликтов и до Первой мировой войны нет ни одного примера насильственного захвата европейской страной колоний другой европейской страны, хотя имеются примеры продажи колоний. Таким образом, границы Ливии могли быть сформированы Италией исключительно мирными (по отношению к другим колониальным державам) методами.

К тому времени, когда ливийские территории (которые были организованы в две колонии – Триполитанию и Киренаику) были завоеваны Италией, их границы, как уже говорилось выше, были определены лишь на нескольких участках – вдоль границы с Тунисом (согласно турецко-французскому соглашению от 19 мая 1910 г.), начиная от Рас Аджедира и до того пункта, где пересекаются границы Алжира, Ливии и Туниса.

После завоевания Ливии Италия столкнулась с необходимостью фиксировать границы своей новой колонии, при этом стремясь к максимально выгодным для себя

условиям в тех регионах, где ливийская граница не была четко определена в османские времена. С этой точки зрения итальянскому правительству способствовали три основных фактора. Во-первых, то, что пустынные территории, на которые Италия потенциально могла претендовать, ценились не слишком высоко и не играли важной стратегической роли в расчетах стран, с которыми Италия вела о них диалог – Англии и Франции. Во-вторых, поскольку границы прежде не были как-либо оговорены, это упрощало их трактовку в пользу Италии, так как подобные уступки могли подаваться общественному мнению в Англии и Франции как простое уточнение границ, а не как утрата территорий. И, в-третьих, политическая конъюнктура приводила к тому, что Англия и Франция путем уступок стремились добиться ответных шагов со стороны Италии. В контексте маневрирования между Антантой и центральными державами это означало максимальную лояльность к колониальным требованиям Италии. Это привело к тому, что в Лондонском договоре 1915 года Англия и Франция обязались перед Италией, что, если после победы над Германией Италия не получит территориальных приобретений за счет немецких колоний, то Англия и Франция компенсируют это колониальными землями из числа собственных территорий. Забегая вперед, отметим, что в рамках этого договора часть Кении вдоль реки Джуба в 1924 г. вошла в состав Итальянского Сомали.

Фактический суверенитет Италии над Ливией (хотя османские власти, благодаря нескольким неоднозначным формулировкам в мирном договоре между Италией и Османской империей, продолжили декларировать свой суверенитет над Ливией) был установлен в конце 1912 г. Первоочередные мероприятия, которыми итальянское правительство было занято после завоевания новой колонии, не касались установления границ. Но уже в 1919 г. было подписано франко-итальянское соглашение, которое установило, что от Гаты, являющейся точкой пересечения границ Ливии, Туниса и Алжира, до Туммо граница следует по гребню

гор между ними, оставляя, однако, все пути коммуникации между двумя точками по итальянскую сторону границы. Далее она следует до пересечения границ Ливии, Нигера и Чада. Демаркация или даже приблизительная фиксация проведена не была, но в 1955 г. граница была подтверждена договором между Францией и уже суверенной Ливией. Таким образом была определена современная граница Ливии с Алжиром и Нигером.

Параллельно проходил процесс делимитации границ Ливии с Суданом. Ситуация с ними была тем более своеобразной, что, строго говоря, пока существовала Высокая Порты, граница не была международной, ведь Киренаика оставалась османской провинцией, а Египет и англо-египетский Судан признавали сюзеренитет султана. Так или иначе, с момента оформления англо-египетского кондоминиума над Суданом в 1898 г. граница между Суданом и Ливией являлась продолжением границы между Египтом и Суданом, оставляя, таким образом, так называемый Саррский треугольник, выступ в сторону центральной Ливии, по суданскую сторону границы. Южной границей Саррского треугольника считалась граница Судана с Французской экваториальной Африкой (нынешним Чадом), основанная на англо-французском соглашении от 21 марта 1899 г. При этом, исходя из собственной трактовки англо-французского соглашения от 21 марта 1899 г., Италия претендовала на Саррский треугольник как наследница прав Высокой Порты в отношении Киренаики. Вопрос являлся предметом дискуссии между Италией и Великобританией до 1934 г., когда между Италией, Великобританией и Египтом (впрочем, участие последнего было чистой формальностью, так как фактически Египет по-прежнему был протекторатом Великобритании¹⁴⁸) было заключено новое соглашение¹⁴⁹. Демаркация границы, насколько это оказалось

¹⁴⁸ Согласно англо-египетскому договору 1922 г. Египет находился под военной оккупацией, которая была прекращена, с некоторыми изъятиями, только в 1936 г.

¹⁴⁹ Соглашение между Италией, Великобританией и Египтом от 20 июля 1934 г. Оно заключалось в обмене нотами между послами Великобритании и Египта в Риме с одной стороны и Муссолини – с другой.

возможно в местных условиях, была проведена на месте представителями итальянских, египетских и английских властей. Благодаря этому соглашению граница итальянской Ливии продвинулась на юг и полностью заняла Саррский треугольник.

Граница между Ливией и Египтом получила определение в 1925 г. согласно итальянско-египетскому соглашению от 6 декабря. До этого граница приблизительно фиксировалась фирманом султана египетскому паше от 13 февраля 1841 года, согласно которому граница Египта с Киренаикой проходила где-то в районе залива Канаис, в районе современного поселения Фука, существенно восточней нынешней границы с Ливией, которая проходит немного западней Соллума. Итальянско-египетское соглашение (а фактически, конечно, итальянско-английское) зафиксировало границу в ее нынешнем положении.

Таким образом, благодаря франко-турецкому соглашению от 1910 г., франко-итальянским соглашениям от 1902 г. и 1919 гг., англо-итальянскому соглашению от 1934 г. и итальянско-египетскому соглашению от 1925 г., Ливия обрела те же границы, которые по сей день определяют ее территорию. Однако на этом история формирования ливийских границ не заканчивается. В 1935 г. было подписано соглашение, которое спустя долгие годы сыграло важную роль в жизни уже независимой Ливии. Речь идет о соглашении Лавалья-Муссолини. Формально по этому соглашению Франция выполняла свои обязательства перед Италией в рамках Лондонского договора 1915 г. Фактически речь шла в первую очередь об учете французским правительством ситуации, сложившейся в Европе после прихода гитлеровского режима.

После убийства Луи Барту, министра иностранных дел Франции, в 1934 г. его преемник Пьер Лаваль решил продолжить политику сдерживания Германии. Для этого ему необходимо было достичь понимания с Италией – страной, бывшей союзницей Франции и Великобритании в Первой мировой войне, но после войны

недовольной своими ограниченными (в итальянском понимании) приобретениями. Италия считалась ревизионистской державой, и благодаря этому, а также благодаря идеологической близости фашизма к нацизму, существовал риск сближения Германии и Италии, который мог бы легитимизировать внешнеполитические амбиции Гитлера и создать немецко-итальянский союз, ставящий под вопрос безопасность Франции как на севере, вдоль Рейна, так и на юге – в Средиземноморье.

Для минимизации подобного риска в январе 1935 г. Лаваль посетил Рим для обсуждения ряда вопросов с Муссолини. Перечень вопросов, затронутых на конференции, длившейся несколько дней, был широк¹⁵⁰, и из восьми документов, согласованных во время конференции, только четыре были затем опубликованы. Вопрос ливийской границы не был самым важным из того, что обсуждали Муссолини и Лаваль, глава фашистской Италии и будущий глава вишистской Франции. Самым важным для Муссолини достижением было то, что Лаваль неформально заявил о «незаинтересованности» Франции в эфиопских делах. Отметим, что до тех времен Франция из всех европейских держав имела наиболее близкие связи с Эфиопией – как наименее враждебная (в отличие от Италии), наименее агрессивная (в отличие от Великобритании) и, к тому же, через Джибути контролирующая единственную железнодорожную коммуникацию Эфиопии со внешним миром.

Готовность Лавалья умыть руки в отношении грядущей агрессии Италии дорогого стоила. После того как Франция приняла подобное решение, вероятность того, что Великобритания станет одна противостоять Италии, существенно снизилась. Также нельзя не указать на то, что итальянские приобретения на ливийско-суданском (Саррский треугольник) и ливийско-чадском пограничье

¹⁵⁰ Обсуждались вопросы независимости Австрии, референдума в Саарской области, колонистов-итальянцев в Тунисе и итальянской политики в Эфиопии, к которой Франция имела особое отношение благодаря франко-эфиопскому соглашению 1906 г.

(полоса Аузу) приближали Италию к Эфиопии, хотя между ними, конечно, по-прежнему находился англо-египетский Судан.

Итак, в том, что касается границ Ливии, Лаваль согласился передать Италии так называемую полосу Аузу – участок территории Французской Экваториальной Африки (ныне Чада) шириной около 100 м вдоль ее границы с Италией. Наравне с небольшой территориальной уступкой в Джибути Франция, таким образом, выполняла свои обязательства перед Италией в рамках Лондонского соглашения 1915 г. Однако процесс ратификации договора и утверждения новой границы так и не был доведен до конца. С итальянской стороны звучали утверждения о том, что переданные территории не компенсируют в достаточной степени жертв, понесенных ею во время Первой мировой войны. В целом же можно констатировать, что соглашение Лавалья-Муссолини провалилось потому, что прошли те годы, когда европейские государства с помощью линейки и карандаша могли решать судьбы Африки. Когда Италия напала на Эфиопию, она напала уже на полноправного, хотя бы номинально, члена международного сообщества. Эфиопия была представлена послами в европейских странах, император Эфиопии заключал с европейскими державами договоры (в том числе договор о дружбе и сотрудничестве с Италией от 1925 г.), Эфиопия была членом Лиги Наций, как и Италия.

После начала итальянской агрессии правительства Великобритании и Франции обнаружили, что они уже не могут умиротворять Италию, потворствуя ее агрессии, поскольку это противоречит общественному настроению в их странах и не вписывается в систему международных отношений, которая начала складываться после Первой мировой войны. Соглашение Лавалья-Муссолини осталось только на бумаге. Однако это не остановило Италию в ее территориальных претензиях. В архивах Министерства итальянской Африки сохранились документы, свидетельствующие о том, что и после провала соглашения Лавалья-Муссолини

итальянские власти в Триполи по-прежнему стремились к установлению более южных рубежей для своей колонии. В частности, в письме Итало Бальбо, генерал-губернатора Ливии, в Министерство итальянской Африки от 30 декабря 1938 г. говорится, что суверенитет Италии на территориях, которые подпадали под соглашение Лавалья-Муссолини, «должен быть активнее чем когда-либо подтвержден в защиту наших заранее возникших ливийских прав¹⁵¹». В тот момент речь шла о направлении географических экспедиций, часто сопровождаемых вооруженными конвоями, в данный район, с целью сбора точных геофизических данных и демонстрации итальянского флага. Более конкретное развитие эта политика получила уже после вступления Италии в войну, когда она предприняла безуспешную попытку реализовать свою мечту о новой Римской империи в Африке.

Таким образом, к середине 1930-х оформились границы итальянской колонии в Ливии и были созданы предпосылки для будущих территориальных претензий к южному соседу. В целом границы итальянской Ливии основывались на тех фактических границах, которыми обладали ливийские территории Высокой Порты, но отражали также и реалии европейской политики периода, начавшегося с Первой мировой войны и завершившегося Второй мировой войной. Все возрастающие территориальные требования Муссолини вели к политике умиротворения Италии. Попытки Великобритании и Франции воздействовать на Италию небольшими подачками в конечном итоге не смогли удовлетворить Рим, но достигшая своего апогея в 1934 г. политика умиротворения в конце дала Ливии ее современные границы.

¹⁵¹ Генерал-губернатор имеет в виду, что власть Высокой Порты якобы простиралась южнее, и Италия как ее правопреемница могла претендовать на часть Французской Экваториальной Африки.

ГЛАВА III. ЛИВИЯ – ЧЕТВЕРТЫЙ БЕРЕГ ИТАЛИИ

Казнь Омара аль-Мухтара была, как казалось тогда, заключительным этапом покорения Ливии, после которого больше не могло быть и речи о серьезном, организованном сопротивлении ливийцев итальянской власти. Омар аль-Мухтар олицетворял политическую лояльность бедуинов тарикату сенуситов, и, хотя после его гибели лояльность бедуинов не перешла к итальянскому государству, тем не менее на территории Ливии не осталось никакой иной политической силы, кроме итальянского государства. Несколько позже, 24 января 1932 г., Пьетро Бадольо, чьими кровавыми усилиями был достигнут новый «мир», объявил, что сопротивление окончательно подавлено: «Объявляю, что восстание в Киренаике полностью и окончательно пресечено... Впервые, через двадцать лет после того, как мы прибыли в эти земли, обе колонии полностью заняты и умиротворены»¹⁵².

Для итальянцев сложившаяся политическая ситуация имела два долгосрочных последствия. В мирное время они могли править Ливией невзирая на мнение местных жителей. В военное время, как стало известно впоследствии, у них не было возможности опереться на какую-либо организованную силу внутри страны, в то время как противники Италии (в данном случае Великобритания) могли найти среди бедуинов оставшихся сторонников сенуситского тариката. Для самих бедуинов разрушение сенуситского тариката означало утрату той организации, которая на протяжении нескольких десятков лет выполняла все основные необходимые бедуинам функции государства. Разрушение тариката в этом смысле означало не только материальное, но и духовное обнищание бедуинов. В политическом смысле Ливия наконец предстала перед Италией той самой *tabula rasa*, которой итальянцы всегда ее считали. Фашистский режим смог наконец начать проводить в жизнь свои планы по переустройству Ливии.

¹⁵² Цит. по: Labanca N. *La Guerra Italiana per la Libia*. Bologna: Il Mulino, 2012. P. 173.

В период с 1936 по 1942 г. Италия потратила две трети своих инвестиций в Ливию на мелиорацию и развитие сельского хозяйства в ожидании дальнейшей колонизации. За исключением нескольких крупных поместий в Триполитании, подавляющее большинство итальянских поселенцев составляли бедные, безземельные крестьяне и городской пролетариат, который был привлечен возможностью приобретения собственных ферм, которые итальянское государство обязалось субсидировать на протяжении первых 20 лет. К 1940 г. в оборот были введены 225 000 га сельскохозяйственных угодий и в страну прибыли 110 тыс. итальянских поселенцев, которые поселились в основном в городах, но также и в сельской местности.

Приведем мнение Э.О. Фенци, принимавшего непосредственное участие в колонизации Ливии, изложенное в его статье «Начало садоводства в Триполитании». «Прошло 10 лет с момента нашей оккупации, и можно сказать, что сделано мало. Вообще, после падения первого энтузиазма, после сожалений о первых иллюзиях итальянская общественность основательно забыла Ливию... Но те, кто остался в Триполи и держал глаза открытыми и уши востро, хоть и не успели многое сделать, но смогли многому научиться... Между морем и горами, от Букамеза до Сирты, находятся тысячи и тысячи квадратных километров засушливой степи, ныне совершенно непродуктивных, но 20 веков назад культивируемых римлянами...»¹⁵³

Это было достаточно характерным мнением итальянца, оценивающего положение дел в новейшей итальянской колонии в тот момент, когда гул Первой мировой войны уже затих и можно было начинать планировать дальнейшее развитие Ливии. Большинство источников говорит о возможностях, которые Ливия предоставляет переселенцам, подразумевая под таковыми исключительно крестьян.

¹⁵³ Fenzi. E.O. Preludi di Frutticoltura a Tripoli. L' Agricoltura Coloniale. 1923. № 2. P. 54.

3.1. Правовой статус ливийцев

Итальянское владычество в Ливии не было продолжительным: оно длилось с 1911 г., когда Италия объявила войну Османской империи, до 1943 г., когда британские войска во время Второй мировой войны выгнали из Ливии итальянцев и их немецких союзников. Таким образом, в качестве итальянской колонии Ливия просуществовала только 32 года – время, за которое сменилось всего одно поколение.

За это непродолжительное время итальянская политика в отношении ее североафриканских приобретений неоднократно менялась – в зависимости от различных факторов, как внешних, так и внутренних. В рамках общей переменчивой политики Италии менялись и законы в отношении гражданства коренного населения Ливии – арабов и небольшой общины евреев в приморских городах.

Одновременно с завоеванием Ливии Италия приступила к процессу ее колонизации, что включало в себя такие меры, как создание итальянского государственного аппарата, распространение его власти на территорию всей страны, заселение Ливии итальянцами и создание современной экономики для эксплуатации ее ресурсов. Следует указать, что тогда нефтяные запасы еще не были разведаны, поэтому Ливия представлялась бедной ресурсами страной.

При этом важно отметить, что данный процесс отличался от колониационных проектов других европейских держав в нескольких ключевых аспектах. Во-первых, Ливия была достаточно густо заселена, что исключало игнорирование существования коренного населения, как это было, скажем, с метисами и индейцами в западной Канаде. Арабы и иные группы населения¹⁵⁴

¹⁵⁴ Подавляющее большинство ливийского населения состояло из арабов, но в стране также проживало некоторое количество евреев и берберов. К началу итальянской колонизации количество евреев в Ливии составляло около 21 тыс. (Ист.: De Felice R. *Jews in an Arab Land: Libya 1835–1970*. Austin: University of Texas Press).

Ливии обладали собственной древней культурой, языком и верой, что исключало их ассимиляцию итальянцами. Во-вторых, арабы не являлись группой племен, слабо связанных между собою (как это было, к примеру, на острове Папуа или во многих европейских колониях Черной Африки). При том, что в ходе восстания арабы Ливии часто не проявляли должной степени национального единства, тем не менее они были сплочены как мусульмане против иноверных захватчиков и даже привлекали к своей борьбе единоверцев из-за рубежа. Другим важным отличием от классической схемы колонизации было то, что итальянское вторжение происходило тогда, когда оправдание колониализма в глазах самих европейцев становилось все более сложным. С самого начала ливийской авантюры в Италии и других странах Европы звучали протесты против происходящего, чего нельзя было сказать про колониальную экспансию европейских держав в XVIII или XIX веках. При всем этом Италия, особенно после установления в Риме фашистского режима, была менее всего склонна учитывать то, что сейчас называется правами человека. Третьей важной особенностью итальянского колониального эксперимента было то, что, в отличие от большинства европейских колониальных держав, итальянская колониальная империя не практиковала так называемые научные формы расизма. Это не значит, что в своем повседневном общении с арабским населением итальянские колониальные власти и рядовые итальянские колонисты не относились к арабам с тем же предубеждением, которое было характерно практически для всех народов Европы тех времен в отношении населения колоний. И, безусловно, никакое отсутствие официальных расистских прокламаций со стороны итальянского государства не отменяет того, что на протяжении долгого времени итальянское государство методично уничтожало десятки тысяч арабов. Подсчитано, что во время самой ожесточенной фазы конфликта, в 1929–1931 гг. 85–100 тыс.

арабов, преимущественно в регионе Киренаики, были насильственно переселены в концентрационные лагеря, из которых не более 35 тыс. выжило к 1933 г.¹⁵⁵

Но тем не менее официальная Италия на протяжении многих лет не провозглашала примата расовых групп. Наоборот, с момента своего прихода к власти и до второй половины 1930-х гг. фашистский режим Муссолини провозглашал, что все народы Средиземноморья составляют культурное единство, которое, как гласила фашистская теория, должно быть объединено под властью новой Римской империи. Можно отметить влияние таких именитых итальянских ученых как социолог Коррадо Джини, который отрицал распространенную тогда в Европе точку зрения, что люди смешанного этнического происхождения являются неполноценными¹⁵⁶ Однако растущее влияние немецкого нацизма и расовых идеологов внутри самой Италии привели к введению в 1937–1939 гг. так называемых законов о защите расы. Хотя эти законы были направлены в первую очередь против евреев Италии, они оказали определенное влияние и на население Ливии.

Первыми законами, фундаментально определявшими политику Италии в отношении населения ее новейшей колонии, были королевские указы № 931 от 1 июня 1919 г. и № 2401 от 31 октября 1919 г., которые относились, соответственно, к правам коренного населения Триполитании и Киренаики. Следует отметить, что данные указы были частью итальянской «либеральной» политики умиротворения ливийского населения, необходимым следствием поражений, которые итальянцы потерпели от ливийского сопротивления в течение 1914–1919 гг. О том, что речь идет именно о вынужденных мерах, обусловленных итальянскими неудачами на поле боя, можно судить по тому, что в Эритрее и Итальянском Сомали аналогичные законы не вводились. Новая политика предусматривала создание в каждой из

¹⁵⁵ Holmboe K. *Desert Encounter*. London: George Harrap, 1936. P. 137.

¹⁵⁶ Podesta G-L. Colonists and “Demographic” Colonists. Family and Society in Italian Africa // *Annales de Demographie Historique*. 2011. Vol. 122. № 2. P. 205–211.

ливийских провинций парламентов, в которых помимо итальянцев должны были быть представлены также и ливийцы. Таким образом, можно сказать, что данные указы появились в качестве политического ответа на военную необходимость. Законы 1919 г. предусматривали для ливийцев два возможных вида подданства. Первым было так называемое «колониальное гражданство», которое давало жителям Ливии ограниченные политические права, необходимые для того, чтобы колониальные парламенты и политика умиротворения в целом не были полной профанацией. Другим видом подданства, приобретаемым через культурную ассимиляцию, было полноценное итальянское гражданство. Интересно, что законы предусматривали равенство «колониальных» и «итальянских» граждан перед законом, – условие, которое в дальнейшем чаще нарушалось, чем соблюдалось.

Хотя было бы неверно считать, что вся последующая итальянская политика в отношении ливийцев всецело вытекала из законов 1919 г., тем не менее можно сказать, что итальянские власти в своем отношении к ливийцам так и не разрешили противоречие, которое было заложено в этих законах – следует ли им относиться к ливийцам как к равным.

Относительно либеральный режим 1919 г. ненадолго пережил падение либерального строя в Италии. В 1927 г. фашистское правительство страны издало новое законодательство ¹⁵⁷, которое упразднило колониальные парламенты Триполитании и Киренаики и отменило равенство «итальянских» и «колониальных» граждан. Отныне «колониальные» граждане Италии были равны между собой, но их права отличались от прав, которыми обладали граждане итальянской метрополии. Хотя, конечно, при фашистской диктатуре само понятие гражданских прав весьма условно, тем не менее законы 1927 г. весьма наглядно дали понять, на какое место коренные жители Ливии могут претендовать в новой «Римской империи», о которой мечтал Муссолини. Эта мера, очевидно, была

¹⁵⁷ La legge del 26 giugno 1927 № 1013.

направлена на то, чтобы подчеркнуть «второсортность» коренных ливийцев по сравнению с итальянцами, живущими в Ливии. Следует отметить, что, хотя ливийское коренное население и было таким образом понижено в статусе, оно все же не было низведено до статуса колониальных подданных (*sudditi coloniali*), как было принято в других итальянских колониях. По своему положению ливийцы больше всего напоминали греческое население Додеканесского архипелага, которое также не получило итальянского гражданства, но имело особый статус, несомненно более высокий, чем у эритрейцев и сомалийцев. Впрочем, даже в положении додеканесских греков и ливийцев была разница, и не в пользу вторых: многие итальянские правоведы считали, что додеканесские греки по факту обладают полноценным итальянским гражданством, в то время как ливийцы, очевидно, нет¹⁵⁸.

Интересно отметить, что градация существовала также и в среде самих итальянцев, хотя конечно она осуществлялась исключительно в форме социальной дискриминации. Так, согласно воспоминаниям дочери итальянского врача, проживавшего в Бенгази и занимавшего в местном обществе достаточно высокий статус, даже в церкви, итальянцы сидели в определенном порядке – сицилийцы и итальянцы из Туниса занимали наиболее отдаленные места, затем приближаясь к алтарю появлялись мелкие торговцы и чиновники, далее врачи и преподаватели и наконец, высшие чиновники и военные офицеры¹⁵⁹.

Как по законам 1919 г., так и по законам 1927 г. ливийцы сохраняли свои имущественные права, могли свободно исповедовать ислам (итальянские фашисты часто позиционировали себя как происламское или, по крайней мере, про

¹⁵⁸ Borsi U. Cittadinanza e sudditanza coloniale nell'ordinamento odierno (цит. по: Atti del terzo congresso di studi coloniali. 12–17 aprile 1937, Firenze. II sezione (Giuridica). Firenze: Sansoni, 1937. Vol. III. P. 59. Подробное рассмотрение данного вопроса выходит за рамки данного исследования, но после 1934 года, когда додеканесским грекам было предоставлено право получить полноценное итальянское гражданство за военную службу, ни о каком равенстве в статусе ливийцев и додеканесских греков говорить не приходится.

¹⁵⁹ Vino M. La vita coloniale nella “Quarta Sponda”; la società libica nel contesto imperiale fascista (1921–1940). 2019. P. 77.

мусульманское движение) и сохраняли свое семейное право, в том числе на многоженство. Впрочем, как уже упоминалось выше, то, что в фашистском государстве говорится о правах на бумаге, может сильно отличаться от того, что происходит на самом деле. Имущественные права ливийцев нарушались сплошь и рядом тем самым итальянским правительством, которое обещало их соблюдать. Первой силой, которая двигала Италией в ее колониационных войнах, была необходимость найти решение аграрно-демографического вопроса – устранить переизбыток сельского населения, преимущественно на юге страны. Ежегодно сотни тысяч итальянцев покидали родину, переселяясь преимущественно в страны Южной и Северной Америки – Аргентину, Бразилию и США. Ранее ни Эритрея, ни тем более Итальянское Сомали не привлекали итальянских крестьян в качестве перспективных для заселения районов, но правительство Италии надеялось, что географически близкая к Италии Ливия окажется в этом плане перспективной. Безусловно, сельскохозяйственная колонизация Ливии итальянскими крестьянами не могла не подразумевать нарушения имущественных прав местного населения: в Ливии, как в стране давно заселенной, не было свободных земельных участков, пригодных для культивации. Ранее, до завоевания, итальянская колонизация была незначительной и основывалась на коммерческих, добровольных процессах продажи земли частными собственниками. После завоевания Ливии итальянские власти принялись форсировать процесс заселения ее земель итальянскими крестьянами. Для ускорения процесса приобретения ливийской земли итальянцами власти применили все классические методы. Первым шагом, согласно королевскому декрету № 1099 от 2 сентября 1913 г.¹⁶⁰, стало принудительное отчуждение сельскохозяйственных земель. Формальные приличия – такие как оценка отчуждаемой земли и выплата компенсации – при этом соблюдались, однако часто оценка была ложной и собственникам доставалась лишь небольшая часть

¹⁶⁰ Прошин Н.И. История Ливии. Конец XIX в. – 1969 г. М: Наука, 1975. С. 172.

подлинной стоимости земли. На эти земли затем планировалось заселять итальянских колонистов.

С приходом к власти в Риме фашистов попытки колонизации стали еще более энергичными. Губернатор Триполитании Д. Вольпи издал 18 июля 1922 г. декрет, согласно которому вся земля объявлялась государственной собственностью, за исключением тех случаев, когда частное право собственности могло быть установлено на основании документов. В стране, где многие жили, основываясь на обычном праве, или просто не имели документов в силу неорганизованности османской администрации, такое требование было очевидно и объективно направленным против интересов местного населения.

Последовавшие декреты от 26 января 1923 г., 10 февраля 1923 г. и 15 ноября 1923 г. накладывали на местное население дополнительные ограничения с целью передачи наибольшего количества земель в руки колонистов. Так, запрещались сделки, касавшиеся степных наделов, если их владельцы не были установлены земельной регистрацией, департамент колонизации наделялся правом обращаться в земельную регистрацию с ходатайством узаконить право на владение любым пригодным для колонизации участком, и наконец, губернатор наделялся правом конфисковать любой участок земли, если на нем не было насаждений фруктовых деревьев или если земля не использовалась рационально в течение трех лет.

Путем такого «нормотворчества» к 1940 г. итальянское правительство приобрело в Ливии около 500 тыс. га земли. К этому времени туда перебравшись свыше 110 тыс. колонистов, из которых около 24 тыс. занялись сельским хозяйством. С итальянской стороны колонизационные усилия предпринимались тремя организациями – ЭНТЕ («Национальное объединение по устройству колонистов»), ИНПС («Национальный институт по социальному призрению» – существует и поныне) и АТИ («Итальянская табачная плантация»), которые снабжали колонистов инвентарем и средствами для начала их «дела». Итальянский

командующий, маршал П. Бадольо, писал в «Нуова Антология»¹⁶¹ 1 ноября 1938 г.: «Наш поход не прекратится до тех пор, пока компактная масса итальянских крестьян не займет абсолютно каждый, пусть даже самый маленький, клочок этой ливийской земли... Заселить Ливию итальянцами – вот приказ дуче»¹⁶².

Противоречивость итальянской колониальной политики сохранилась и в 1930-х гг., которые были периодом «расцвета» итальянской Ливии, где сопротивление местного населения было подавлено силой итальянского оружия и куда колонисты и капиталы из Италии потекли если не рекой, то хотя бы более широким ручьем. На протяжении этого периода итальянские власти продолжили попытки повысить лояльность местного населения, сохраняя при этом его «второсортный» политический и гражданский статус. Это вытекало из коренного противоречия фашистской политики: строить расово чистое государство либо возрождать Римскую империю, где гражданство и даже самые высокие должности в государстве могли стать достоянием выходца из любой провинции империи (достаточно вспомнить императоров Филиппа Араба или Септимия Севера). Является ли Италия цивилизатором арабского населения, которое, став «цивилизованным», приобретет равные права с гражданами метрополии, либо же коренное население будет уничтожено для того, чтобы его место могли занять итальянцы-колонисты?

Один из законодательных проектов (в данном случае предложенный генерал-губернатором Ливии Итало Бальбо), который рассматривался в 1935 г. и впоследствии в своем изначальном варианте предполагал, что ливиец может стать полноправным гражданином Италии по решению генерал-губернатора (то есть самого Итало Бальбо), если соответствует определенным требованиям – таким как

¹⁶¹ Журнал «Нуова Антология», основанный в 1866 г., в фашистские времена был превращен в рупор Королевской итальянской академии, которая, в свою очередь, была основана фашистским правительством Италии в 1926 г. Редактором журнала в 1932–1943 гг. был Луиджи Федерцони, журналист, фашист, бывший дважды (в 1922–1924 и 1926–1928 гг.) министром колоний Италии.

¹⁶² Gray J.C., Silverman L. The Fate of Italy's Colonies. London, 1948. P. 56.

моногамность, использование итальянского языка в повседневном быту и отсутствие судимостей. Хотя данный закон не требовал отказа от ислама, фактически он мог быть применен только к той крайне немногочисленной части ливийского населения, которая утратила всякую связь с соотечественниками. Помимо того, отсутствие судимостей гарантировало, что право обратиться за гражданством смогут получить только ливийцы, не замеченные в противостоянии колониальным властям: итальянцы считали всякий акт сопротивления их режиму уголовным преступлением. Впрочем, даже такой законопроект был чересчур радикальным для итальянских властей. После нескольких этапов правок, на каждом из которых доступ ливийцев к итальянскому гражданству последовательно усложнялся, в 1937 г. принятие законопроекта было отложено.

Вместо этого 9 января 1939 г. был введен закон № 70, который создал дополнительную категорию ливийцев с новым статусом «особых итальянских граждан». Основным их отличием от созданной в 1927 г. категории «ливийских итальянских граждан» было то, что новая категория имела право служить в вооруженных силах, в то время как «ливийские итальянские граждане» этого права, наоборот, лишались. Кроме того, «особые итальянские граждане» приобретали право вступать в Мусульманскую ассоциацию Приморья¹⁶³ (Приморьем итальянцы иногда называли 4 ливийские провинции – Триполи, Дерна, Мисурата и Бенгази, на которые распространялось действие данного закона, в отличие от южной части Ливии – Южной военной территории, которая контролировалась непосредственно военным ведомством), право занимать должность подесты¹⁶⁴ в общинах, заселенных исключительно ливийцами, а также право занимать некоторые должности в экономических органах фашистского государства – профсоюзах, Корпоративном комитете Ливии¹⁶⁵ и Провинциальных советах корпоративной

¹⁶³ Associazione musulmana dell’Littorio.

¹⁶⁴ Главы местной администрации.

¹⁶⁵ Comitato corporativo della Libia.

экономики¹⁶⁶. Нельзя сказать, что этот закон был принят населением Ливии с большим энтузиазмом. Всего, по состоянию на 22 октября 1940 г., им воспользовались 2500 человек¹⁶⁷. При этом ни на территории метрополии, ни даже на территории четырех приморских провинций Ливии «особые итальянские граждане» не пользовались равными правами с итальянцами.

Все законодательные меры, упомянутые выше, делили ливийцев в зависимости от уровня их соответствия европейским критериям цивилизованности. В этом смысле они фундаментально не отличаются от тех законов, которые регулировали права коренного населения в британских и французских колониях. В большинстве случаев некая часть коренного населения в ограниченной степени допускалась к участию в государственном управлении колонией в зависимости от уровня соответствия критериям цивилизованности, установленным колонизаторами. Благодаря этому в парламенте Франции можно было увидеть темнокожих граждан, представляющих колонии, и в законодательных собраниях британских колоний также принимало участие некоторое количество представителей коренного населения. При этом равенство коренного населения и колонизаторов оставалось сугубо теоретическим – угрожать верховенству колониальных держав такие небольшие поправки не могли. Однако в конце 1930-х гг. итальянское государство решило пойти дальше и издало законы, которые уже напрямую говорили о расовой неполноценности его колониальных подданных.

Достаточно длительное время, примерно первые 15 лет своего правления (1922–1937 гг.), фашистский режим в Ливии не признавал так называемого научного расизма, который получил широкое распространение в Северной Европе и лег в основу идеологии нацистской Германии, и не оказывал ему поддержки. Более того,

¹⁶⁶ Consiglio provincial dell'economia corporativa.

¹⁶⁷ Данные приведены в меморандуме Родольфо Грациани (Graziani R. Pro memoria del Maresciallo d'Italia. Cirene. il 22 ottobre 1940. A.S.M.A.I. Cittadinanza italiana speciale ai musulmani libici 1938–1943. Affari Politici. Elenco III. C. 91. Fasc. 292).

примерно до 1936 г. противоречия между фашистской Италией и нацистской Германией были столь велики, что существовал серьезный риск конфронтации между ними. Однако по мере того, как Италия начала сближаться с Германией, итальянские власти также начали вводить расовые законы в своей стране и колониальных владениях. История этого этапа в истории Италии выходит за рамки данного исследования, поскольку большая часть расовых законов, принятых в Италии начиная с 1938 г., была направлена против итальянских евреев. Тем не менее следует отметить, что одним из первых расовых законов был королевский указ № 880 от 19 апреля 1937 г. «Об отношениях супружеского вида между гражданами и подданными», который запрещал какие-либо половые отношения (включая брачные) между итальянскими гражданами и подданными их итальянских колоний¹⁶⁸. Гражданам Италии нарушение закона грозило тюремным заключением на срок от 1 до 5 лет. Хотя едва ли можно предположить, что сам факт введения таких ограничений оказал существенное влияние на жизнь ливийцев, этим законом Италия четко указывала на то, что считает коренное население своих колоний неполноценным, а близкий контакт с ним – опасным для итальянского государства и народа.

Таким образом, к 1940 г. итальянское законодательство о гражданстве и подданстве коренного населения Ливии прошло интенсивный и противоречивый путь развития. На различных этапах итальянские власти вели политику, направленную на умиротворение ливийского населения и на его подавление, выступали в качестве защитников ливийцев и строили планы их замещения итальянскими колонистами. Умиротворение ливийцев было необходимостью, вызванной военным поражением итальянских войск в 1914–1919 гг., когда повстанцы контролировали большую часть Киренаики и Триполитании. При этом

¹⁶⁸ Archivio della Camera dei Deputati. Vol. 1354. P. 506–521.

следует понимать, что даже декларированные в 1919 г. права были ограниченными и большей частью оставались на бумаге.

После того как к власти в Риме пришло фашистское правительство, оно постепенно отвоевало контроль над Ливией и лишило ливийцев значительной части даже тех ограниченных гражданских прав, которыми они были наделены прежде. Вместе с тем, фашистское правительство не оставляло попыток заигрывать с коренным населением Ливии и периодически издавало акты, которые расширяли права небольшой приближенной к итальянцам категории ливийского населения. В то же время к концу 1930-х Италия пошла по пути своего немецкого союзника и стала воплощать в своем государственном строительстве принципы расизма. Поражение во Второй мировой войне не дало Италии развить эти принципы в Ливии глубже.

3.2. Колониализм и итальянские колониальные институты

В своей пропаганде фашистский режим неоднократно утверждал, что итальянский колониализм отличается от колониализма вообще тем, что является «колониализмом рабочих» и «империей труда». В этом утверждении отражалась не только общая для всех колонизирующих стран Европы демагогия (так о себе говорили и британцы, и португальцы), но и дань той систематической пропаганде, которая проводилась в Италии еще с тех ранних лет, когда в 1880-х она приступила к формированию своих колониальных владений. Сторонники итальянского колониализма утверждали, что приобретение колоний даст возможность итальянским крестьянам, которые покидают свою страну в поисках земли и работы, селиться в краях, которые для них не будут чужими и в которых они не перестанут быть итальянцами (насколько это соображение было важным для самих эмигрантов, а не для буржуазных читателей газет и книг, агитирующих за колонии, неизвестно). Итальянское государство активно предпринимало попытки способствовать

заселению Ливии итальянцами. Были даже созданы государственные «Учреждения для колонизации» (*Ente per colonizzazione*) – сначала в Киренаике, затем, год спустя, в Триполитании.

Учрежденная в 1932 г. *Ente per la colonizzazione della Cirenaica* (далее – ЕСС)¹⁶⁹ была создана с целью практической реализации программы заселения Ливии итальянскими крестьянами. ЕСС была сформирована через год после казни Омара аль-Мухтара, когда Киренаика стала наконец достаточно умиротворенной для того, чтобы приступить к ее заселению.

Земельные угодья, которыми обладала ЕСС, – это были преимущественно земли, конфискованные у восставших племен. Сама ЕСС находилась под кураторством Комиссариата по переселению и внутренней колонизации (*Commissariato per le migrazioni e la colonizzazione interna* – СМСИ) и Министерства колоний.

СМСИ должен был проводить отбор будущих колонистов, в то время как ЕСС осуществляла непосредственное руководство на местах. Крестьяне должны были отработать предоставляемые им инструменты и скот. Предпочтение отдавали в основном молодым и активным переселенцам. При этом против тех, кто оказался нерадивым или недостаточно компетентным, могли применяться санкции, вплоть до штрафа и выселения из колонии обратно в Италию¹⁷⁰. Такая строгость была отчасти данью необходимости – иначе сложно заселить недавно покоренную страну, но также отражала военный менталитет итальянского руководства в Ливии. Как несколькими годами позже сказал генерал-губернатор Ливии Итало Бальбо, колонисты были не просто колонистами, а «солдатами в великой битве, которые должны нести жертвы с бодрым настроением¹⁷¹». Впоследствии, впрочем,

¹⁶⁹ Decreto regio. 11.06.1932. № 696.

¹⁷⁰ Statuto dell'Ente per la colonizzazione della Cirenaica. Articolo 7. P. 5598 // Gazzetta Ufficiale. 16.12.1932. № 289.

¹⁷¹ Цит. по: Cresti F. Oasi di italianità: La Libia della colonizzazione agraria tra fascismo, guerra e indipendenza (1935–1956). P. 73. Società editrice internazionale.

колониальным властям пришлось дать колонистам несколько послаблений и снять столь нехарактерные для итальянцев ограничения – разрешить танцы, игры в карты и прочие развлечения в свободное от работы время¹⁷².

Первым руководителем ЕСС по техническим вопросам был Антонио де Бенедиктис, который с 1920 г. возглавлял в Эритрее колониальную сельскохозяйственную службу. Строительство первых домов следовало начать максимально оперативно, поскольку первые колонисты должны были прибыть на новое место жительства меньше, чем через полгода после учреждения самой ЕСС¹⁷³.

В качестве первопроходцев, первых колонистов были выбраны 50 семейств из провинции Бари в регионе Апулия, поскольку «там ... условия, максимально приближенные к тем, которые мы можем найти в Киренаике¹⁷⁴». Первое поселение начали строить вблизи города Барка (так его переименовали итальянцы, используя название римских времен, арабское же название – al Marj (аль-Мардж)). Земли, на которых велось строительство, прежде принадлежали сенуситам и назывались Завийя аль-Байда (Zawiya al-Bayda). Местность находилась в Джебель Ахдар (Зеленых горах), на высоте 600 м над уровнем моря, и обладала достаточным количеством воды. К марту 1933 г. были построены первые 30 домов и началось планирование еще 120 домов.

Кроме того, уже в первой половине 1933 г. реализовывался проект строительства второй деревни, на первом этапе – на 80 семейств, в местности аль-Абрак (al-Abraq). При строительстве отдельные хозяйства старались не изолировать друг от друга, а наоборот, объединять их в группы не меньше 4 – так выходило

¹⁷² Ibid.

¹⁷³ Ahmida A.A. State and class formation and collaboration in Colonial Libya. Italian Colonialism. Palgrave MacMillan, 2005. P. 75.

¹⁷⁴ AECL Verbali di Consiglio di Amministrazione. № 1. 03.09.1937.

дешевле и безопаснее¹⁷⁵. Как уже говорилось, колонисты должны были вернуть государству средства, потраченные им на скот и инвентарь. Кроме того, сама ЕСС в условиях Великой Депрессии не могла похвастаться богатством.

Процесс сельскохозяйственной колонизации был многоплановым: ЕСС не только участвовала в расселении крестьян, но также создавала иные объекты сельскохозяйственной инфраструктуры, такие, как племенная овцеферма в регионе Такнис (Taknis), которая должна была составить основу будущего овцеводства в Киренаике. Уже в мае 1933 г. первые несколько крестьянских семей, которые занялись овцеводством, прибыли в Киренаику из Аффиле¹⁷⁶.

Поскольку колонизация предполагала не только замещение аборигенов итальянцами, но и стирание памяти о коренном населении, то новым итальянским поселениям, взамен старых арабских, дали новые итальянские имена: Завийя аль-Байда была переименована в Беда Литтория (Beda Littoria), а аль-Абрак – в Примавера (Primavera). Следующие два объекта, заселенные итальянцами, – Гайн-Месса ('Ain Messa) и Завийя ат-Терт (Zawiya al-Tert) – были, согласно указаниям Муссолини, переименованы в Луиджи ди Савойя (Luigi di Savoia) и Джованни Берта (Giovanni Berta), соответственно¹⁷⁷.

В дальнейшем практика замены географических имен с арабских на итальянские приобретет особый оттенок: населенным пунктам будут даваться названия, отражающие наследие римской эпохи и таким образом «подтверждающие» право собственности на эту территорию самопровозглашенной наследницы имперского Рима.

Согласно отчету, подготовленному главой ЕСС для Муссолини, в течение первых двенадцати месяцев работы ЕСС (с марта 1933 г. по март 1934 г.) на

¹⁷⁵ Ahmida A.A. State and class formation and collaboration in Colonial Libya. Italian Colonialism. Palgrave MacMillan, 2005. P. 76.

¹⁷⁶ Ibid.

¹⁷⁷ Ibid.

территорию Киренаики усилиями «Учреждения» прибыли и расселились в сельской местности 154 семьи колонистов – 1048 человек¹⁷⁸. Кроме того, 249 глав семейств подготавливали фермы к заселению в будущем году. В ожидании идеологов колонизации действительно оправдались: итальянские крестьяне хорошо чувствовали себя в знакомом им средиземноморском климате Джебель Ахдар и не страдали от каких-либо болезней¹⁷⁹.

ЕСС отчиталось не только о количестве заселенных колонистов, но и о количестве работников, которых привлекло ЕСС. Интересно отметить, что на ЕСС трудились не только итальянцы, но и ливийцы – так, в полевых и строительных работах было задействовано 340 итальянцев и около 700 арабов¹⁸⁰. Поскольку данная фаза итальянской колонизации продолжалась всего несколько лет и со вступлением Италии в войну практически прекратилась, мы можем лишь догадываться, насколько Италии удалось бы реализовать свою мечту о создании итальянской по демографическому составу колонии, привлекая к работе в два раза больше арабов, чем итальянцев. Нельзя не провести аналогию с другой страной – ЮАР, где также считали, что их страна «белая», но при этом испытывали потребность в привлечении превосходящего количества «черных» рабочих рук. Населения Италии и ее демографического потенциала в сопоставлении с арабским населением Киренаики было, безусловно, достаточно для того, чтобы итальянцы полностью заселили Киренаику, но сложно представить реализацию такого масштабного проекта столь медленными темпами. Даже при учете естественного прироста сложно представить, что при темпе колонизации, заданном в первые двенадцать месяцев деятельности ЕСС, итальянское сельское население Ливии к 1943 г. превысило бы 20 тыс. человек.

¹⁷⁸ AECL, cartella 43, fascicolo 3, Relazionioni Al Capo del Governo, 24.03.1934.

¹⁷⁹ Massara G. Relazione sulle condizioni igienico-sanitarie dei nuovi village rurali dell'Ente di colonizzazione (без даты, лето 1934 г.) // AECL, cartella 42, fascicolo 1, sottofascicolo 3.

¹⁸⁰ Ibid.

Несмотря на это, деятельность ЕСС была одобрена на самом высоком уровне, и в октябре 1934 г. мандат ЕСС был распространен также на Триполитанию¹⁸¹. ЕСС была переименована в «Учреждение по колонизации Триполитании и Киренаики» (Ente per la Colonizzazione della Tripolitania e della Cirenaica – ЕСТС)¹⁸².

Однако и тут характерная для фашистского режима административная междоусобица дала о себе знать: в колонизации Ливии пожелал принять участие также Национальный фашистский институт социального призрения (Istituto Nazionale Fascista della Previdenza Sociale – INFPS), который отвечал за функции социального страхования работников в Италии (и сегодня продолжает отвечать за них под более благозвучным названием – Istituto Nazionale della Previdenza Sociale). Глава INFPS, Джузеппе Боттаи (Giuseppe Bottai), решил инвестировать часть капитала INFPS в демографическую колонизацию. Его предложения встретили предварительное одобрение со стороны Итало Бальбо (к тому времени уже генерал-губернатора Ливии)¹⁸³. Новый глава ЕСТС, Джанджакомо Дурини ди Монца (Giangiacomo Durini di Monza), выступил против присутствия INFPS на территории Ливии, утверждая, что данное агентство, для которого колонизация Ливии будет всего лишь дополнительным к основной миссии проектом, отрицательно повлияет на процесс колонизации¹⁸⁴. Однако совместный административный вес Итало Бальбо и INFPS существенно превышал возможности ЕСТС, и INFPS был допущен к процессу колонизации¹⁸⁵.

В 1935 г. Джанджакомо Дурини де Монца предпринял тур новых поселений итальянских крестьян в Ливии, на основании которого отправил отчет в адрес дуче. Уже 2252 итальянских колониста жили в новых поселениях. Из них 600 были

¹⁸¹ Decreto regio dell 11 Ottobre 1934.

¹⁸² Ibid.

¹⁸³ Ahmida A.A. State and class formation and collaboration in Colonial Libya. Italian Colonialism. Palgrave MacMillan, 2005. P. 78.

¹⁸⁴ AECL. Cartella 43. Fascicolo 3. Sottofascicolo 1935. Доклад Главе правительства. 16.05.1935.

¹⁸⁵ Ahmida A.A. State and class formation and collaboration in Colonial Libya. Italian Colonialism. Palgrave MacMillan, 2005. P. 79.

детьми школьного возраста, так что можно было не сомневаться в продолжении итальянского рода на новой земле. Было построено 321 здание, 5 877 гектаров находились под мелиорацией, и в следующие двенадцать месяцев планировалось строительство еще 155 хозяйств¹⁸⁶.

На этом, однако, история раннего успеха ЕСТС завершается по причине недостатка финансовых средств. Согласно изначальным условиям указа, учреждающего ЕСС, учреждению выделялось 38 млн лир, которые, однако, сразу были урезаны до 33 млн. Стоимость работ, проведенных к маю 1935 г., составила 29 млн лир, и для реализации уже сверстанных планов по дальнейшей колонизации требовалось 70 млн лир, которые правительство не было готово предоставить¹⁸⁷. Реализация амбициозных итальянских планов по проведению демографической колонизации Ливии забуксовала, и потребовалось ждать до 1938 г. и внедрения «Проекта двадцатитысячников» (*ventimiglia*), чтобы размах колонизации Ливии начал соответствовать заявленным еще в начале века целям.

Заселение Ливии шло параллельно ее покорению, так как свободных и пригодных для ведения сельского хозяйства земельных угодий в стране практически не было. Для того чтобы предоставить итальянским крестьянам землю, итальянское государство должно было сначала отнять ее у пользователей-ливийцев. В периоды затиший и попыток примирения между итальянцами и ливийцами процесс колонизации замирал. Когда правительство в Риме, наоборот, вело политику силовых решений и назначало губернаторов, которые готовы были такую политику проводить, темпы колонизации ускорялись.

Первым из таких «нападающих губернаторов» был Джузеппе Вольпи, в июле 1921 г. назначенный губернатором Триполитании. Джузеппе Вольпи – пример достаточно характерного типа итальянского деятеля, начавшего делать карьеру еще

¹⁸⁶ AECL. Cartella 43. Fascicolo 3. Sottofascicolo 1935. Доклад Главе правительства. 16.05.1935.

¹⁸⁷ Ahmida A.A. State and class formation and collaboration in Colonial Libya. *Italian Colonialism*. Palgrave MacMillan, 2005. P. 79.

при либеральном режиме и вполне органично вписавшегося в структуру режима фашистского, поэтому уделим ему несколько строк. Получивший впоследствии графский титул (граф де Мизурата, по итальянской транскрипции города Мисрата в Триполитании), Джузеппе Вольпи был сыном гарибальдиста, ставшего впоследствии успешным промышленником и банкиром. Его старший брат, Джованни Вольпи, погиб в битве при Адуа в 1896 г. Сам Джузеппе Вольпи не пошел по стопам отца, а после неудачной пробы сил в страховании принялся за коммерцию, в чем немало преуспел, развивая торговые отношения с Австро-Венгрией и Сербией.

Продолжая и расширяя свою коммерческую деятельность, он в 1905 г. стал итальянским почетным консулом в Белграде. Предприимчивый человек, он также начал развивать свою коммерческую деятельность в Османской империи. Благодаря репутации человека, знающего Османскую империю, Дж. Вольпи вошел в состав делегации, которая представляла Италию на мирных переговорах с Османской империей. Продолжив делать карьеру предпринимателя во время Первой мировой войны, в 1921 г. Дж. Вольпи был назначен на должность губернатора Триполитании¹⁸⁸.

Особенно активными усилия по заселению Ливии стали после назначения в 1935 г. Итало Бальбо генерал-губернатором Ливии (оно совпало с началом кампании по завоеванию Эфиопии). Итало Бальбо является одной из немногих ярких личностей в истории итальянской колонизации Ливии, поэтому уместно уделить несколько строк его биографии. Итало Бальбо не был рядовым чиновником – воздухоплаватель, один из основателей фашистского движения, соратник Муссолини и видная политическая фигура, он не был готов позволить своему пребыванию

¹⁸⁸ Приведенные биографические данные взяты из книги Серджио Романо, одного из ведущих исследователей этого периода истории Италии: Romano S. Giuseppe Volpi. *Industria e finanza fra Giolitti e Mussolini*. Venezia, 2011.

превратиться в почетную ссылку, каковой, возможно, видел его Муссолини¹⁸⁹. Бальбо был одним из квадрумвиров («четыре мужей», главарей фашистского похода на Рим, состоявшегося в 1922 г., в результате которого фашисты пришли к власти. Интересно отметить, что Муссолини не был одним из квадрумвиров и на первых этапах похода дистанцировался от них, считая затею излишне рискованной)¹⁹⁰.

После становления фашистского режима Бальбо занимал высокую должность в Добровольной милиции национальной безопасности (более известной как «чернорубашечники»). Его карьере помешали скандалы с убийствами антифашистски настроенного священника и депутата-социалиста, совершенные его подчиненными в 1924-25 гг. Далее он отошел от большой политики, но играл важную роль в развитии итальянской авиации (под его руководством состоялся перелет 12 итальянских гидропланов из Италии в Бразилию в 1930 г.). Таков был человек, в 1934 г. ставший первым официальным главой Ливии, пусть даже Ливии, являвшейся итальянской колонией¹⁹¹.

Согласно мнению итальянского историка и исследователя итальянского колониализма Николы Лабанка, Итало Бальбо не мог согласиться с тем, что его правление в Ливии станет незаметным, финальным аккордом его политической карьеры¹⁹². Также Бальбо видел растущую конкуренцию со стороны Восточно-Африканских колоний (официальное название – Итальянская восточная Африка), консолидированных после эфиопской войны из Эритреи, Итальянского Сомали и Эфиопии. Поскольку ни одна из итальянских колоний себя самостоятельно не обеспечивала – все существовали за счет дотаций из Рима, – централизованное

¹⁸⁹ См.: Labanca N. *Oltremare, storia dell'espansione coloniale italiana*. Bologna: Il Mulino, 2007. P. 321.

¹⁹⁰ См.: Поход на Рим // Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/3163895 (дата обращения: 24.02.2023).

¹⁹¹ Для более детального ознакомления с деятельностью И. Бальбо можно обратиться к его самой полной биографии: Rochat G. *Italo Balbo*. Utet, 1986.

¹⁹² См.: Labanca Nicola. *Oltremare, storia dell'espansione coloniale italiana*. P. 323.

перенаправление потока ресурсов в Восточную Африку могло обескровить Ливию. Решение провести «Проект двадцатитысячников» было выходом из этой ситуации и одновременно – невольным признанием провала «колониализма работы», поскольку сами работники хотели эмигрировать в Ливию только при гарантии государственной поддержки.

3.3. Ливийцы под властью Италии. Влияние итальянской колонизации на коренное население Ливии

Как отмечалось выше, большинство коренного населения Ливии так или иначе не приняло власть Италии – либо по религиозным соображениям, либо по мотивам национальной гордости, либо же по личным или сиюминутным соображениям. Однако были те, кто ее принял, и даже многие из тех, кто изначально не соглашался смириться с присутствием итальянцев, были вынуждены переоценить свои убеждения под напором неприкрытой силы европейского государства и европейской армии.

Некоторые жители Ливии стали ассимилироваться и итальянизироваться – их называли *муталинин* – «ставшие итальянцами». Причины, по которым это происходило, могли быть разными. Как говорилось выше, итальянцы уже с конца XIX в. прилагали усилия к распространению своего экономического, культурного и политического влияния среди местного населения. Некоторые из высокопоставленных деятелей Триполитании находились в контакте с итальянцами с 1890 г. Таким, к примеру, был градоначальник Триполи, Хасуна Караманли, который надеялся таким образом вернуть ту власть над Триполитанией, которой располагал его дед Али – последний правитель из династии Караманли¹⁹³. Можно

¹⁹³ Ahmida A.A. State and class formation and collaboration in Colonial Libya. Italian Colonialism. Palgrave MacMillan, 2005. P. 65.

предположить, что он был несколько разочарован, когда итальянские власти назначили его всего лишь заместителем градоначальника при новом строе.

Другим примером коллаборации среди ливийцев является влиятельный клан Мунтасиров¹⁹⁴. Омар аль-Мунтасир, глава клана, использовал свое влияние для содействия итальянцам в оккупации Триполи, Мисураты, Сурта и впоследствии части Феццана¹⁹⁵. Его сын, Ахмад аль-Мунтасир, во время вторжения находился в Риме, консультируя итальянских чиновников по ливийским вопросам. Сотрудничество Мунтасиров с итальянцами было вызвано переменами, наступившими после младотурецкой революции, которые, как считали сами Мунтасиры, ущемляли их интересы. В архивах сохранилось свидетельство Ахмада аль-Мунтасира, где он объясняет причины, по которым его семейство выступило против Османской империи: «...Пришли младотурки и, потому что они ненавидели последователей [султана] Хамида, они напали нашу семью. Вначале были выборы, по итогам которых я был избран депутатом от санджаков Хомса и Триполи, но меня отказались утвердить, мотивируя это тем, что я слабо знал османский язык, в то время как многие другие, кто знал это язык еще слабее, были утверждены. Затем я был безосновательно лишен должности каймакама Тархуны, после чего они заманили убийц для покушения на моего брата Абу Аль-Касима, который был варварски убит на улице, после того как его убийце была обещана защита... К счастью для нас, мы узнали, что Италия решила оккупировать Триполи, и вместе с моим братом Селимом мы совместно с *Banco di Roma* выступили с осуждением того, что с нами сделали младотурки. Мы предложили им свое содействие в оккупации города Триполи»¹⁹⁶.

¹⁹⁴ Ibid. P. 66.

¹⁹⁵ De Leone E. *La colonizzazione dell' Africa del Nord (Algeria, Tunisia, Marocco, Libia)*. Padua, 1957. P. 390–391, 420; Barbar A.M. *The Tarablus (Libya) Resistance to the Italian Invasion: 1911–1920*. University of Wisconsin. Madison, 1980. P. 266.

¹⁹⁶ Anderson L. *States Peasants and Tribes*. Columbia University. 1981. P. 173.

Это был не единственный пример того, как младотурецкая революция, призванная укрепить разваливающийся каркас Османской империи, ускорила ее падение.

В период вторжения итальянцев в глубинных районах Триполитании и в Феццане были племена и отдельные группы, готовые вступить во взаимодействие с итальянскими войсками. Принимая от них оружие и выступая вместе с итальянцами против османских войск и лояльных к Османской империи арабов, эти группы не считали себя коллаборантами – скорее, они воспринимали итальянское вторжение как возможность расквитаться со своими врагами¹⁹⁷, не рассчитывая, что итальянцы закрепятся в далеких от моря районах страны. Иными словами, не для всех представителей коренного населения Ливии итальянцы были основным врагом – находились и те, кто считал «врагом № 1» своих арабских соседей.

Даже после того, как стало понятно, что итальянцы пришли надолго, многие вожди племен стремились к сохранению при новом режиме тех должностей, которые они занимали при османской власти – тому есть свидетельства. Эти должности позволяли им получать жалование от государства деньгами, которые иначе не всегда были доступны в докапиталистической экономике Сахары, а также давали возможность пользоваться полномочиями должностей в пользу своих соплеменников, укрепляя таким образом свой авторитет среди них¹⁹⁸.

В Киренаике жители прибрежных городов, изолированные на относительно небольшой территории от основной части региона, также были готовы принять участие в становлении нового режима, и местные нотабли заняли при нем значимые должности¹⁹⁹. Однако остальная и большая часть провинции, скрепленная

¹⁹⁷ Ahmida A.A. State and class formation and collaboration in Colonial Libya. Italian Colonialism. Palgrave MacMillan, 2005. P. 66.

¹⁹⁸ Ibid. Интересно сравнить вопрос о взаимоотношениях османских властей и племенных вождей с взаимоотношениями между римлянами и вождями варварских племен, проживавших в непосредственной близости от римской границы. Их статус среди соплеменников также часто зависел от способности получать подарки от римлян и распределять их среди своих последователей.

¹⁹⁹ Ibid.

тарикатом сенуситов, отказалась принять новую власть. В результате сопротивления, оказанного сенуситами итальянцам, и в том числе в результате покровительства, оказанного британцами их протее, новому главе тариката Идрису (тому самому, который через 35 лет станет первым и последним королем Ливии), в апреле 1916 г. итальянцы и сенуситы подписали так называемое «соглашение аз-Зувайтины» (az-Zuwaytina). В нем сенуситы признавали итальянскую власть над городами прибрежной Киренаики, в то время как итальянцы обязывались признать контроль сенуситов над остальной провинцией.

Данное соглашение было подписано итальянцами под давлением британцев по причине того, что те были их союзниками в войне и – откровенно говоря – старшим партнером в этом союзе. В соглашении аз-Зувайтины не впервые подчеркивался вторичный характер итальянской колониальной политики, которая определялась не столько задачами итальянского государства, какими бы они ни были, сколько потребностями ее более сильных партнеров по дележу колониального пирога – в данном случае, Великобритании²⁰⁰. Что касается сенуситов, то в новом главе тариката, который сменил прежнего, англичане нашли своего человека.

3.4. Ливия и проецирование римского наследия – идеологическое обоснование итальянского колониализма

Как уже отмечалось, итальянцы позиционировали себя в качестве наследников Римской империи. Эта идеология бытовала в некоторых кругах итальянской интеллигенции и буржуазии еще до установления фашистского режима. Конечно, после прихода к власти Муссолини идея об Италии как продолжательнице дела Рима, законной владычице его бывших территорий и собирательнице средиземноморских земель стала господствующей. В силу

²⁰⁰ Ahmida A.A. The Making of Modern Libya: State Formation, colonization and Resistance. State University of New York, 2009. P. 122.

очевидных причин никто не рассчитывал реализовать обширную завоевательную программу, которая логически должна была проистекать из такой идеологии – иначе Италии пришлось бы воевать с Францией, Германией, Испанией, Швейцарией, Португалией, Бельгией, Турцией и Люксембургом, покорить Балканы и отобрать у Великобритании и Франции все ближневосточные и североафриканские колонии, от Алеппо до Рабата. Что бы ни происходило за 2000 лет до этого, столь амбициозная программа явно не была Италии по силам, и нет ни одного свидетельства, говорящего о том, что итальянские правящие круги, до прихода к власти фашизма либо при фашизме, планировали что-либо подобное.

Но если Италия не планировала воскресить Римскую империю, то к чему была данная риторика и как она использовалась Италией в процессе создания ее колониальной империи?

Рассмотрение первого пункта не входит в рамки данного исследования. Использование символики античных предков стало массовым явлением в национализмах европейских стран XIX века: галлы во Франции, древнегерманские племена в Германии, пираты XVI века в Великобритании. Италия с ее претензиями на наследие Рима лишь следовала общей тенденции.

Использование Италией риторики и символики римского наследия в колониальных вопросах носило несколько иной характер. Основной целью было использование римской риторики и символики для освящения или оправдания итальянской колониальной политики после того, как в ее рамках были приняты те или иные решения. Одним из наиболее ярких примеров использования такой риторики со стороны Италии были объекты римского культурного наследия в Ливии. Сама возможность присвоить какую-либо часть культурного наследия покоренного народа и объявить его своим ставит Италию в исключительное положение среди колонизирующих стран. Естественно, Великобритания не могла утверждать, что памятники культуры Индии или Гамбии являются объектами

наследия английской культуры. Так же и Германия не могла выдвинуть аналогичные претензии в отношении Камеруна или Микронезии. Франция, которая значительную часть своего национализма строила на галльском компоненте собственной истории, тем не менее нашла возможность провести параллели между римским присутствием в Африке и своим завоеванием Алжира. В 1849 г. французские войска восстановили в римском укрепленном лагере Ламбесис (Lambaesis) могилу командира легиона и добавили к ней мемориальную доску в честь французского командира²⁰¹. Но только Италия, которая конструировала свой национализм на основе римского исторического наследия, могла повсеместно использовать «преемственность» в своей колониальной апологетике.

Мы можем отметить, что не только итальянцы смотрели на римское историческое присутствие в Африке как на оправдание современных итальянских колониальных амбиций. Как говорит Генри Станли во введении к итальянскому переводу своей книги, посвященной исследованию бассейна реки Конго, «мы будем надеяться, что первые шаги, предпринятые в Африке объединенной Италией, наследницей римского имени и римской репутации, римского гения и римской предприимчивости, являются здоровыми признаками того, что она повторит решительность, с которой Древний Рим безустанно маршировал к высоте репутации и славе»²⁰². Неизвестно, насколько европейские интеллектуалы были готовы проявить в отношении Италии щедрость, которую проявил к ней американский путешественник, но мы знаем, что европейские политики не стремились делиться наследием Рима с наследницей Рима.

Римское культурное наследие в Ливии включает археологические памятники римских времен, населенные пункты, основанные во времена римского правления

²⁰¹ Munzi M. *Italian Colonial Archeology in Libya: from Colonial Romanita to Decolonization of the past* в *Archeology under Dictatorship* / Ed. M.L. Galaty & C. Watkinson. New York: Springer, 2004. P. 74.

²⁰² Stanley H.M. *Il Congo e la Creazione del Nuovo Libero Stato. Storia di Lavoro e di Esplorazione*, I–II. Milano, 1890. Vol II. P. 12.

либо успешно развивавшиеся во времена Древнего Рима, а также историческую память о связях, созданных между Северной Африкой и Италией в римские времена. Использование римского исторического наследия в рамках итальянской колониальной империи в практическом смысле было возможно только в Ливии, Албании ²⁰³ и на Додеканесских островах. Основные формы, в которых реализовывалась эксплуатация римского исторического наследия, можно сгруппировать в три направления.

Первым направлением была апроприация исторических памятников Рима как материальных маркеров, которые символизировали собой современную Италию как «правопреемницу» Древнего Рима и освящали ее право на данную территорию. Как отметил исследователь истории итальянской колониальной археологии, «было создано политико-культурологическое оправдание оккупации Ливии. Считалось необходимым передать в европейские руки хрупкие объекты культурного наследия, которым иначе, под османской властью, угрожало бы масштабное уничтожение [decimation]»²⁰⁴. Это было удобное оправдание *post-factum*, и нет свидетельств о том, чтобы оно негативно воспринималось в широких слоях итальянского населения или вне Италии. При этом тот же автор сообщает, что итальянские войска не гнушались использовать материалы из значительно лучше сохранившихся руин города Лепкис Магна для сооружения фортификаций²⁰⁵. О том, какой ущерб действия итальянских вооруженных сил и вызванный их вторжением конфликт причинили археологическому наследию Ливии, достоверных данных нет.

Вторым направлением было использование имен античной эпохи в географии Ливии. Собственно «Ливия» – это термин, который в предыдущий раз, до появления на исторической сцене итальянского государства, применялся к территории

²⁰³ Которая, впрочем, стала частью итальянских владений только в 1939 г.

²⁰⁴ Altenkamp S. *Italian Colonial Archeology in Libya 1912–1942 // Archeology under Dictatorship / Ed. M.L. Galaty & C. Watkinson. – New York: Springer, 2004. P. 59.*

²⁰⁵ *Ibid.*

современной Ливии только в римские времена. Таким образом пропагандировалась идея восстановления Римской империи, символизируемого возвращением имен той эпохи после арабской интерлюдии, как ее представляли в Риме²⁰⁶. При этом древнегреческому наследию Киренаики и пуническому (семитскому) наследию Триполитании большого значения не придавалось.

Третьим направлением было развитие в Ливии итальянского туризма, который символически приобщал итальянцев к их культурному наследию и позволял представить единение двух берегов Средиземного моря как существующее явление.

Итальянский интерес к археологическому наследию Триполитании и Киренаики впервые возник еще до вторжения Италии на эту территорию, в конце XIX века. Итальянский исследователь Федерико Хальбхерр (Federico Halbherr), проводивший раскопки на острове Крит, планировал реализовать раскопки также и в Киренаике, исходя из близких культурных контактов между двумя регионами в античности (Киренаика тогда была колонизирована греками, Крит и Киренаика в римские времена составляли единую провинцию)²⁰⁷.

Практически сразу после завоевания Ливии итальянские власти столкнулись с вопросом обустройства города Триполи, который оставался под их контролем с самого начала конфликта и до Второй мировой войны. Первым объектом их внимания стала триумфальная арка Марка Аврелия, которая в непосредственно предшествовавшем итальянскому вторжению периоде использовалась для проецирования кинофильмов²⁰⁸. Здания, размещенные вокруг нее, были снесены, чтобы арка, отмечающая важный момент деятельности римского императора,

²⁰⁶ Следует отметить, что при Риме территория современной Триполитании не была латинизирована. Римляне не основывали там колоний, и процесс латинизации, который происходил в провинции *Africa Proconsularis*, не простирался так далеко на юг.

²⁰⁷ Altenkamp S. *Italian Colonial Archeology in Libya 1912–1942 // Archeology under Dictatorship / Ed. M.L. Galaty & C. Watkinson. – New York: Springer, 2004. P. 58.*

²⁰⁸ Bertarelli L. *Guida d'Italia del Touring Club Italiano. Possedimenti e Colonie. Milano, 1929. P. 289.*

знаменитого воина и философа, занимала подобающее ей, в понимании итальянского командования, торжественное место в городском ансамбле²⁰⁹. Впоследствии, во времена генерал-губернаторства Итало Бальбо, итальянские власти снесли еще несколько зданий вокруг арки и провели к ней прямую дорогу от порта²¹⁰, чтобы итальянцы, как туристы, так и прибывающие в город по иным причинам, могли быстрее ее найти.

Однако мы не можем сделать из этого вывод, что итальянские власти были априори враждебно или безразлично настроены ко всем объектам культурного наследия, которые находили во вновь завоеванных территориях. Как отмечает внимательный исследователь итальянской колониальной градостроительной и архитектурной политики Миа Фуллер (Mia Fuller), «для итальянских колонизаторов историческая ценность и цивилизация были глубоко взаимосвязаны. Итальянцы меняли те города, которые сложились в результате европейского и/или мусульманского присутствия [*в оригинале occupation, но имеется в виду именно присутствие той или иной группы как объективный факт, а не ценностная, отрицательная оценка данного присутствия*], в меньшей степени, предпочитая строить новые районы параллельно с ними. <...> В Восточной Африке, однако, итальянцы, как правило, настаивали на точке зрения, что построенная до них городская среда не имела исторической или художественной ценности»²¹¹. Впрочем, данный подход не помешал итальянцам продолжить работу, начатую до них османской администрацией, и в 1914-1915 гг. снести большую часть стен Триполи²¹².

²⁰⁹ ACS, PCM, 1912. Busta 6/442, fascicolo 261, письмо от генерал-лейтенанта Канева (Caneva) Председателю совета министров Джованни Жиолитти 26 мая 1912 г.

²¹⁰ Sangiovanni O. La Medina di Tripoli. Dal Piano Regolatore del 1912 ai lavori del 1945–1936 // Islam. Storia e Civiltà. 1990. Vol. 9. № 1. P. 52–53.

²¹¹ Fuller M. Moderns Abroad: Architecture, Cities and Italian Imperialism. Routledge, 2007. P. 104.

²¹² Cabasi F., Messina G. La Medina di Tripoli // Quaderni dell'Istituto Italiano di Cultura di Tripoli. – 1979. – № 1. P. 6–36.

Помимо римского наследия, там, где это было возможно, итальянцы подчеркивали и другие исторические аспекты прошлого европейского присутствия на территории Ливии. Так, во время реконструкции красного замка в Ливии в 1922–1923 гг. архитектор, руководящий реконструкцией, придал стенам замка четко выраженный характер стен замков крестоносцев, таким образом как бы подчеркивая, что между 1510 и 1551 г. Триполи находился под контролем Испании, а затем мальтийских рыцарей²¹³.

Второе направление культурного и политического закрепления итальянского присутствия в Ливии выразилось в использовании латинских и итальянских географических терминов в конструируемой итальянцами географии Ливии. Ключевым, хотя и не первым в хронологическом порядке, было переименование объединенной колонии Триполитании и Киренаики в Ливию в 1935 г. Мы можем отметить, что подобное не получало до этого широкого распространения в итальянской колониальной практике. Как Эритрея, так и Итальянский Сомали оставались при своих именах (хотя, конечно, вряд ли все коренные жители этих территорий знали их под этими именами до появления итальянцев), но во второй половине 1930-х в итальянской практике наметились некоторые перемены.

После завоевания Эфиопии и провозглашения новой империи (отныне все итальянские официальные документы, помимо общепринятой даты «после Р.Х.», содержали как указание года после прихода к власти фашистов, так и года после провозглашения империи) Эфиопия вместе с Сомали и Эритреей были интегрированы в новую территориальную единицу – Итальянскую Восточную Африку (*Africa Italiana Orientale* – AOI). Хотя свидетельства прямой корреляции между этими двумя событиями обнаружить не удалось, тем не менее их взаимосвязь

²¹³ Altenkamp S. *Italian Colonial Archeology in Libya 1912–1942 // Archeology under Dictatorship / Ed. M.L. Galaty & C. Watkinson. New York: Springer, 2004. P. 60.*

символична и говорит о том, что на этом этапе своей истории итальянцы придавали существенный вес тому, как оформлялась их колониальная номенклатура.

Кроме переименования своих североафриканских колоний в Ливию, итальянские власти также предприняли переименование улиц городов Ливии, которые с этого момента должны были звучать как итальянские. Таким образом, уже в 1926 г. мы находим в Триполи такие географические наименования, как *Lungomare Conte Volpi* (Набережная графа Вольпи), *Sciara Riccardo*, *Corso Siciliano* и другие²¹⁴.

Имеющие в родной стране и во многих других странах Средиземноморья яркие примеры того, как римские администраторы увековечивали свои имена и имя своего народа в многочисленных надписях на общественных зданиях, итальянские губернаторы в Ливии не удержались от искушения последовать их примеру. На стене восстановленного (и, как было указано выше, существенно европеизированного) замка Триполи по распоряжению графа Вольпи была нанесена следующая надпись:

«Anno d(omi)ni MCM XXIII Iosepho Vulpio comite praeside prov(inciae) Tripolitaniae Henricus de Albertis nauta fecit».

Построенная при генерал-губернаторстве Итало Бальбо автострада, соединившая Триполитанию и Киренаику, стала известна как *Litoranea Baldo* – приморское шоссе Бальбо. На памятнике, возведенном посреди нее – *Arco dei Fileni*, – по распоряжению Итало Бальбо была нанесена надпись: «*Italo Balbo Libyaе proconsule anno XV a fascibus restitutus primo ab imperio condito*»²¹⁵ Отметим, что там, где Вольпи был губернатором, Бальбо уже проконсул. Отметим также манеру датировки: *anno domini* пропало, остался только год фашистского правления и год империи (после завоевания Эфиопии).

²¹⁴ Baratta M., Visintin L. *Atlante delle Colonie Italiane*. Istituto Geografico De Agostini, 1928.

²¹⁵ Munzi M. *Italian Colonial Archeology in Libya: from Colonial Romanita to Decolonization of the past in Archeology under Dictatorship* / Ed. M.L. Galaty & C. Watkinson. New York: Springer, 2004. P. 86.

Туризм в итальянской Ливии играл отдельную роль. Итало Бальбо, который своей энергичной деятельностью не оставил почти не одну сферу жизни в Ливии нетронутой, учредил в мае 1935 г. Ente Turistico et Alberghiero della Libia (Ливийскую туристическую и гостиничную организацию) для развития туризма и строительства гостиниц способных достойно принять туристов²¹⁶. Конечно, итальянский туризм в Ливии никогда не становился массовым явлением: Италия 1920-х и 1930-х гг. была страной с небогатым населением, которое едва ли могло себе позволить путешествовать так далеко от родного дома. Нам неизвестно, насколько другие итальянские туристы разделяли чувства, которые испытывал Энрико Коррадини (Enrico Corradini), глава итальянской Националистической Ассоциации, посетивший Триполитанию и Киренаику незадолго до начала итало-турецкой войны в июле 1911 г. Он вспоминает:

«Повсюду находятся следы древнеримской цивилизации – везде, где римское оливковое дерево еще дает листьям расти... И на нашем пути мы нашли римские колеса. И римские бетонные фундаменты, каменные плотины на склонах вади, которые укрепляли добротную землю. И римские бассейны, и иные гидравлические сооружения. И, наконец, римский замок, который охранял лучшие из сельскохозяйственных работ. <...> Весь, так сказать, скелет римской администрации все еще стоит в одиночестве Киренаики, стоит против хижин и отар арабской инерции, против проводов телеграфа, единственного признака, что Османская империя гниет. Я не создатель памяти классицизма, но я утверждаю, что Киренаика, где некоторые видят только хижину бедуина, маленькие поля и скалы, ждет новых сельскохозяйственников и новых управленцев, для того чтобы вернуть ее к новой жизни. Обратите внимание на плато Киренаики. Лучшая ее часть, которую я проехал от Дерны до Кирены, усеяна руинами»²¹⁷.

²¹⁶ Segre C. Italo Balbo – a Fascist Life. University of California Press, 1990. P. 303.

²¹⁷ Corradini E. L'Orta di Tripoli. Milano. 1911. P. 193–206.

В то же время, возможно, помимо воли его основных политических спонсоров, итальянский туризм в Ливии не был исключительно римоцентричным, он также позволял итальянцам, посещающим Ливию, познакомиться с ее коренным населением и его культурой. Как отметил историк итальянской колониальной архитектуры Брайан МакЛарен, «туризм в Ливии был важным средством прямого контакта с культурой коренного народа»²¹⁸.

Не менее символичными были места, посещенные Муссолини во время его визитов в Ливию. В 1937 г., к примеру, дуче побывал в восстановленном итальянскими археологами и архитекторами римском амфитеатре в Сабрате (Sabratha), где он посетил постановку пьесы Софокла «Эдип»²¹⁹. Мы можем только предполагать, как на это смотрело арабское население Ливии, если находило время и желание размышлять на эту тему.

3.5. Общественное мнение в Италии и его трансформация

В тот период, к которому относится итальянское вторжение в ливийские территории Высокой Порты (1911–1912 гг.), Италия была, по меркам предвоенной Европы, относительно свободным и демократическим государством. Под властью монархов савойской династии, в рамках Альбертинского статута, принятого в 1848 г., проводились регулярные выборы в итальянский парламент, который затем формировал подотчетное парламенту правительство. К участию в выборах изначально было допущено только три процента взрослого населения страны, но избирательное право постепенно предоставлялось все более широким кругам населения, и в 1912 г. право голоса получили все итальянские мужчины старше

²¹⁸ MacLaren B. Architecture and Tourism in Italian Colonial Libya: an Am-bivalent Modernism (цит. по: Elshahed M. Italian Architecture in Colonial Libya // Review of Middle East Studies. 2010. Vol. 44. № 1). P. 48–50.

²¹⁹ Munzi M. Italian Colonial Archeology in Libya: from Colonial Romanita to Decolonization of the past in Archeology under Dictatorship / Ed. M.L. Galaty & C. Watkinson. New York: Springer, 2004. P. 85.

30 лет²²⁰. Несмотря на то, что около 40% итальянских избирателей (3 484 616 из 8 711 542 в 1913 г.²²¹) были неграмотны, тем не менее можно сказать, что страна вступила в эпоху массовой политики, где существенную роль играли такие современные явления, как партии и газеты.

Итальянская пресса была разногласной и часто критиковала действия собственного правительства и его политику. Таким образом, голос итальянских журналистов и публицистов был одним из факторов, влиявших на политическую ситуацию и общественное мнение внутри Италии во время итальянско-турецкой войны. С учетом того, что сразу после завершения войны Италия пережила такие важнейшие события, как раскол левого – социалистического – лагеря, вступление в Первую мировую войну и рождение первого в Европе успешного фашистского движения, тем более важно отследить влияние публичной внутривнутриполитической дискуссии на итальянское общество. Понимание того, как в Италии в данный период менялись публицистический дискурс и влияние пропаганды, поможет понять такие факторы, как объединение крайних националистов и социалистов в новое, фашистское движение, в то время как апологетика колониализма создала предпосылки как для той крайне жестокой и агрессивной политики против ливийского населения, которой итальянские власти следовали в 20-х г., так и – в дальнейшем – для завоевания Эфиопии.

Печать в начале XX в. в достаточной степени отражала плюралистическую структуру итальянского политического мира тех времен. Основные политические силы Италии были сосредоточены в нескольких лагерях – консерваторов, либералов и социалистов. К началу XX в. консерваторы и либералы были более склонны поддерживать создание колониальной империи, в то время как социалисты Италии, как и их собратья во всем мире, относились к колониализму отрицательно. При этом

²²⁰ La legge del 30 giugno 1912 № 666.

²²¹ Fradeletto A. La fine d'un parlamento e la dittatura d'un ministro. Seguito da appunti statistici su suffragio universale e analfabetismo. Milano: Fratelli Treves, 1911. P. 333.

консервативное и социалистическое политические течения не были едиными, монолитными, целыми. Консервативный лагерь состоял по преимуществу из католиков, которые отнюдь не желали укрепления мощи и славы светского итальянского государства, лишившего главу их церкви власти и почета. Многочисленные представители влиятельных промышленных кругов, которые примыкали как к либералам, так и к консерваторам, не считали, что рискованное и дорогостоящее приобретение колониальной империи было бы правильным вложением сил для такой относительно слабой и малоразвитой страны, как Италия. Таким образом, при всем том, что большая часть консерваторов склонялась в пользу колониализма, правительство не могло всецело полагаться на их поддержку.

Эти подходы соответствующим образом отражались и в прессе Италии. Задолго до начала ливийской кампании, когда итальянские власти только преступали к созданию будущей итальянской колониальной империи, делая первые приобретения в районе нынешней Эритреи, итальянская пресса часто выступала против колониальной политики. Так, в апреле 1885 года, сразу после захвата итальянскими войсками портового города Массауа, в газете «Соле», одном из крупных и влиятельных ежедневников Северной Италии, было сказано следующее: «У нас нет лишних денег, чтобы растрачиваться вместе с Англией на далекие миражи, в то время как в самой Италии есть нужды, об удовлетворении которых надо позаботиться»²²².

Газета «Соле» во многом отражала мнение влиятельных промышленных кругов Северной Италии, которые считали, что Италия, как страна еще недостаточно сильная и только недавно объединенная, должна больше времени уделять вопросам внутреннего развития. Также итальянское общество было озабочено тем фактом, что, согласовывая свои колониальные захваты с

²²² Цит. по: Трофимов В.А. Итальянский колониализм и неоколониализм. История и современность. М.: Наука, 1979. С. 23.

Великобританией, правительство Италии фактически втягивалось в англо-французское противостояние в регионе Африканского Рога. Однако к началу войны 1911 г. эти настроения в значительной степени отошли в прошлое. Итальянская пресса была склонна занять гораздо более лояльное к колониальным походам отношение. Это явилось результатом как структурных политических перемен в Италии, так и параллельного роста новых идеологических течений, которые видели в колониализме преимущества для страны. Таким образом, пред началом конфликта стало слышно все больше более или менее искренних голосов, декларирующих необходимость и даже пользу завоевания Триполитании и Киренаики.

Хотя для большинства социалистов Италии был вполне характерен антиколониализм и антимиитаризм, тем не менее к началу интересующего нас периода часть итальянских социалистов уже встала на тот путь, который всего через несколько лет приведет их к фашизму. Причины, которыми они руководствовались, были различны, но их можно сгруппировать в два основных течения. Была распространена идея о том, что Италия, как самая бедная и обделенная из европейских держав, «Великий Пролетарий», как называли ее итальянские публицисты, наконец, займет положенное ей место среди европейских держав благодаря великодержавной политике и колониальному расширению. Другие видели в этом решение таких проблем Италии, как эмиграция: ежегодно сотни тысяч итальянцев покидали родину, преимущественно в направлении американского континента, в то время как завоевание Ливии должно было, в сознании этих социалистов, предоставить эмигрантам возможность найти пристанище под флагом родной страны. Консерваторам победа в колониальной войне обещала смыть позор поражения в знаменитом сражении под Адуа в 1896 г., в ходе первой итало-эфиопской войны, повысить статус Италии в Европе и позволить занять стратегическую часть средиземноморского побережья, расположенную в самом центре региона и напротив Италии – создать так

называемый «четвертый берег» Италии. Кроме того, в обоих лагерях давали ростки идеи национализма и социал-дарвинизма, которые в те годы уже в полной мере проявились в таких развитых странах Европы, как Великобритания и Германия. Италия, прежде изолированная от таких идей своими католицизмом и социализмом, теперь догоняла более удачливых на международной арене собратьев, перенимая более прогрессивные, как тогда казалось, идеи.

Так, Джузеппе Бевионе, журналист, публицист и апологет колониализма, впоследствии, уже при фашистском режиме ставший сенатором, был направлен газетой «Ла Stampa» в Триполитанию и Киренаику в апреле и мае 1911 г. По результатам поездки Бевионе отправил в газету несколько статей, которые впоследствии легли в основу его книги *Come siamo andati a Tripoli* («Как мы пошли в Триполи»), изданной в 1912 г. В своих статьях Бевионе убеждал читателей «Ла Стампы» в том, что Триполитания и Киренаика являются вовсе не бесплодными пустынями, какими их всегда считали, а вполне пригодными для масштабного ведения сельского хозяйства (и, соответственно, для колонизации) территориями. «Название пустыня дано этой местности несправедливо... когда дожди достаточны, зелень восстанавливается, растет, становится гуще, почти как прерия»²²³.

Ориентируясь на подобную пропаганду, рядовые итальянцы должны были убедиться, что в результате колониальной агрессии они приобретут страну, которую затем смогут заселить и с прибылью эксплуатировать. Следует помнить, что в те годы нефть в Ливии еще не была разведана, и тот факт, что Ливия представляет собой пустынную, заселенную преимущественно арабскими племенами, ведущими в основном оседлый и полuosедлый образ жизни, был известен в Италии и, конечно, вселял в итальянцев опасения, что очередной колониальный поход принесет стране убытки. Отнюдь, говорил Бевионе: «Несомненно, что эта земля могла бы давать

²²³ Цит. по Rochat G. Il Colonialismo Italiano. Torino, 1973. P. 70.

[урожай] в три раза больше, если бы она была обработана как следует»²²⁴. Там же Джузеппе Бевионе дает пояснение тому, что земля не обработана должным образом: «Вместо этого она[земля] наглядно показывает то, что она обрабатывается пропорционально вознаграждению араба-крестьянина, которое, как говорится, равно нулю»²²⁵. Таким образом давалось доходчивое объяснение тому факту, что Ливия была бедной, неразвитой страной – всему виной отсутствие хозяйственного подхода со стороны арабского населения. Вывод, что нерадивых (как скоро будут говорить итальянские политические деятели нового поколения – неполноценных) арабов должны заменить более организованные и трудолюбивые итальянцы, в контексте господствовавшего в те годы расового шовинизма, не требовал дополнительной артикуляции и напрашивался сам собой.

Церковь, тогда весьма влиятельный в Италии институт, также присоединилась к новой кампании колониальной апологетики. При этом католическая церковь не всегда поддерживала колониальные походы итальянского государства. В первую очередь это было связано с взаимно враждебным характером отношений между итальянским государством и церковью, которые установились после аннексии Папского государства в 1871 г. Многие итальянские политические наблюдатели отмечали, что во время итальянской кампании в Эфиопии 1895–1896 гг., церковь была не против поражения светского итальянского государства. Также католическая церковь, хотя и в немалой степени не лишенная своеобразного шовинизма, не могла прямо одобрять те расистские предпосылки, на которых покоилась европейская колониальная пропаганда конца XIX и начала XX века, поскольку, отвергая единство человеческого рода, они напрямую противоречили библейскому учению.

Однако к началу периода агитации за новую войну прошло уже 40 лет с тех пор, как церковь лишилась своей светской власти. Новые папы (Лев XIII и Пий X)

²²⁴ Ibid. P. 71.

²²⁵ Ibid.

смирились с утратой своего государства и стремились адаптироваться к новым реалиям. Многие представители итальянского епископата начали выступать в поддержку колониальных завоеваний. Епископ Кремоны Джеремиа Бономелли направил пастве своей епархии письмо, которое легло в основу статьи, изданной в крупном ежедневнике «Коррьере делла Сера» в виде статьи «Религия, Отечество, Цивилизация»²²⁶. В статье приводятся слова епископа: «...от этого война не перестает быть в некоторых случаях суровой необходимостью, к которой нужно прибегать для достижения победы справедливости и интересов цивилизации». Далее в статье говорится о позиции епископа Бономелли: он полагал, что война является следствием недружелюбия Османской империи по отношению к Италии, которая всего лишь стремится обеспечить интересы своих иммигрантов и инвестиций на территории Османской империи. В статье повторяются слова епископа, что не «слепое самоуправство или жажда к завоеваниям», но необходимость защититься двигала Италией при ее нападении на Османскую империю. Продолжая, Бономелли также говорит, что Италия приобретет от своих завоеваний большие экономические преимущества, что только под османской властью Киренаика и Триполитания не смогли стать развитыми регионами. Завершается статья заявлением епископа о том, что вместе с итальянским флагом он видит и крест, что, хотя Италия, несомненно, будет уважать религию местного населения, епископ Бономелли надеется, что она сможет также привлечь жителей Ливии в христианство²²⁷. Таким образом, мы видим, что значительная часть иерархов католической церкви в Италии встала на сторону колониальных завоеваний итальянского государства.

Одной из наиболее ощутимых перемен в общественных настроениях Италии первых двух десятилетий XX в. стал раскол в левом движении страны. Итальянский

²²⁶ Ibid. P. 76.

²²⁷ Ibid. P. 78.

национализм был в XIX в. взаимосвязан с освободительной и прогрессивной идеологией. Итальянские националисты, такие как Джузеппе Гарибальди, стремились к объединению итальянского полуострова в единое национальное государство итальянского народа. Войны за объединение Италии происходили под лозунгом самоопределения народов, что было радикальным принципом, которые использовали только революционеры, восставшие против универсальных ценностей Европы тех времен – монархий, церкви, – такие как в Польше и Венгрии. Освобождение предполагало лишение монархов власти над многочисленными итальянскими государствами, что по меркам Европы середины XIX в. выходило далеко за грань допустимого. Таким образом, в отличие от современной Европы, в Италии середины и второй половины XIX в. националистические и прогрессивные течения общественного мнения влияли друг на друга в положительном ключе.

Однако в начале XX в., хотя связь между национализмом и прогрессивными мыслителями никуда не исчезла, она стала действовать иначе. Радикальные итальянские мыслители уже утверждали, что именно более агрессивная, направленная вовне политика Италии является справедливой в отношении итальянского народа, прежде лишенного тех благ, к которым ранее приобрели доступ прочие народы Европы²²⁸.

В скором будущем подобная линия мышления проложила дорогу к глубокому расколу социалистического движения Италии и созданию фашистского движения, которое интегрировало элементы как правой, так и левой идеологии и риторики. В своем выступлении «Великий пролетарий тронулся с места»²²⁹ опубликованном в газете «Ла Трибуна» 27 ноября 1911 г., итальянский поэт, позитивист и друг поэта Габриеле Д'Аннунцио Джованни Пасколи утверждал, что вторжение в Ливию является частью возрождения униженной итальянской нации. В своем выступлении

²²⁸ Нельзя не отметить параллели с Германией тех же времен.

²²⁹ La grande Proletaria e massa.

Пасколи заявил, что «прежде [Италия] отправляла за рубеж своих работников, которых в стране было слишком много <...> которые копали уголь... строили здания <...> собирали соль <...> как негры в Америке»²³⁰.

Оправдывая войну, Пасколи далее заявил, что для своих многочисленных униженных масс «Италия, великая мученица среди наций ... нашла место для них, огромный регион, омываемый нашим морем»²³¹. Далее Пасколи в своей риторике напрямую предвосхищает ту фашистскую фантазию о преемственности современной Италии относительно древнего Рима: «О Триполи, о Беренис, о Лептис Магна, вы вновь увидите, спустя много веков ... римские легионы»²³². Выступление Пасколи, широко известного не только поэта, но также интеллектуала и журналиста, имело существенное воздействие на общественное мнение Италии, и с тех пор фраза «Великий пролетарий тронулся с места» стала нарицательной в политическом дискурсе страны. Слова Пасколи не только способствовали легитимации колониальной агрессии, но также создавали идеологическую взаимосвязь между итальянским прогрессивным националистическим движением середины XIX в. и новым, фашистским, итальянским национализмом первой половины XX в., вводя отраву колониализма в политическую идеологию, которая при иных обстоятельствах могла бы ему противостоять. Как отражение того нравственного сдвига вниз можно привести слова Коррадини – «между Египтом и Тунисом, подконтрольная Турции Триполитания является пустынной землей... Коренное население меньше, чем народ, они толпа разъединенных индивидуумов... Я не пишу про гуманитарные соображения, так как считаю, что Италия должна занять Ливию из других соображений...»²³³

²³⁰ Цит. по Rochat G. *Il Colonialismo Italiano*. Torino, 1973. P. 87–88.

²³¹ *Ibid.* P. 88.

²³² *Ibid.*

²³³ Цит. по: Zocchi B. *Italian Colonialism in the Making of National Consciousness: the Representation of African Natives* // *Storicamente*. 2019. № 15 (1). P. 13.

Конечно, мы не можем утверждать, что выступления нескольких публицистов, пусть даже известных граждан Италии, сами по себе произвели масштабный сдвиг в политическом климате и общественном настроении Италии. Однако несомненно, что эти выступления отражали глубокие перемены, которые произошли в итальянском обществе.

В том, что подобные настроения не были исключительно итальянской характеристикой, можно убедиться на примере Франции в 1881г, во время захвата Туниса французами. Тогда, в результате публикации данных о финансовой заинтересованности брата французского премьера Ж. Ферри в успешном покорении Туниса, во Франции был спровоцирован политический кризис, результатом которого стала отставка премьера. Однако никакой смены политического курса за этим не последовало, и за исключением нескольких монархистов справа и особенно радикальных социалистов слева, никто из депутатов французского парламента не проголосовал против финансирования завоевательной политики в Тунисе. Напротив, конфликт в Тунисе использовался для укрепления действующего французского режима и его консолидации²³⁴.

Прежде Италия была страной раздробленной и своими идеологическими, политическими вопросами обращенной в прошлое. Католики и консерваторы, социалисты и либералы в большей степени определяли свои политические ориентиры исходя из того, как их политические предшественники решали свои задачи в середине XIX в. Поскольку все эти задачи были связаны с внутренними итальянскими вопросами, такими как изгнание иностранцев, и объединение Италии на республиканских началах, как того хотели многие итальянские радикалы, либо на монархических, как в итоге и произошло, то и политические ориентиры были внутренние. В силу этого колониальная политика не имела еще массовой поддержки

²³⁴ Elwitt S.H. French Imperialism and Social Policy: the Case of Tunisia // Science and Society. 1967. Vol. 31. № 2. P. 129–148.

и первые колониальные захваты Италии опирались скорее на безразличие итальянцев, как масс, так и элит, которые, в силу своих политических предпочтений, не были готовы ни поддержать присоединение колониальных территорий, ни последовательно выступать против него.

Но в начале XX в. ситуация в Италии существенно изменилась. Прежние линии политического размежевания между итальянцами становились все менее актуальными по мере того, как политические акторы приспособлялись к новой реальности. Стремительность этого процесса была продемонстрирована итальяно-турецкой войной, во время которой многие из тех политических сил (католики, радикалы), которые в 1890-х декларировали отрицательную оценку колониальных амбиций, вплоть до того, что желали собственной стране поражения, продемонстрировали лояльность и поддержку относительно завоевания Ливии в 1911–1912 гг. Война наиболее наглядно показала, как изменилась Италия в начале XX в. То, как вооруженный конфликт за рубежом обнажил новые линии политического разграничения в стране, привело в дальнейшем к консолидации итальянских политиков на новых основах. Социалисты, радикалы и консерваторы, в течение итальяно-турецкой войны осознавшие, что у них есть точки соприкосновения, о которых они прежде не подозревали, в дальнейшем развили свое сотрудничество в виде фашистского движения, в котором нашли пристанище и последователи радикала и декадента Джованни Пасколи, и католического епископа Джеремии Бономелли, и умеренно-консервативного журналиста Джузеппе Бевионе. Политическая и публицистическая кампания, которая велась в Италии во время итальяно-турецкой войны 1911–1912 гг. стала одним из краеугольных камней, на которых строилась платформа итальянского фашизма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленный в данном исследовании анализ событий, составленный в том числе на основе архивных данных, впервые введенных в научный оборот, продемонстрировал, что итальянское правление в Ливии имело существенные последствия для ливийского общества, но при этом не все последствия напрямую проистекали из конкретных намерений итальянских властей.

Ключевым методом установления итальянской власти над Ливией, несмотря на попытки привлечения ливийцев к сотрудничеству с колонизаторами, была военная сила. Попытки привлечения коренного населения Ливии к сотрудничеству носили эпизодический и вынужденный характер. Итальянские колониальные власти прибегали к такого рода мерам только когда они не могли применить достаточную военную силу, как это было во время итальянского участия в Первой мировой войне, либо когда применение военной силы не давало должного эффекта. В таких случаях итальянские власти были готовы идти на политический диалог с силами сопротивления. Однако, как только обстоятельства менялись, итальянцы возвращались к насилию как основному методу правления.

Как отмечено в данном исследовании, итальянские колониальные власти вели политику подавления арабского сопротивления силовыми методами, которая привела к тому, что количество погибших непосредственно в результате прямых военных действий Италии и жертв болезней и голода, вызванных итальянской силовой политикой, составило примерно 500 тыс. человек. Еще около 250 тыс. ливийцев были вынуждены покинуть свою страну и искать убежища в соседних²³⁵. Если учесть, что население Ливии до начала военных действий не превышало 1 000 000 человек, то масштаб гуманитарного кризиса, вызванного итальянским присутствием в Ливии, становится наглядным.

²³⁵ Ahmida A.A. The Making of Modern Libya: State Formation, colonization and Resistance. State University of New York, 2009. P. 1.

Ливийское сопротивление колониализму было массовым и присутствовало во всех регионах страны. На протяжении почти двадцати лет ливийцы вели активные военные действия против итальянских вооруженных сил, чей технологический уровень и ресурсная база существенно превосходили то, чем располагали ливийцы, даже на тех этапах, когда сопротивлению оказывали помощь Германия и Османская империя.

Движение сопротивления включало в себя как арабов, так и берберов, жителей всех регионов Ливии. Интенсивность сопротивления варьировалась в зависимости от давления, которое оказывалось итальянцами.

История ливийского сопротивления начинается с момента вторжения итальянских войск. На первом этапе, который длился около года, коренные ливийские подразделения выступали в качестве вспомогательных подразделений османских войск. После подписания Уши-Лозаннского мира, когда Османская империя отказалась от Ливии, инициатива в сопротивлении итальянским колониальным притязаниям перешла ливийскому населению. Как демонстрируется в данном исследовании, значительная часть местных элит в Триполитании и Киренаике была готова оказать сопротивление итальянцам.

Основные проблемы сопротивления заключались в материальном и технологическом превосходстве Италии и отсутствии внутреннего единства среди лидеров сопротивления, которые не могли прийти к решению касательно оптимального способа достичь победу над итальянцами и послевоенного устройства.

После вступления Италии в Первую мировую войну на стороне Антанты, Германия и Османская империя оказывали существенную поддержку сопротивлению. Вместе с фактором перераспределения итальянских военных ресурсов на европейский театр военных действий, помощь новых союзников позволила ливийскому сопротивлению отвоевать контроль над почти всей страной,

за исключением нескольких приморских городов в Триполитании и Киренаике. Одновременно, признавая собственные поражения, Италия пошла на компромисс и 21 апреля 1919 г. заключила с вождями сопротивления соглашение в Суан-Бен-Адеме, благодаря которому итальянские власти признавали за коренным населением Ливии существенный объем гражданских, имущественных и политических прав. Также в Триполитании и Киренаике учреждались парламенты, в которых, наравне с местными итальянцами, должны были быть представлены также и ливийцы.

Однако в результате разногласий среди элит сопротивления, поражения Германии и Османской империи в Первой мировой войне, а также падения парламентского режима в Италии, военные и политические достижения ливийского сопротивления были утрачены.

Вооруженное сопротивление в Триполитании было подавлено относительно быстро, в период с 1922 г. по 1925–26 гг. Значительно больше усилий потребовалось для подавления вооруженного сопротивления в Киренаике. Этот этап ливийской истории длился до 1931 г., и завершился казнью Омара аль-Мухтара.

Влияние политики других колониальных держав, в первую очередь Великобритании и Франции, на колониальную политику Италии в отношении Ливии было весьма существенным.

После Тунисского кризиса 1881 г, который указал на слабость Италии в ее колониальных претензиях, все больше политических деятелей в Риме стали вынужденно рассматривать Ливию как естественное владение Италии, которое должно достаться ей по праву. Важно отметить, что данная позиция была именно вынужденной, поскольку именно в результате Тунисского кризиса других североафриканских территорий, на которые могла бы претендовать Италия, к этому времени не осталось: Египет был под контролем Великобритании, Алжир

присоединен к Франции, Тунис в 1881 г. стал ее протекторатом, а Марокко было слишком далеко и слишком глубоко вовлечено во французскую сферу интересов.

Можно сделать вывод, что в дальнейшем итальянская политика, направленная на приобретение колоний в общем, не имела в виду именно Ливию в качестве predetermined цели. Для Италии основным был сам факт владения колониями, что должно было ставить ее на одном уровне с другими, более старыми, европейскими державами.

Первые колониальные приобретения Италии были сделаны далеко от Ливии, в регионе Африканского Рога. В данном исследовании подтверждается, что это было обусловлено в первую очередь не предпочтениями или колониальными интересами Италии, а колониальным противоборством Великобритании и Франции в данном регионе, который лежал на пути из Средиземного моря в Индию. Великобритания видела в Италии значительно более слабого конкурента, чем во Франции и поэтому приветствовала закрепление итальянского присутствия в Эритрее и Сомали.

Но идея о том, что овладение Ливией желательна для Италии, действительно приобрела довлеющее влияние в итальянских политических кругах. Во всяком случае, они не хотели, чтобы Ливия досталась другим – это означало бы, что весь южный берег Средиземного моря принадлежит соперницам Италии. При этом, обозначая свои притязания на Ливию, итальянское правительство вступило в переговоры со своими ближайшими союзниками (Германией и Австро-Венгрией), а также основным региональным колониальным соперником (Францией) для обеспечения согласования с итальянскими колониальными претензиями.

Уже после завоевания Ливии, основной движущей силой в процессе формирования ливийских границ во время итальянского колониального владычества была политика умиротворения Италии со стороны Франции и Великобритании. Италия числилась среди стран-победительниц в Первой мировой

войне, но не получила те территориальные приобретения, на которые она рассчитывала. Бывшие союзники Италии, стремясь предотвратить ее переход к союзническим отношениям с Германией, позволили Италии несколько увеличить свои владения за счет подконтрольных им Египта и Чада.

Итальянская колониальная политика имела некоторые особенности в общемировом контексте. Хотя на различных этапах итальянского колониального владычества итальянские власти ставили перед собой разные задачи, в одном намерении они на каждом этапе колониальной истории Ливии оставались неизменными: Ливия должна быть превращена в колонию, заселенную итальянцами.

Тем не менее итальянским амбициям создать из Ливии колонию итальянских поселенцев не было суждено реализоваться. Среди причин, которые вели к этому, мы можем указать такие, как длительное и упорное сопротивление арабского населения итальянскому владычеству, которое, пока оно длилось, исключало массовое заселение Ливии итальянскими крестьянами.

Второй причиной была капиталоемкость процесса колонизации. Поскольку Триполитания и Киренаика были мало развиты с точки зрения мелиорации земельных угодий, транспортной и иной инфраструктуры, то заселение Ливии бедными капиталом итальянскими крестьянами не могло состояться без участия итальянского государства.

Только максимально активное вовлечение итальянского государства в проведение колонизационной политики, направленное на заселение крестьянами небольших, но единственно пригодных угодий в Киренаике и в Триполитании, сделало массовое заселение Ливии итальянцами реалистичной целью. В результате этой политики к 1940 г. количество итальянцев, постоянно проживающих в Ливии, превысило 100 000 человек. Можно констатировать, что это выделяло Италию на фоне большинства других европейских колониальных держав, которые во второй

половине 1930-х не проводили активную политику заселения колоний жителями метрополий. Ливия стала, с точки зрения итальянского присутствия, самой густонаселенной колонией в итальянской колониальной империи. Можно предположить, что количество и доля итальянского населения в Ливии продолжили бы расти и в дальнейшем, если бы Италия не приняла в 1940 г. решение вступить во Вторую мировую войну на стороне Германии, которое привело к ее поражению и потере колоний.

В отличие от политики некоторых колониальных стран, которые привлекали коренное население к участию в управлении колониями, итальянцы не ввели в Ливии подобной практики. Более того, расовые законы, принятые Италией в конце 1930-х гг., говорят о том, что у итальянцев не было намерения расширять участие коренного населения в управлении собственной страной. Провал Триполитанской республики и кровавое подавление итальянцами любых форм сопротивления обусловили отсутствие образованного политического класса или иных подготовленных частей населения, которые могли бы принять активную роль в развитии Ливии в качестве независимого государства после изгнания итальянцев. Это во многом предопределило приход к власти главы сенуситского тариката Идриса ас-Сенуси в роли короля объединенной Ливии.

Для укоренения своей власти в Ливии, итальянские власти, как и многие европейские государства в своих колониях, должны были решить двоякую задачу. С одной стороны, итальянцам необходимо было преодолеть барьер между собою и своими новыми подданными – перестать были иностранцами для них. Во-вторых, необходимо было уничтожить/разобрать все потенциальные элементы, формирующие национальное единство²³⁶, что давалось тем проще в Ливии, поскольку таких элементов было изначально немного. Можно заключить, что в

²³⁶ Mukherjee M. *India in the Shadows of the Empire: A Legal and Political History (1774–1950)*. Oxford University Press, 2012. P. 8.

значительной степени, итальянцы достигли своей цели путем уничтожения или изгнания ливийских политических, экономических и культурных элит. Это привело к усугублению раздробленности и без того разобщенного народа и закреплению горизонтов отдельных членов общества на уровне не выше племени. Таким образом, к концу колониального периода, ливийцы были раздробленной нацией.

Раздробленность ливийцев оказала существенное влияние на постколониальное развитие страны. Как отметил известный политолог и социальный исследователь Данкварт Рюстов, национальное единство является важнейшей предпосылкой образования демократической формы правления в той или иной стране ²³⁷. Национальное единство, в понимании Рюстова не подразумевает некое кровное единство или ежедневные клятвы верности общим целям. Оно требует отсутствия сомнений у большинства нации касательно ее политической общности, отсутствие сепаратизма, как в Австро-Венгрии, так и отсутствие лояльности к общине вне границ государства – как это было в арабских государствах 1950-х и 1960-х ²³⁸. Итальянская политика привела к уничтожению тех социальных и экономических связей, которые образовались в Ливии к концу османского владычества ²³⁹. В Ливии не было коренной буржуазии, поскольку итальянская власть сосредоточила все экономические ресурсы в приморских городах, где превалировало влияние итальянских переселенцев, банков и компаний. Раздробленность приобрела также и географическое измерение – в результате карательной итальянской политики, гибели населения и уничтожения скота, экономической маргинализации большая часть Ливии, не приближенная к приморским областям была лишена связей с городами и в некоторых отдельных

²³⁷ Rustow D.A. Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model // Comparative Politics. April 1970. P. 350.

²³⁸ Ibid. P. 351.

²³⁹ Vandewalle D. A History of Modern Libya. Cambridge University Press, 2012. P. 74.

районах, вернулась к тому изолированному состоянию, в котором находилась при османской власти²⁴⁰.

Поскольку Ливия была разрозненной страной, уровень и модальности сопротивления колониализму имели значительные региональные различия. Триполитания как более развитый регион, на завоевании которого была сосредоточена основная часть итальянских усилий вплоть до второй половины 1920-х, оказала наиболее активное сопротивление на раннем этапе. Триполитания также выдвинула концепцию формирования республики как основы государственности. Поскольку в Триполитании не было местной династии, чей представитель обладал бы легитимностью в глазах местных элит, республика как союз местных элит была оптимальной формой самоорганизации для отпора итальянскому вторжению. Тем не менее нельзя исключить, что в дальнейшем, если бы триполитанцы смогли сохранить внутреннее единство, Триполитанская республика смогла бы стать успешно функционирующим государственным образованием. Однако именно отсутствие внутреннего единства, как на уровне личностей, так и на уровне племен и этнических групп (арабов и берберов), породившее Триполитанскую республику, стало также и причиной ее падения.

Киренаика, в свою очередь, выделяется той важнейшей ролью, которую в истории ее сопротивления сыграли тарикат сенуситов. Сенуситы составляли самую крупную арабскую организованную силу в Ливии. Они приняли активное участие в сопротивлении итальянцам начиная с 1911 г, однако на первых порах они не играли столь заметную роль, в сравнении с триполитанцами, поскольку основная часть усилий итальянцев была сосредоточена в Триполитании. Вместе с Триполитанией, Киренаика во время Первой мировой войны добилась успехов в сопротивлении и в ней также, по достижении договоренностей с Италией, был учрежден парламент и гарантирован широкий перечень прав для коренного населения. Однако окончание

²⁴⁰ Ibid.

Первой мировой войны позволило итальянскому правительству сосредоточить больше усилий на укреплении своей власти в Ливии, в то время как сопротивление, в том числе в Киренаике, лишилось поддержки из Германии и Османской империи.

Сопротивление сенуситов затруднялось также тем, что в 1922 их духовный и политический лидер покинуло страну. Таким образом, инициатива не только в военной повестке, но и в политической перешла на сторону итальянцев. Отдельные поражения, которые наносили итальянцам отряды сенуситов, не могли решительно изменить итог кампании. Тем временем руководство сенуситскими военными отрядами постепенно принял на себя Омар аль-Мухтар.

Киренаика выделяется относительно Триполитании также тем, что итальянцами в отношении ее коренного населения была проведена настоящая война террора. Подсчитано, что около 12 тыс. арабов были казнены в Киренаике в период 1930-1931 гг. В то же время все кочевое население, около 100 тыс., горного района Джебель аль-Ахдар было насильственно переселено в концентрационные лагеря в центральной, весьма пустынной, части Ливии, на побережье Сирта. В концентрационных лагерях смертность была очень высокой, что привело к существенному сокращению численности населения Киренаики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Не публиковавшиеся документы архивов; опубликованные документы архивов; международные соглашения и договоры; нормативно-правовые акты Италии

1. Archivio Centrale Statale. Ministero Africa Italiana. C.S 126 Rapporti dell'Intelligence da diverse fonti. Конфиденциальный меморандум от Lieutenant-General, General Staff, Force in Egypt, направленный британскому политическому советнику в Египте. 13.09.1918.
2. ACS. PCM. 1912. Busta 6/442, fascicolo 261, письмо от генерала-лейтенанта Канева (Caneva) Председателю совета министров Джованни Джиолитти 26 мая 1912.
3. AECL. Cartella 43. Fascicolo 3. Relazionioni Al Capo del Governo. 24.03.1934.
4. AECL. Cartella 43. Fascicolo 3. Sottofascicolo 1935. Доклад Главе правительства. 16.05.1935.
5. AECL Verbali di Consiglio di Amministratzione. № 1. 03.09.1937.
6. ASMAI. Libia. Pos. 110/1. F. 1. № 1667. 18.08.1916.
7. ASMAI. Libia. Pos.122/6. F. 47.
8. Agreement between France, Russia, Great Britain and Italy. Signed in London April 26 1915. London. His Majesty's Stationery Office. 1920.
9. Archivio centrale dello Stato. Roma. Carte Graziani. B. 1. F. 2. Sf. 2.
10. Archivio Centrale Statale. Ministero Africa Italiana (Direzione Generale Affari Politici, Archivio Segreto). Busta 14 (Confini Occidentali e Meredionali della Libia).
11. Archivio della Camera dei Deputati. Vol. 1354.
12. Decreto regio. 11.06.1932. № 696.

13. Decreto regio. 11.10.1934.
14. I documenti diplomatici italiani. Quinta serie: 1914–1918. Vol. I. Roma, 1954.
15. Graziani R. Pro memoria del Maresciallo d'Italia. Cirene. il 22 ottobre 1940. A.S.M.A.I. Cittadinanza italiana speciale ai musulmani libici 1938–1943. Affari Politici. Elenco III. C. 91. Fasc. 292.
16. La legge del 30 giugno 1912 № 666.
17. La legge del 26 giugno 1927 № 1013.
18. Les Accords Franco-Italiens de 1900–1920. – Paris: Imprimerie Nationale, 1920. – Barrere M. a Delcasse M. – Rome, 10 janvier 1901.
19. Massara G. Relazione sulle condizioni igienico-sanitarie dei nuovi village rurali dell'Ente di colonizzazione. AECL. Cartella 42. Fascicolo 1. Sottofascicolo 3. 1934.
20. Pribram A.F. The Secret Treaties of Austria-Hungary 1879–1914. Vol I. Harvard University Press, 1920.
21. Pagliano E. (Ed.). La Libia negli atti del parlamento e nei provvedimenti del governo. Milano, 1912.
22. Rouard de Card E. Traités de delimitation concernant l'Afrique française, Supplement, 1910–1913. Paris, 1913.
23. Statuto dell'Ente per la colonizzazione della Cirenaica. – Articolo 7. – P. 5598 // Gazzetta Ufficiale. – 16.12.1932. – № 289.

Источники

Издания 1890-х – 1940-х гг., в том числе мемуары

(колонимальный период)

1. Башмаков А.А. Триполитания и Киренаика в отношении их истории этнографии. – СПб., 1912.
2. В.Н. Обзор морских операций итальяно-турецкой войны. Морской сборник. – 1911. – № 12 (декабрь).

3. Доливо-Добровольский Д. Иностранное обозрение // Морской сборник. – 1913. – № 10. – С. 138–167.
4. Елисеев А.В. По белу свету. – СПб, 1896.
5. Меморандум Триполитанского комитета в Каире // Аль-Ахрам. – 20.01.1949.
6. Askew W.C. Europe and Italy's Acquisition of Libya, 1911–1912. – Durham: Duke University Press, 1942.
7. Baratta M., Visintin L. Atlante delle Colonie Italiane. – Istituto Geografico De Agostini, 1928.
8. Bates O. Eastern Libyans. London, 1914.
9. Bertarelli L. Guida d'Italia del Touring Club Italiano. – Possedimenti e Colonie. – Milano, 1929.
10. Borsi U. Cittadinanza e sudditanza colonial nell'ordinamento Odierno: Atti del terzo congress di studi coloniali. – 12–17 aprile 1937, Firenze. – II sezione (Giuridica). – Firenze: Sansoni, 1937. – Vol. III.
11. Cadorna L. Altre pagine sulla Grande Guerra. – Milano: Mondadori, 1925.
12. Chierici A. A Tripoli d'Italia: diario di un corrispondente di guerra. Pistoia, 1912.
13. Ciasca R. Storia contemporanea dell'Italia coloniale. – Milano: Hoepli, 1940.
14. Corradini E. L'Ora di Tripoli. – Milano, 1911.
15. De Mathuisieulx H.M. La Tripolitaine d'hier et de domain. Paris, 1912.
16. De Vecchi P. Italy's Civilizing Mission in Africa. – New York: Brentano's, 1912.
17. Evans-Pritchard E.E. The Sanusi of Cyrenaica. – Oxford, 1949.
18. Fenzi E.O. Preludi di Frutticoltura a Tripoli. – L'Agricoltura Coloniale. – 1923. – № 2.
19. Fradeletto A. La fine d'un parlamento e la dittatura d'un ministro. Seguito da

appunti statistici su suffragio universale e analfabetismo. – Milano: Fratelli Treves, 1911.

20. Ghisleri A. Tripolitania e Cirenaica dal Mediterraneo al Sahara: Monografia storico-geografica. – Milano, Bergamo, 1912.

21. Gray J.C., Silverman L. The Fate of Italy's Colonies. – London, 1948.

22. Gribaudo P. La Piu Grande Italia. – Torino: Societa Editrice Internazionale, [б.д.].

23. Holmboe K. Desert Encounter. – London: George Harrap, 1936.

24. Lapworth C. Tripoli and Young Italy. – London., 1912.

25. Maggiolini A.V. La situazione in Tripolitania // Rivista Militare Italiana. – 1922. – Gen. – P. 40–44.

26. Martini F. Diario, 1914–1918. Milano: Mondadori, 1966.

27. McCullagh F. Italy's War for a Desert. – London: Herbert & Daniel, 1912.

28. Monroe E. The Mediterranean in Politics. – London: Oxford University Press, 1938.

29. Ramm A. Great Britain and the planting of Italian power in the Red Sea 1868–1885 // English Historical Review. – 1944. – Vol. LIX. – № 2.

30. Romanelli P. Roma e l'Africa: Quaderni dell'Imperi: Roma e il Mediterraneo. – Spoleto: Reale Istituto di Studi Romani, 1943.

31. Stanley H.M. Il Congo e la Creazione del Nuovo Libero Stato. Storia di Lavoro e di Esplorazione, I–II. – Vol. II. – Milano, 1890.

32. Stead W.T. Tripoli and the Treaties. – London, 1911.

33. The American Journal of International Law. Supplement: Official Documents. 1913. – Vol. 7. – № 1. – P. 58–62.

34. Yeats-Brown F. Bloody Years: A Decade of Plot and Counter-Plot by the Golden Horn. – New York: Viking Press, 1932.

Литература

1. Аршаруни Н.А. Иностраный капитал в Ливии (1911–1967 гг.). – М., 1970.
2. Ад-Даджани А.С. Либия кабля-ль-ихтиляль аль-итали. – Каир, 1971.
3. Аз-Зави ат-Тагер А. Джихад аль-Абталь (цит. по: Егорин А.З. История Ливии. XX век. С. 69).
4. Аш-Шанити М. Кадыйя Либия. – Каир, 1951.
5. История национально-освободительной борьбы народов Африки в новейшее время / Отв. ред. Громыко А.А. – М.: Наука, 1978.
6. Дьяков Н.Н. Магриб-Машрик-Россия: материалы по историографии и истории арабского мира. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2014.
7. Егорин А.З. История Ливии. XX век. – М.: Институт востоковедения РАН, 1999.
8. Егорин А.З. Современная Ливия. – М., 1996.
9. Луцкий В.Б. Новая история арабских стран. – М., 1965.
10. Прошин Н.И. История Ливии в новейшее время (середина XVI – начало XX в.). – М., 1981.
11. Прошин Н.И. История Ливии. Конец XIX в. – 1969 г. – М.: Наука, 1975.
12. Таарих Либия мунзу акдам аль-Асур. – Триполи, 1972.
13. Трофимов В.А. Итальянский колониализм и неоколониализм. История и современность. – М.: Наука, 1979.
14. Хакки М. Либия аль-арабийя каинна тайиш фига. – Каир, 1962.
15. Шукри Ф. Ас-Синусийя-дин ва давя... (цит. по: Егорин А.З. История Ливии. XX век).
16. Шукри Ф. Миляд давя Либия аль-хадиса, васaik тахририга... – Каир, 1957 (цит. по: Егорин А.З. История Ливии. XX век. С. 87).
17. Яхимович З.П. Итало-турецкая война 1911–1912 гг. – М., 1967.
18. Ahmida A.A. State and class formation and collaboration in Colonial Libya.

Italian Colonialism. – Palgrave MacMillan, 2005.

19. Ahmida A.A. The Making of Modern Libya: State Formation, colonization and Resistance. – State University of New York, 2009.

20. Al-Barbar A. Economics of Colonialism: the Italian Invasion of Libya and Libyan Resistance 1911–1920. A Socio-Economic Analysis. – Tripoli, 1992.

21. Altenkamp S. Italian Colonial Archeology in Libya 1912–1942 // Archeology under Dictatorship / Ed. M.L. Galaty & C. Watkinson. – New York: Springer, 2004.

22. Bandini F. Gli italiani in Africa: Storia delle guerre coloniali, 1882–1943. – Milano: Res Gestae, 2014.

23. Bono S. Le Frontiere in Africa. – Milano, 1972.

24. Boot M. The Road Not Taken: Edward Lansdale and the American Tragedy in Afghanistan. – 2018.

25. Bosworth R.J.B. Italy the Least of the Great Powers: Italian Foreign Policy Before the First World War. – Cambridge University Press, 2005.

26. Cabasi F., Messina G. La Medina di Tripoli // Quaderni dell'Istituto Italiano di Cultura di Tripoli. – 1979. – № 1.

27. Cadorna L. Lettere Familiari. – Milano: Mondadori, 1967.

28. Choate M.I. The Tunisia Paradox: Italian Aims, French Imperial Rule, and Migration in the Mediterranean Basin // California Italian Studies Journal. – 2010.

29. Collins C. Imperialism and Revolution in Libya. – MERIP Reports. – 1974. – № 27.

30. Cresti F. Oasi di italianità: La Libia della colonizzazione agraria tra fascismo, guerra e indipendenza (1935–1956). – Società editrice internazionale.

31. De Felice R. Jews in an Arab Land: Libya 1835–1970. – Austin: University of Texas Press, [б.р.].

32. Del Boca A. Italiani, brava gente? Vicenza: Neri Pozza, 2005.

33. Del Boca A. Mohamed Fekini and the fight to free Libya. – Palgrave Macmillan, 2011.
34. De Leone E. La colonizzazione dell’Africa del Nord (Algeria, Tunisia, Marocco, Libia). – Padua, 1957.
35. Elwitt S.H. French Imperialism and Social Policy: the Case of Tunisia. – Science and Society. – 1967. – Vol. 31. – № 2.
36. Ferguson N. Empire: How Britain Made the Modern World. – Allen Lane, 2002.
37. Fuller M. Moderns Abroad: Architecture, Cities and Italian Imperialism. – Routledge, 2007.
38. Kent M. (Ed.). The Great Powers and the End of the Ottoman Empire. – London: Frank Cass, 2005.
39. Khadduri M. Modern Libya... – Baltimore, 1963.
40. Labanca N. La Guerra Italiana per la Libia 1911–1931. – Bologna: Il Mulino, 2012.
41. Labanca N. Oltremare: storia dell’espansione coloniale italiana. – Bologna: Il Mulino, 2007.
42. MacLaren B. Architecture and Tourism in Italian Colonial Libya: an Ambivalent Modernism (цит. по: Elshahed M. Italian Architecture in Colonial Libya // Review of Middle East Studies. – 2010. – Vol. 44. – № 1).
43. Mukherjee M. India in the Shadows of the Empire: A Legal and Political History (1774–1950). – Oxford University Press, 2012.
44. Munzi M. Italian Colonial Archeology in Libya: from Colonial Romanita to Decolonization of the past в Archeology under Dictatorship / Ed. M.L. Galaty & C. Watkinson. New York: Springer, 2004.
45. Naldi G.J. The Aouzou strip dispute – a legal analysis // Journal of African Law. – 1989. – Vol. 33. – № 1.
46. Opera tratta dagli scritti di Gaspare Colosimo: 1916–1919. Pompeii: Scuola

Tipografica Pontificia Bartolo Longo, 1954.

47. Recchia S., Urbinati N. *A Cosmopolitanism of Nations: Giuseppe Mazzini's Writings on Democracy*. – Princeton University Press, 2009.

48. Podesta G-L. Colonists and “Demographic” Colonists. *Family and Society in Italian Africa // Annales de Demographie Historique*. – 2011. – Vol. 122. – № 2.

49. Roberts A. *A History of the English-Speaking Peoples since 1900*. – Weidenfeld & Nicolson, 2006.

50. Robinson D. *The Holy War of Umar Tal*. – Oxford University Press, 1985.

51. Rochat G. *Il Colonialismo Italiano*. – Torino, 1973.

52. Rochat G. *Italo Balbo*. – Edizioni Utet, 1986.

53. Rochat G. La repressione della resistenza araba in Cirenaica nel 1930–1931 in *Il movimento di liberazione in Italia*. 1973. № 110.

54. Romano S. *La Quarta Sponda*. – Milano, 2005.

55. Romano S. *Volpi Giuseppe: Industria e finanza fra Giolitti e Mussolini*. – Venezia, 2011.

56. Rochat G. *Le guerre italiane 1935–1943. Dall'impero d'Etiopia alla disfatta*. – Einaudi, 2005.

57. Rossi E. *La storia di Tripoli e della Tripolitania dall conquista araba al 1911*. – Roma, 1968.

58. Rustow D.A. *Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model*. – *Comparative Politics*. – April 1970.

59. Sangiovanni O. *La Medina di Tripoli. Dal Piano Regolatore del 1912 ai lavori del 1945–1936 // Islam. Storia e Civiltà*. – 1990. – Vol. 9. – № 1.

60. Segre C. *Italo Balbo – a Fascist Life*. – University of California Press, 1990.

61. Stephenson C. *A Box of Sand: The Italo-Ottoman War 1911–1912*. – 2014.

62. Strang G.B. *Imperial Dreams: The Mussolini-Laval accords of January 1935 // The Historical Journal*. – 2001. – Vol. 44.

63. Vandewalle D. A History of Modern Libya. – Cambridge University Press, 2012.
64. Veracini L. Italian Colonialism Through a Settler Studies Lens // Journal of Colonialism and Colonial Studies. – 2018. – Vol. 19. – № 3. – P. 5–6.
65. Wright J. A History of Libya. – New York, 2012.
66. Wright J. Libya, Chad and the central Sahara. – London: Hurst & Company, 1989.
67. Zocchi B. Italian Colonialism in the Making of National Consciousness: the Representation of African Natives // Storicamente. – 2019. – № 15 (1).

Энциклопедия

Brownlie I. (Ed.). African Boundaries: A Legal and Diplomatic Encyclopaedia, 1979.

Диссертации

1. Anderson L. States Peasants and Tribes, Thesis (Ph.D.). – Columbia University, 1981.
2. Appleton LA. Italian Educational Policy Towards Muslims. – King's College University. – London, 1979.
3. Barbar A.M. The Tarablus (Libya) Resistance to the Italian Invasion: 1911–1920. – Madison: University of Wisconsin, 1980.
4. Vino M. La vita coloniale nella “Quarta Sponda”; la societa libica nell contesto imperiale fascista (1921–1940). – 2019.

Интернет-источники

1. Поход на Рим [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. – URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/3163895 (дата обращения:

24.02.2023).

2. Della Salla V. The Empire That Never Was [Электронный ресурс]. – Valdai Club. 2021. – URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/the-empire-that-never-was-italy/> (дата обращения: 24.02.2023).

3. German history in Documents and Images [Электронный ресурс]. – Vol. 6. Weimar Germany, 1918/19–1933. Mudros Agreement: Armistice with Turkey (October 30, 1918). – URL: http://germanhistorydocs.ghi-dc.org/pdf/eng/armistice_turk_eng.pdf (дата обращения: 24.02.2023).

4. World Statesmen.org: Libya. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.worldstatesmen.org/Libya.htm> (дата обращения: 24.02.2023).